

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Кафедра мировой истории и международных отношений
ЦЕНТР АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Межрегиональный институт общественных наук (МИОН)

Татьяна Петровна Кальянова

**Ориентализм и Британская Индия:
литература, идеология, политика**

Учебное пособие

Иркутск, 2014

ББК ТЗ(5Ид)+ТЗ(4Вл)-64]я73
УДК 9(540)+327(410:540)](075.8)

Печатается по решению ученого совета исторического факультета
Иркутского государственного университета

Библиотека Исторического факультета ИГУ

Автор: Т.П. Кальянова

Рецензенты: **Грудзинский В.В.**, доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории Челябинского государственного
университета

В.В. Есипов, доктор исторических наук, профессор педагогического
института ИГУ

Ориентализм и Британская Индия: литература, идеология и политика.
Учебное пособие. / Т.П. Кальянова. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. –

В учебном пособии, представлены очерки, в которых рассматривается представление о культурно-исторических различиях восточных и западных стран, ставшее основой ориентализма-науки и ориентализма-идеологии. Дихотомия Восток-Запад проявилась в художественной литературе, в политике. В книге представлены особенности восприятия и описания Индии в британских травелогах в первой трети XIX в., когда происходили процессы колонизации этой страны.

Предназначено для изучения курсов «Ориентализм: идеология и политика», «История отечественного востоковедения», «Образ Востока в культуре Запада»

Учебное пособие адресовано профессиональным исследователям, преподавателям, аспирантам и студентам исторических факультетов.

Содержание

Введение

Глава 1. Ориентализм: география, культура, политика.

- 1.1.Идея Востока и Запада: от географии к культуре и идеологии.
- 1.2.Дихотомия "Восток-Запад" в современном обыденном сознании.
- 1.3.Ориентализм и империализм: дискурс колонизации и колониализма.
- 1.4. Путешествия по Индии в первой трети XIX в.: ориентализм в британских травелогах.

Глава 1. Индия первой трети XIX в. в британских травелогах : литература, идеология, политика.

- 2.1. Путешествия британцев по Востоку и Западу: интеллектуальный контекст геополитики.
- 2.2.Образование и кадровые вопросы в политике Ост-Индской компании в начале XIX в.
- 2.3. Два поколения британских служащих в Индии: карьеры и судьбы (рубеж XVIII-XIX вв.)
- 2.4. Путешествие епископа Хибера по Индии в 1824-1825 гг.
- 2.5. Индийские путешествия Марии Грэхем: путевая беллетристика в контексте имперского сознания.
- 2.6. "Живое ощущение восточного человека" или образы туземцев в книге Александра Бернса " Путешествие в Бухару".
- 2.7. Британская политика в индийских княжествах: версия Дж. Малколма.
- 2.8. Возвращение домой: путешествие Сары Лашингтон из Индии в Европу в 1827-1828 гг.

Заключение

Методические указания и задания для самостоятельной работы.

Список рекомендованной литературы.

Введение

В последней трети XX - начале XXI вв. в востоковедных исследованиях влиятельной оказалась книга Эдварда Саида "Ориентализм. Западные концепции Востока". Представленная автором концепция возникновения теорий и идей о Востоке опиралась на наиболее заметные книги западных ориенталистов, но неизбежно упускала из поля зрения множество не менее значимых текстов. Содержавшиеся в них детали и частности авторского восприятия восточного мира могут служить плодотворной почвой для уточнения, для создания все более адекватного понимания того, как происходило познание и взаимопроникновение Востока и Запада. Обширный материал для такого уточнения могут дать тексты путешествий, травелоги, британских служащих по Индии в первой трети XIX в.

Ориентализм, представленный Э. Саидом, в своей основе имеет идею разделенности мира на Восток и Запад. Эта идея оказывала влияние не только на географические представления людей, она долгое время определяла и колониальную политику на Востоке. Во взаимоотношениях физического мира и мира слов происходила незаметная подмена действительного явления выражающим его понятием. Такие умозрительные гипотетические конструкции неожиданно становились кажущимися явлениями объективной реальности, оставаясь фикцией¹. Особенно опасным это становилось тогда, когда предпринимались попытки воплотить некую идею или принятые решения в жизнь.

Человеческая индивидуальность, человеческая сущность тех реалий, которые обозначены этими словами, оказались способны затеряться в идеологизированной схеме мышления. Так идея смогла отменить человека. Вероятно, именно это свойство имел в виду Дж. М. Кейнс, когда писал, что

¹ Эдвард Саид писал так об этом: «Вполне можно утверждать, что некоторые отдельные предметы являются созданием ума и что эти предметы, обретая объективное существование, обладают лишь фиктивной реальностью». - Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: «Русский Мирь».2006. С . 86

«...идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад»². Он так обозначил опасную черту своего времени: «...рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла»³.

В XX в. ход мировой истории определяли слова, содержавшие суффикс ”-изм”. Они возникли в Европе еще в предыдущем столетии. Идеи реальных процессов и явлений превращались в идеологию политических групп, становились активными творцами истории. Так случилось и с идеей Востока. Это безобидное слово “Восток” становилось гибельным, когда в общественном сознании утверждалось понимание его как воплощения чужеродности, отсталости, неполноценности, неспособности к самостоятельному развитию.

1.1.Идея Востока и Запада: от географии к культуре и идеологии.

Попробуйте вспомнить, насколько часто в повседневной жизни встречается слово ”восток”. Усвоенное в детстве знание, что там восходит солнце, создает важный пространственный ориентир. Если вы окажетесь на иркутском вокзале, то расписание поездов и электричек сможет предложить вам только две возможности: уехать ”на восток” или ”на запад”. В памяти могут произвольно всплывать обрывки когда-то услышанных фраз: «Восток - дело тонкое», «Горит восток зарею новой...», «Ветер с востока преодолевает ветер с запада...». Плоды доставшегося нам просвещения незаметно уводят от представлений о сторонах света к мифопоэтическим

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: «Гелиос АРВ», 1999. С.350.

³ Там же. С 458

значениям этого слова. Наиболее отчетливо это звучит в знаменитом изречении Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток...». В нем представлена не только география, но и сложившееся в незапамятные времена историко-культурное деление мира на две несоединимые противоположности.

Стихотворение «Баллада о Востоке и Западе» заканчивается словами «Но нет Востока и Запада нет...», однако чаще вспоминается и произносится именно первая строка. Идея о неустрашимом разделении мира как будто оказывается ближе и привычнее, чем мысль о мировом единстве. Идеи рано или поздно превращаются в идеологию. Такая метаморфоза произошла и с "Востоком" (Orient). В Европе сложился ориентализм как сумма представлений о так называемых восточных странах и народах. Ориентализм оказался не только наукой о Востоке, но и идеологией колониальной политики, проводившейся там так называемыми западными империями.

В знаменитой книге «Ориентализм. Западные концепции Востока» Э. Саид дал этому явлению такое определение: «Ориентализм – это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии "Востока" и (почти всегда) "Запада". Так что значительная часть авторов, среди которых есть поэты, писатели, философы, теоретики-политологи, экономисты и имперские администраторы, усвоила это базовое различие Востока и Запада в качестве отправной точки своих теорий, стихов, романов, социальных описаний и политических расчетов в отношении Востока, его народов, обычаев, "ума", судьбы и т.д.»⁴.

Отмеченное Э. Саидом «базовое различие Востока и Запада» оказалось устойчивой конструкцией, некогда появившейся в европейской культуре, распространившейся во всемирных масштабах и сохранившейся до сих пор. Такой скрытый ориентализм, по словам Э. Саида, «передаваясь из

⁴ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: «Русский Мирь».2006. С.

поколения в поколение, (...) является такой же частью культуры, как и язык геометрии или физики»⁵

1.2. Дихотомия⁶ ”Восток-Запад” в современном обыденном сознании.

Попробуйте назвать те мгновенно возникающие ассоциации, которые появляются, когда произносятся слова ”восток”, ”запад”, призванные обозначать стороны света. В таблицах 1 и 2 представлены результаты такого опыта⁷.

Таблица 1. Представления о Востоке и Западе студентов 1 курса. 2014 г.

Восток	Запад
Япония, сакура, восход, солнце, Китай, рис, гейши, красивая необычная одежда, реки, Украина, пряности, кимоно, буддизм, рис, йога, утро, тишина, душа, чай, фантазия, порядок, трудоголики, медведи, ислам, степи, Хабаровск, мир, Азия, дом, Байкал	Хорошие книги, Америка, Европа, шоколад, Петр 1, прогресс, английский язык, европейская внешность, Германия, санкции, цивилизация, индустрия, прогресс, путешествие, hi-tech, капиталисты, телевизор, замки, Обама, суэта, успех, Дикий запад, ковбои, высокие технологии, хочу туда, зарубежные страны, другой мир, английский, личность, война, слякоть, атеизм. Рим, варвары, монархические государства

Таблица 2. Представления о Востоке и Западе студентов 5 курса. 2008 г.

Восток	Запад
--------	-------

⁵ Там же. С.343.

⁶ Дихотомия – деление надвое, на два взаимоисключающих понятия.

⁷ Таблицы составлены по материалам студенческих опросов, проводившихся на историческом факультете ИГУ в спецсеминаре «Образ Востока в культуре Запада».

<p>Тирания, отсталость, патриархальность, ветхость, мудрость, специи, буддизм, восточные танцы, кальян, культура, яркие краски, многонациональность, танец живота, жестокость, Китай, Япония, культура, буддизм, ислам, дешевая рабочая сила, сладкое, подушки, вечер, завод, чайки, древность, умиротворенность, традиция, цикличность, мудрость, рынок, ислам, дворец, семья, сладости, сказка, жара, дворец, оазис, мечеть, Омар Хайям, Коран, паранджа, горы, спокойствие, плавность, лампа, борода, солнце, рис, буддийские храмы, высокая мораль, почитание старости, древнейшая культура, порох, ирригационные сооружения, восточные пряности, шатер, девушки в легких развевающихся одеждах, воздушные замки, беседки в китайско-японском стиле, изящные мостики, драконы, сакура, летящие лепестки</p>	<p>Динамизм, цивилизованность, превосходство, сила, современность, свободный, цивилизация, прогресс, овсяная каша, либерализм, парики, единство, гуманизм, мода, США, кризис, Макдональдс, сигареты, железная дорога, университеты с каменными лестницами, кофейня, розовое, агрессия, активность, прогресс, катастрофа, война, заводы, движение, город, война, кризис, бизнес, город, свежесть, техника, костюм, рыцарь, Париж, Биг Бен, суетность, бакенбарды, машины, логика, наука, космос, закон, порядок, урбанизация, эпоха Возрождения, высокая культура, искусство, быстрый ритм жизни, христианство, рыцарство, крестоносцы, суетливость городов, пантеон, олимпийское многобожие, Ренессанс, классика, Париж, Венеция, Лондон, благостоятельность,</p>
---	---

В представлениях студентов 1 курса о Востоке присутствуют природно-климатические и географические понятия, такие как Япония, восход, Китай, утро, Азия, степи, Хабаровск, Байкал. Но там оказываются и историко-культурные ассоциации: гейши, кимоно, йога. В этом списке возникает тема религий: буддизм, ислам. Восток оказывается страной "фантазий", "необычного", "красивого", обителью "души". Там пребывает "мир", "тишина" и проживают "трудоголики".

В «западном списке» тоже есть география, природа, климат, история и культура. Но здесь возникают темы, не проявившиеся в предыдущем перечислении: технологии (hi-tech, индустрия, телевизор), политика (монархические государства), идеология (капиталисты), чтение (хорошие книги), индивидуальность (Обама, Петр I, личность). Эмоционально-оценочное видение Запада противоположно Востоку: вместо мира и тишины,

здесь война, суета, успех. Очень примечательным оказывается непроизвольное желание "хочу туда". Запад мыслится как нездешний мир, тогда как с Востоком связано понятие "дом".

К окончанию университета студенческие представления о Востоке и Западе становятся более сложными, подробными, разнообразными, но «базовое различие Востока и Запада» не стирается. Оно закрепляется образованием, приобретает новые эстетические оценки и идеологические убеждения. С Востоком связываются тирания, отсталость, патриархальность, ветхость, жестокость, но также и мудрость, почитание старости, высокая мораль, умиротворенность, цикличность. Восток пряный, сладостный, изящный, воздушный, сказочный, древнейший, яркий и красочный. Там находится "дешевая рабочая сила". Поэт Омар Хайям представляет Восток

Запад динамичный, цивилизованный, превосходящий, свободный, прогрессивный, благосостоятельный, гуманистический, активный. Но он также агрессивный, воинственный, урбанизированный, кризисный и даже катастрофический. И хотя там находятся "университеты с каменными лестницами", Запад в студенческих ассоциациях представлен не поэтами или мыслителями, а Макдональдсом.

За годы учебы две половинки, составляющие дихотомию Восток-Запад, становились не просто различающимися, но зачастую и взаимоисключающими. Такие представления устойчиво воспроизводятся из года в год и отличаются малой вариативностью⁸.

Таким образом, в процессе образования происходит сознательное или случайное конструирование культурных различий Востока и Запада, и это определяет мировидение университетских выпускников. Превращаясь в стереотип и перемещаясь в сферу бессознательного, дихотомия Восток-Запад не всегда становится предметом критического самоанализа, но формирует суждения и поступки. Тем самым это культурно-географическое

⁸ Упоминание Украины в списке восточных ассоциаций в 2014 г. объясняется успешным воздействием на сознание средств массовой информации, постоянно транслировавших в течение этого года словосочетание «восток Украины».

противопоставление оказывается такой формой интеллектуальной власти, о которой писал Э. Саид: «В этой власти нет ничего таинственного или естественного. Это оформленная, распространенная и насаждаемая позиция; она инструментальна, убедительна, она обладает определенным статусом, она задает каноны вкуса и значимости, ее практически невозможно отделить от определенных идей, объявляемых истинными, и от традиций, восприятий и суждений, которые она формирует, передает и воспроизводит. (...) Все эти атрибуты власти присущи и ориентализму»⁹ Ориентализм представляет «силу западного культурного дискурса», «чудовищную структуру культурного доминирования»¹⁰ включенную в политику колонизации и колониализма.

1.3. Ориентализм и империализм: дискурс колонизации и колониализма.

Дж. Гобсон в своей знаменитой книге «Империализм» в 1902 г. отметил изменение характера наблюдавшей тогда колонизации: «... современная территориальная экспансия метрополий резко отличается от колонизации скудно заселенных земель умеренной зоны, куда белые колонисты приносят с собой систему управления, промышленность и другие достижения цивилизации родной страны. «Занятие» этих новых территорий выражается в том, что ничтожное меньшинство белых людей – чиновников, торговцев и промышленников – осуществляет свою политическую и экономическую власть над громадными ордами людей, рассматриваемых как низшая раса, неспособная пользоваться какими-либо реальными практиками самоуправления в области политики и индустрии»¹¹

Центром этого высказывания оказывается сильное эмоционально-оценочное выражение о «громадных ордах людей, рассматриваемых как

⁹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: «Русский Миръ».2006. С.

¹⁰ Там же. С.43

¹¹ Гобсон Дж. Империализм – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 36

низшая раса». Для осуществления колонизации как «занятия» новых территорий использовалась идея стадильно-культурного противопоставления, и в идеологии колониализма так называемый Восток представлялся территорией обитания упомянутых «орд низших рас».

Наиболее откровенно, по мнению Дж. Гобсона это звучало в публичных высказываниях некоторых политиков. «Бельгийский король Леопольд требовал признания своих прав на Конго в таких выражениях: “Единственная наша цель – это моральное и материальное возрождение страны”. Там, где дело касается мотивов, вдохновляющих людей, трудно установить предел их способности обманываться как на счет качеств, так и на счет ценности их. Политические деятели, в частности, приобретают настолько сильную привычку выставлять свои планы с наилучшей стороны, что скоро сами убеждают себя, что единственный мотив их политики – действительно тот идеальный результат, которого они будто бы ждут от этой политики. Что же касается публики, то обманывать ее – в порядке вещей»¹²

Конструирование культурных различий было историко-филологической основой идеологии колониализма и политики империализма. Процесс написания текстов о восточных странах и народах, даже если они были вполне лояльными, безобидными и невинными, содержал в себе возможности такого конструирования. Из этих текстов складывался ориентализм, который составлял дискурс колонизации и колониализма¹³. Он был «...крепок не столько своей открытостью и восприимчивостью по отношению к Востоку, сколько внутренней, преемственной последовательностью в отношении конститутивной воли-к-

¹² Там же. С.152

¹³ Неоднозначность этих терминов и возможности их применения являются предметом дискуссий: См.: **А.Эткинд** : «...я вообще не использую слово «колониализм». Потому что это – «изм», это идеология, это наверняка плохо по определению. Тогда как колонизация – совершенно другое слово. (...) Колонизация и колониализм: колонизация – это процесс сложный, политический, исторический и культурный, колониализм – это идеология, с этим связано однозначное моральное осуждение. Колонизация может быть хорошей, может быть плохой, это всегда очень сложный процесс». // Обсуждение книги: **Там, внутри**. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. - Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 960 с.
http://www.worldhist.ru/library/review/434/9159/?sphrase_id=94650

власти над Востоком. В такой форме ориентализм смог пережить революции, мировые войны и буквальное расчленение империй»¹⁴.

Имперские исследования долгое время были сосредоточены на проблемах политического взаимодействия метрополии и колонии, экономических связей центра и периферии, на идеологическом обосновании цивилизаторской миссии, особенностях восприятия Другого. Не менее важным направлением исследования признавались также дискурсивные практики, которые сложились и использовались для описания мира империй.

Политика языка, используемого для конструирования культурных различий, оказалась ныне предметом исследовательского интереса¹⁵. Изобразительные средства колониального языка, его поэтическая функция долгое время определяли, признанию Э. Саида «...список оставшихся на мне, восточном человеке, следов культуры, чье доминирование являлось таким мощным фактором жизни для всех людей Востока».¹⁶ Присутствующая в языке политическая и историческая сила,¹⁷ являющаяся еще одной разновидностью власти, делала литературу вольной или невольной участницей имперской колонизации восточных стран.

В первой трети XIX в. большое распространение в Европе, и в частности, в Британии, получили тексты путешествий. «...Восток, и в особенности Ближний Восток, стал для европейцев излюбленным местом путешествий и предметом литературных упражнений. Более того, появился значительный пласт европейской литературы в восточном стиле, часто основывавшийся на личном опыте путешествий»¹⁸. Эпоха романтизма и

¹⁴ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: «Русский Мирь».2006. С.343

¹⁵ Это подтверждается следующим высказыванием И. Кукулина: «Любую культуру можно изучать с точки зрения ответа на вопрос: как и кем в ней производятся метафоры внутренней колонизации, которые имеют очень большое значение для тех моделей личности, модели самосознания, модели социума, которые вырабатываются в той или иной культуре».

¹⁶ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: «Русский Мирь».2006. С.44

¹⁷ Сандомирская И. Блокада в слове: Очерки критической теории и биополитики языка. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.7.

¹⁸ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: «Русский Мирь».2006. С.247

практика образовательных путешествий способствовали ее расцвету. Для Британии таким «излюбленным местом путешествий и предметом литературных упражнений» постепенно становилась Индия.

1.4. Путешествия по Индии в первой трети XIX в.: ориентализм в британских травелогах.

«Путешествие – это практика культурного освоения пространства»¹⁹. В первой половине XIX в. странствие, перемещение из Европы в Азию и обратно было обычным делом для служилых британцев. Неслучайно в ту пору в Англии пользовались популярностью описания путешествий или рассказы о жизни в восточных странах. Значительная часть такой литературы создавалась теми, кто по долгу службы или по воле судьбы жил в Индии, а затем писал воспоминания, делился с читателями впечатлениями об увиденном и пережитом.

Тогда британские служащие значительную часть своей индийской жизни проводили в пути. Военные экспедиции, дипломатические поручения, административные обязанности или пасторский долг заставляли их отправляться в путешествие. Многие британцы вели дневник или путевые заметки, которые потом могли стать опубликованной книгой. Описания странствий или рассказы о жизни в восточных странах пользовались популярностью в Англии в те времена.

Записки путешественников или мемуары служащих запечатлели важные детали повседневной жизни британцев в Индии. Там можно найти повествование о дорожных приключениях, о встречавшихся людях, об экзотической природе, об охоте на диких животных, о странных обычаях туземного населения. В них сообщались сведения о способах путешествия, содержалось описание пути, давались рекомендации о том, что следовало

¹⁹ Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 181

брать в дорогу. Обычно в книгах ярко отражались личные качества, темперамент, образование и мировоззрение автора.

Изучавшая советские травелоги С. Франк писала: «.. литература путешествий постоянно оперировала двумя категориями: случайностью событий и впечатлений – и географической конкретностью и существенностью изображаемого. То и другое служило в описании путешествия созданию эффекта аутентичности»²⁰. Это в полной мере относится к британским травелогам первой трети XIX в.

Художественные и мыслительные практики, сложившиеся в британской культуре к началу XIX в., оставались в рамках литературоцентристской традиции, в которой слово претендовало на роль высшей достоверности. Беллетристика оказывалась не только литературной модой, но и важным фактором, влиявшим на общественное сознание. Поскольку словесная магия способна визуализировать описываемое, тексты путешествий, представлявшие приватные впечатления, создавали образы других миров, доступных для всеобщего восприятия. Так литературный светский язык задавал нормы и публичного имперского языка. Путевая беллетристика формировала в имперском сознании доступные для обыденного понимания образы другого мира. Многочисленность таких публикаций оказывалась свидетельством того, что читательский спрос на них был немалым.

В путевых дневниках и письмах отражался не только ландшафт, природа, встречавшиеся пейзажи. Так называемый восточный человек – постоянный персонаж этой литературы. Э. Саид утверждал: "Ждать от ориентализма живого ощущения восточного человека или даже социальной реальности – как обитателей современного мира – напрасное дело"²¹. В британских травелогах можно выяснить детали существовавших в разные времена вариантов "живого ощущения восточного человека", понимаемого

²⁰ Там же. С.203.

²¹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. - СПб.: "Русский мир", 2006. С. 276.

как способность воспринимать «чужое Я»²²: неповторимую, непохожую, неизвестную, другую человеческую личность.

В проблематике восприятия «другого» важным оказывается не только вопрос об увиденном "восточном человеке", но и об авторе зафиксированных наблюдений. В его субъективности содержался усвоенный им взгляд своего времени не только на "восточного человека", но и вообще на человека: "выдающегося", "великого", "маленького". Кроме того, ситуация встречи с "другим" часто становилась поводом для саморефлексии и самоидентификации наблюдателя.

"Проблема своего/другого располагается в поле напряжения между личной, социальной, культурной идентичностью и чем-то, находящимся вне ее границ – ненормальным, непринятым и т.п."²³. Наиболее отчетливо это "поле напряжения" проявлялось в пути, в странствиях по неизвестным местам. Записки путешественников в разной степени представляли данную проблематику.

Особенности восприятия и описания Индии британцами рассматриваются в данном учебном пособии на примере созданных в первой трети XIX в. текстов Реджиналда Хибера, Марии Грэхем, Александра Бернса, Джона Малколма, Сары Лашингтон. Кроме того, в нем даются очерки об образовании, особенностях службы британцев в Индии, о практике образовательных путешествий по Востоку и Западу.

²² О «чужом Я» см.: Румянцева Н.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // История через личность: Историческая биография сегодня. – М.: Квадрига. 2010. С. 19-37.

²³ Яриц Г. Конструирование "себя" и "другого. Позднесредневековые визуальные образы и создание идентичностей // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: Кн. 1. – М.: Наука, 2003. С. 551.

Глава 1. Индия первой трети XIX в. в британских травелогах : литература, идеология, политика.

2.1. Путешествия британцев по Востоку и Западу: интеллектуальный контекст геополитики.

В конце XVIII – начале XIX вв. путешествия были важной составной частью образования и воспитания британских юношей. Они оказывались необходимым условием осуществления британской геополитики. В поездках приобретались географические, этнографические знания, полученные непосредственно из жизни, из наблюдений за открывавшейся действительностью. Все это фиксировалось в путевых заметках и дневниках. Такие тексты не только отражали, но и формировали интеллектуальный контекст мира, способствовали утверждению идеи всеобщей истории. Благодаря путешествиям, широкий и разнообразный мир, возникавший перед странниками за пределами Британских островов, становился доступным для познания и практических действий, для осуществления геополитических замыслов.

Важную роль в формировании культуры интеллектуального восприятия мира, открывавшегося образованным британцам, играла книга А.Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов". Она оказала влияние не только на развитие экономических учений, но и на партийно-политическое соперничество в Англии, на британскую колониальную политику. Примером, подтверждающим это, могут быть настоятельные требования совета директоров Ост-Индской компании, согласно которым любые проекты реформирования налоговой, земельной системы в Индии следовало приводить в соответствие с доктринами политической экономии того времени, в первую очередь, с теориями А. Смита, Т. Р. Мальтуса, Д. Рикардо²⁴. К тому же один из названных

²⁴ Panigrahi D.N. Charles Metcalfe in India. Ideas and Administration. - Delhi, Munshiram Manoharlal, 1968. P. 79

теоретиков, Т.Р. Мальтус, преподавал в колледже Ост-Индской компании в Хейлибери, где обучались юноши, которым позже довелось служить на Востоке. Дистанция, разделявшая сферу чистой теории и практическую геополитику, оказывалась не столь огромной.

До написания своей знаменитой книги А. Смит совершил путешествие. Он посетил только Европу и потому упоминал неевропейский мир как гипотетический, предполагаемый, находившийся на периферии мира, где-то за линией горизонта, обозреваемого экономической мыслью. Неслучайно упоминание восточных стран сопровождалось замечаниями "судя по рассказам", "как передают", "сообщения путешественников говорят", "как кажется". Его знание о "магометанских народах", о "государствах Китая, Индостана, Японии, а также других странах Ост-Индии" основывалось на доступных сообщениях путешественников, на досужих рассуждениях модных, в основном французских, авторов. В книге отразились некоторые бытовавшие тогда предрассудки и увлеченность экзотикой Востока.

Однако неевропейский мир оказывался очень важным для А. Смита. Он привлекался для доказательства основополагающих теоретических умозаключений. Глобальный масштаб, взятый автором для подтверждения своих суждений, придавал его выводам большую убедительность и утверждал безусловную истинность предлагавшегося учения.

Поскольку теория А. Смита претендовала на открытие самоочевидных законов естественного порядка вещей, постольку широта географического охвата была негласным подтверждением этой естественности, как будто заданной самой природой. Неевропейский мир вписывался в создававшуюся гипотетическую картину в качестве своеобразной тени открывавшегося разумного порядка. Например, Китай своей бедностью и застоєм оттенял динамично богатевшую Европу. Европейская цивилизованность становилась значительнее в сравнении с Татарией и Сибирью, которые "...во все века

находились, по-видимому, в таком же варварском и диком состоянии, в каком они находятся и в настоящее время"²⁵.

Книга А.Смита изучалась в свое время студентами и любознательными читателями, среди которых были те, кто влиял на практическую британскую геополитику. Она задавала масштабы и проблематику интеллектуального освоения мира, создавала теоретический контекст истории, превращавшейся в те времена во всеобщую и мировую.

Одним из тех, кто продолжил такую традицию, был Т.Р. Мальтус, преподававший историю и политическую экономию в колледже Ост-Индской компании. Этот мыслитель понимал необходимость достойного образования, хороших знаний для тех, кто будет управлять 60 миллионами, составлявшими население британских владений в Индии. В 1817 г. он писал: «Надо ясно осознать и убедить всех в том, что интересы компании и материальное благополучие её индийских владений пострадали и могут пострадать ещё больше именно по причине недостатка знаний у служащих компании»²⁶.

Осознание важности непосредственного знакомства с миром, открывавшимся любознательному путешественнику, Т.Р. Мальтус приобрел в ходе своих европейских поездок. В 1799 г. он побывал в Скандинавии, в 1825 г проехал по северу Европы, в 1826 г. посетил Шотландию. Во время путешествий он вел дневник, в котором фиксировал маршрут, дорожные расходы, свои размышления, открытия. Так появлялись эмпирические данные, на основе которых выстраивались теории, а идеи поверялись увиденной жизнью.

В 1799 г. в путешествие по скандинавским странам отправились "четыре джентльмена из Кембриджа" или "тетрархия", как они сами называли себя: Уильям Оттер, Эдвард Даниэль Кларк, Джон Мартин Крипс

²⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Изд-во соц.-эк. литер. 1962. С. 32

²⁶ Malthus T.R. Statesments respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.:Kelley. P.237

и Томас Роберт Мальтус. Записи в скандинавском дневнике последнего из перечисленных позволяют увидеть, как путевые впечатления вступали в своеобразную переключку с его теоретическими выводами, представленными в знаменитом "Опыте о законе народонаселения"²⁷. Например, такое свидетельство в дневнике могло быть и на страницах названной книги: "Владение землей в этих местах было очень запутанным, что вместе со щедрым использованием бренди было повинно в низком росте населения. Женщины обычно не выходили замуж до 25 лет и редко имели большие семьи"²⁸.

Путь странников пролегал через такие крупные города как: Гамбург, Любек, Киль, Копенгаген, Христиания (Осло). Но гораздо чаще им встречались многочисленные маленькие городки и сельские поселения. Дорожные впечатления, беседы со случайными попутчиками, разговоры за обедами и ужинами давали некоторые разрозненные сведения, получаемые непосредственно из наблюдений за течением незнакомой жизни. Такое знание соотносилось с опубликованными текстами. В путевом дневнике Т.Р. Мальтуса встречались, например, упоминания о книге Уильяма Кокса "Путешествие через Польшу, Россию, Швецию и Данию"²⁹. Путешественники пользовались атласом, составленным Христианом Понтоппиданом³⁰, в котором были карты тех мест, где проходил их маршрут. Так осуществлялось соединение теории и эмпирики, проверялись догадки и предположения, строились новые гипотезы, подтверждались или опровергались былые выводы.

Т.Р. Мальтуса прежде всего интересовало состояние хозяйства в тех местах, где он оказывался. В дневнике он фиксировал разговоры шведов о

²⁷ Malthus T.R. Essay on the Principle of Population – L., 1798

²⁸ 5. The Travel Diaries of Thomas Robert Malthus, - Cambridge: Cambridge Univ.Press. 1966. P.

²⁹ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark, - L., 1792

³⁰ Christian Jochum Pontoppidan (1739-1807) – датский картограф. Возможно, Т.Р. Мальтус использовал книгу Эрика Понтоппидана "Естественная история Норвегии"(Pontoppidan E. The Natural History of Norway . – L. , 1755

нехватке рабочих рук после случившейся войны. Это дополнялось сведениями об инфляции бумажных денег и ее влиянии на уровень жизни населения. Например, 18 июня 1799 г. была сделана такая запись: "Слышали, что шведы ежегодно импортируют 800 000 баррелей зерна. Жалоб много на нехватку рук. Они посчитали, что в течение Русской войны³¹ от болезней и по другим причинам около сотни тысяч человек были потеряны. До войны они были процветающим государством, и тогда бумаги в обращении были такими же хорошими как звонкая монета. Нынешние банкноты еще сохраняют свою полную стоимость; но бумаги, которые были выпущены, чтобы покрыть издержки войны и для которых не было солидного обеспечения, сейчас обесценились на 40 процентов. Они были выпущены казначейством и гарантированы парламентом. Цена труда выросла значительно за последние годы, но цена продуктов питания выросла еще больше, так что работнику сейчас не намного лучше, чем прежде, когда преобладал рост населения"³².

На перегонах между станциями Т.Р. Мальтус зачастую встречал не только однообразные пейзажи, но и что-то диковинное. "До Конгсвольда полторы мили. Дикую печальную страну оживляли только снежные сугробы. Спустились с крутого холма к гостинице. В Конгсвольде мы видели лошадей, которые сами собой могли пускаться галопом к дверям гостиницы, где для них был готов корм с солью, который они стремились съесть с большой жадностью. Норвежцы и сами, казалось, готовы были находить соль так же, как их лошади. У них не было представления о том, чтобы есть что-нибудь просто свежим. В тот момент, когда масло выходит из маслобойки, в него добавляют соль, а в доме, в котором мы остановились, была поймана прекрасная форель, которая предназначалась нам на ужин, и хозяин спросил нас, как само собой разумеющееся, не хотим ли мы сначала просолить ее"³³.

³¹ Имеется в виду русско-шведская война 1787—1790 гг.

³² The Travel Diaries of Thomas Robert Malthus - Cambridge: Cambridge Univ.Press.1966. P.

³³ Ibid., P. 140

В разговорах с извозчиками часто возникали хозяйственные темы. Т.Р. Мальтус узнавал о количестве скота в хозяйстве, о формах и норме ренты, о размерах урожая. Такой экзотический продукт, каким был тогда картофель, также оказывался темой бесед. "Тот извозчик, с которым мы разговаривали по дороге до последней станции, говорил, что картофель бывает, но он внедряется недавно, и не все его использовали. Сам он с удовольствием принял картофель, но не все такие. В течение последних 7-8 лет в окрестностях Христиании увеличивается число тех, кто использует картофель, и сейчас он формирует значительную часть рациона простого народа в разных частях страны, но больше - во внутренних районах страны"³⁴.

Т.Р. Мальтус и его спутник У.Оттер мечтали побывать в Лапландии, и им представилась такая возможность. Эта северная страна, населенная оленеводами, была для них экзотической, необычной и притягательной. В путевом дневнике осталось описание того, как проходил визит в одну лапландскую семью. "Когда пожилой мужчина вошел, завтрак был уже готов. Он состоял из форели, очень приятно выглядевшей, которая была выловлена незадолго до того, как мы пришли, и двух сортов сыра из оленьего молока: один - белого цвета, а другой - мягкий и желтый. Пожилая женщина приготовила рыбу, разделив ее на куски одинакового размера, удалив из них кости, отделив голову, плавники, и положила все очень аккуратно на доску. Это определенно выглядело очень привлекательно, и поскольку то была прекрасная рыба, я должен был обязательно попытаться съесть, хоть немного. Но я видел процесс приготовления. Оно, главным образом, производилось пальцами, которые постоянно облизывались дочиста губами. Оттер съел мало, и после он говорил, что потом уже от одного воспоминания об этом чувствовал тошноту"³⁵.

³⁴ Ibid., P. 137

³⁵ Ibid., P. 190

Гастрономическая любознательность Т.Р. Мальтуса оказалась сильнее гигиенической осторожности. В дневнике он записал: "Я съел по кусочку каждого сорта оленьего сыра, не так много, чтобы я мог это описать. Когда рыба была пущена по кругу, надо было пальцами взять кусочек и есть. Потом мы увидели, что в ту воду, в которой варилась рыба, опустили немного хорошего толокна. Мы подумали, что это общее питание для всех, но хозяева сказали, что это для их собак, которые они держали вместе с оленями"³⁶.

Этнографические опыты, зафиксированные на страницах путевого дневника, сопровождались остроумными замечаниями. Странности жизни других народов вызывали ассоциации из сферы европейской политики того времени. Заметив, что народный костюм, преобладавший в одной местности, очень похож на мундир, Т.Р. Мальтус сделал такую запись: "Мы понимали, что это был не мундир, а скорее всего, костюм этой страны. Однако мы подумывали приобрести два таких костюма, чтобы они помогли нам в Петербурге, где император, как мы слышали, не допускает чего-либо другого, даже по утрам"³⁷. К этому времени компания уже разделилась: Э. Д. Кларк и Дж. М. Крипис отправились в Петербург, откуда и писали об особенностях императорских затей и увлеченности мундиром. У. Отгер и Т.Р. Мальтус также намеревались побывать в столице России, но, не дождавшись необходимого денежного перевода, переменили свои намерения.

В те времена Россия была не менее интересной и притягательной для путешествующих британцев, чем другие северные страны Европы. В Англии уже существовало довольно много изданий, отражавших странствия по российским просторам. В результате путешествия "четыре джентльмена из Кембриджа" появилась еще одно такое описание: книга Э. Кларка "Путешествия в различные страны Европы, Азии и Африки"³⁸.

³⁶ Ibid., P. 190

³⁷ Ibid., P. 140

³⁸ Clark E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Part the First. Russia, Tahtary and Turkey. Vol.1. – L.: Candell, W.Davis. 1817. -533 p.

Для многих образованных британцев в начале XIX в. Россия оказывалась связующим звеном с Востоком. Молодые выпускники английских университетов стремились побывать в этом диковинном "азиатском" государстве и потом отправиться в еще более экзотические ближневосточные страны, в Персию или Индию.

2.2. Образование и кадровые вопросы в политике Ост-Индской компании в начале XIX в.

Эффективность административного аппарата отчасти зависит от квалификации управленческих кадров. Обучение и профессиональная подготовка служащих призваны обеспечить необходимый уровень компетентности и лояльности аппарата. Эти обстоятельства влияют на успехи или провалы власти.

Первая треть XIX в. оказалась временем значительных перемен в деятельности и статусе Ост-Индской Компании. «Учреждения компании, первоначально чисто торговые, постепенно подобным же образом преобразовывались в учреждения политические. Назначенные сначала для определения продажи нескольких грузов, они стали установлениями политическими или законодательными, законами, предписаниями для управления и администрации обширным государством. Удивительная игра счастья!»,- так воспринимали сторонние наблюдатели происходившую в их времена перемену³⁹.

Однако непосредственным участникам «удивительная игра счастья» представлялась в ином свете. Регулярное управление приобретенными территориями плохо согласовывалось с коммерческими интересами совета владельцев компании. Имеющиеся торговые учреждения, обеспечивали

³⁹ Панозн Б. Индия под английским владычеством. – М.: Унив. типограф., 1848. С. 271

доходы, карьере занятых в них персон и возможное благополучие потомства. Преобразование их в политические или юридические органы было слишком рискованным предприятием, которое могло обернуться большими расходами, создавало потребность в новых навыках, знаниях и в другой квалификации служащих, направлявшихся в Индию. Меркантильные цели утрачивали свою исключительность. Хорошее управление Индией отныне должно было определять целесообразность и логику деятельности компании.

Так возникла потребность в квалифицированных кадрах для гражданской службы в Индии, о чем писал в отчете от 18 августа 1800 г. генерал-губернатор Индии лорд Уэлсли. Он отмечал, что политика компании должна «обеспечить законность для миллионов людей, различающихся по языку, обычаям, традициям и религиям; упорядочить обширную и сложную налоговую систему в каждом дистрикте, который, зачастую, равен некоторым наиболее известным королевствам Европы; утвердить гражданский порядок в одном из наиболее густо населенных регионов мира»⁴⁰. Выполнить эти задачи невозможно, имея прежний штат служащих, ориентированных исключительно на коммерческую деятельность.

Лорд Уэлсли утверждал, что полномочия торговых агентов, действующих в гражданской службе, совершенно несовместимы с той степенью ответственности, которой они облечены на занимаемых ими постах. Требуемая в судебной и налоговой системе квалификация не может ограничиваться торговыми навыками и выходит далеко за пределы коммерческого образования. Он настойчиво доказывал, что «...гражданские служащие Ост-Индской компании не должны далее рассматриваться как коммерческие агенты; они, в действительности, являются служащими и представителями сильной власти»⁴¹ Успехи этой власти, в большой степени, зависели от квалификации её представителей.

⁴⁰ Indian Constitutional Documents. – Calcutta: Mukherjee. 1948. P. 159

⁴¹ Ibid. P.162

Таким образом, уже в начале века было очевидно, что логика торговой политики, прежде являвшаяся главной, пришла в очевидное противоречие с потребностями реальной многообразной деятельности Ост-Индской компании в Индии. Чтобы управлять приобретенными территориями требовались не только коммерческие навыки. Гражданские служащие, введенные в магистраты или в юридический департамент, имели прежние звания торговцев, факторов, писцов, однако в условиях принятая присяга обязала их воздерживаться от торговых занятий.

Состояние дел осложнялось тем, что в некоторых инстанциях все важные процедуры осуществлялись на местных языках. Кроме того, законы, которыми обязаны руководствоваться судьи компании, не были законами Англии. Местные правовые нормы, приспособленные к потребностям прежних правителей страны, дополнялись многочисленными актами Совета при генерал-губернаторе.

Будучи генерал-губернатором, лорд Уэлсли учредил в Калькутте колледж Форты Уильяма, в котором юноши, прибывшие в Индию, должны были в течение трех лет изучать индийские языки, закон и историю. В Англии подготовка юношей, намеревавшихся поступить на службу компании, осуществлялась колледжем Ост-Индской компании в Хертфордшире.

В 1817 г. Т.Р. Мальтус, преподававший в названном учебном заведении историю и политическую экономию, опубликовал статью «Заявления относительно Ост-Индского колледжа, с обращением к фактам, опровергающим обвинения, которые ранее были выдвинуты против него в совете владельцев»⁴². Эта публикация позволяет увидеть существовавшие тогда проблемы образования и трудности воспитания будущих служащих.

Поводом к написанию этой статьи послужили нападки на данное образовательное учреждение и публично высказывавшиеся сомнения в

⁴² Malthus T.R. Statesments respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970.

целесообразности его существования. Т.Р. Мальтус писал, что для него было невозможно далее сохранять молчание, наблюдая, как в совет владельцев компании поступают беспочвенные обвинения в адрес колледжа. Они производят сильное впечатление на публику и создают неблагоприятное мнение относительно пользы и эффективности этого учреждения. Автор высказывал опасения, что в момент возобновления хартии компании в Парламент будет направлена петиция, требующая принять некие законодательные санкции против колледжа. Такая ситуация заставила его представить публике реальное состояние дел в сфере образования и воспитания кадров для Ост-Индской компании.

Т.Р. Мальтус четко обозначил цель защищаемого им учебного заведения: дать достойное образование тем, кто будет управлять 60 миллионами, составлявшими население британских владений в Индии. Соответствующая квалификация является необходимым условием хорошего управления Индией. Это должны помнить и законодатели, и заинтересованная публика, решающие вопросы о том, как организовать учебный процесс, надо ли сохранять имеющийся колледж, вернуться ли к системе случайного образования, сформировать ли новое учебное заведение.

Прежде всего, Т.Р. Мальтус предлагал рассмотреть следующее: какая квалификация необходима для гражданской службы в Индии, насколько обеспечена эта служба кадрами, имеющими требуемое образование, какое учебное заведение могло бы обеспечить такую профессиональную подготовку, и где оно должно располагаться: в Англии, или в Индии, или в обеих странах. Обращение к фактам устройства и деятельности колледжа, по его мнению, опровергло бы необоснованные обвинения и подтвердило бы его заслуги в подготовке квалифицированных кадров.

Установившийся механизм поставки в Индию молодых людей для службы компании основывался на принципах патроната. В начале XIX в. это право ещё сохранилось у директоров Ост-Индской компании. Главным

основанием назначения на должность была не профессиональная подготовленность претендента, а влияние его патрона.

В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» А. Смита содержалось упоминание о такой практике. « Часто человек, обладающий большим, а иногда и маленьким состоянием, склонен купить тысячефунтовую акцию Индийской компании исключительно ради того влияния, которое он думает получить правом голоса в собрании акционеров. Она дает ему если не участие в грабеже, то участие в назначении грабителей Индии; хотя это назначение производится советом директоров, но последний неизбежно находится более или менее в зависимости от влияния акционеров, которые не только избирают директоров, но иногда распоряжаются назначением служащих в Индии. Если только акционер может в течение нескольких лет пользоваться таким влиянием и этим способом устроить некоторое число своих друзей, то часто его мало интересует дивиденд или даже цена акции, на которой основано его право голоса. О преуспевании страны, в управлении которой его акция дает ему право голоса, он редко думает. Не было и по самой природе вещей не могло быть государей, до такой степени равнодушных к счастью или несчастью своих подданных, процветанию или запустению своих владений, славе или бесчестию своего правительства, какими должно быть вследствие непреодолимых моральных причин большинство акционеров такой торговой компании»⁴³

Пока компания осуществляла коммерческую деятельность, такая практика была вполне допустимой. Но в новых условиях принципы патроната зачастую противоречили задачам службы в индийской администрации. Родители и близкие, естественно, желали более раннего направления юношей в Индию. Но молодые люди, прибывающие в эту страну в 15-17 лет, как правило, оказывались неспособными выполнять возложенные на них обязанности и могли быть только переписчиками. В

⁴³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Изд-во соц.-эк. литер. 1962. С. 539

Англии они получили ограниченное образование, ориентированное на коммерческие занятия.

Оказавшись в Индии, они отправлялись в провинцию, или оставались в каком-либо офисе в президентстве. Провинциальная служба незамедлительно требовала знания местных языков, обычаев, туземных законов и принципов существовавшей системы налогообложения. Во всем этом юные писцы, зачастую, оказывались несведущими. Занимая начальственное положение в провинциальном учреждении, такие служащие рано приобретали отвращение к служебным делам, посвящали свое время роскоши и лени, не пытались повысить собственную квалификацию.

Те молодые люди, кто был оставлен в органах Бенгальского президентства, в основном, занимались перепиской бумаг. В течение 2-3 лет они забывали полученное на родине образование, не приобретая взамен знания индийской жизни. Некоторые из них начинали предаваться нездоровым удовольствиям и мотовству. Даже те, кто постепенно продвигался по службе, обнаруживали безразличие к делам. Так складывалась типичная служебная карьера многих юношей, прибывавших в Индию.

Хотя в различных департаментах гражданской службы компании в Индии существовали и примеры достойного исполнения долга, эти случаи были проявлением индивидуального характера, личных талантов и добросовестности самих чиновников. Практика гражданской службы и меркантильные интересы служащих, направлявшихся в Индию, делали подобное поведение скорее исключением, нежели правилом. Потому генерал-губернаторы Индии, и маркиз Уэлсли и лорд Корнуоллис, неоднократно докладывали о том, как трудно найти подходящих людей для назначения на важнейшие посты. Они сообщали совету директоров, что существующая система гражданской службы, образования и подготовки кадров не совпадает с быстрыми темпами роста империи, с возрастающей важностью этой службы.

Т.Р. Мальтус в своем сочинении в качестве задачи первостепенной важности выдвигал подготовку квалифицированных кадров. Он указывал на то, что вслед за блестящими успехами армии в Индии не наступало благоденствие и процветание британских владений. Напротив, провинции приходили в упадок. По его мнению, причиной неблагополучия являлось отсутствие у служащих компании необходимых знаний в области индийских законов, судебной и налоговой системы, и в первую очередь, восточных языков. Прежде арабский и санскрит были доступны только немногим любителям, а число чиновников, знавших персидский оказывалось ничтожно малым. Общий уровень языковой подготовки оставался настолько невысоким, что без помощи местных судей немногие могли выполнить обычный перевод с фарси на английский. Ещё меньше было число тех, кто был способен осуществить обратный перевод с достаточной долей грамматической точности. На языке хиндустани изъяснялись немногие служащие, а бенгальский оставался вовсе недоступным. К 1817 г. положение дел в изучении восточных языков несколько улучшилось после учреждения лордом Уэлсли колледжа Форт Уильям. Но по-прежнему остро ощущалось отсутствие необходимых знаний в сфере местного права, судебной, налоговой систем.

«Надо ясно осознать и убедить всех в том, что интересы компании и материальное благополучие её индийских владений пострадали и могут пострадать ещё больше именно по причине недостатка знаний у служащих компании», - настойчиво доказывал Т. Р. Мальтус⁴⁴. Дело образования нельзя рассматривать как пустое пожелание. Это настоятельное требование, которое должно быть непременно выполнено тем или иным способом.

Ни одно из старых учебных заведений в Англии не давало необходимого образования. Обычный курс учебы в Оксфорде или Кембридже надолго задерживал юношей на родине. Их карьера в Индии, в

⁴⁴ Malthus T.R. Statements respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970. P. 237

таком случае, могла начинаться только в 22-23 года. В этом возрасте, обычно, бывало трудно усвоить новые индийские манеры и привычки, кроме того, возвращение в свою родную страну с достатком отодвигалось на более поздний срок.

Поскольку преподавание в колледже Форты Уильяма в Калькутте было ограничено восточными языками, целесообразно было начать курс общего образования в Англии. Но школа, по мнению Т.Р. Мальтуса, непригодна для должного образования по многим причинам. Юноши покидали школу в достаточно раннем возрасте, они немногого могли усвоить к моменту окончания. Если начинать в то время изучение восточных языков, то польза от этого была бы пустяшной; гораздо лучше языки стали бы восприниматься в той стране, для которой будущий писец предназначался. Раннее преподавание специальных предметов, слишком ограничило бы изучение классических дисциплин и не заменило бы бывшее меркантильное образование, признанное непригодным.

Строгая дисциплина и постоянный надзор, существовавший в школе, плохо готовили выпускников к будущей свободе от любых ограничений, которая ждала их в Индии, и не уберегали от подстерегающих там опасностей и соблазнов. Поскольку ещё одной целью данного учебного заведения являлось формирование из выпускников некоего подобия замкнутой касты, то компания вполне довольствовалась бы невысоким уровнем образования и низким уровнем способностей учащихся.

Т.Р. Мальтус приводил весомые доводы в пользу того, что образовательное учреждение должно иметь форму колледжа. Только в нем возможна либеральная дисциплина, основывавшаяся не на страхе наказания, а на «воздействии более высоких мотивов», на стремлении выделиться своими выдающимися качествами, на страхе позора. Колледж позволял учащимся понять зависимость успеха от их старания и самоконтроля, учил привычке к систематическому и упорному труду, даже в отсутствии надзирающих учителей. «Никакое другое образовательное учреждение не

давало возможности сформировать полезные привычки и достойные характеры, точно разделить прилежание и лень, способности и их недостаток, благонравие и буйство»⁴⁵. По мнению Т. Р. Мальтуса, только такой институт, где студенты оставались бы до 18-19 лет, способно дать им должную квалификацию, подготовить их к выполнению высокой миссии в индийской гражданской службе «с пользой для них самих и с выгодой для службы».

Несмотря на очевидные доводы, доказывавшие превосходство колледжа перед школой, существовали люди, отдававшие предпочтение школе. Автор «Заявления» рассматривал их мотивы. Во-первых, любая форма образования, получаемого вне учреждения Ост-Индской компании, ослабляла патронат совета директоров. Во-вторых, расходы на образование, рассматривались родителями или опекунами юношей как неизбежное зло, необходимое для достижения успеха. В другом образовательном учреждении сохранялся шанс, что назначение в Индию может не состояться по причине неспособности или дурного поведения кандидата на службу.

Возможно, первоначальное образование могло быть получено где угодно: в общей школе или в учреждении Компании. Раннее окончание учебы юноши – это вопрос масштабов расходов. Не менее важным обстоятельством оказывалось то, что в школе мальчики удерживались в повиновении розгой, а потому уменьшался риск не получить назначение. Высказываясь о воспитательном воздействии розги, Т. Р. Мальтус отмечал, что не сам секущий прут поддерживает дисциплину, а вероятность исключения, которое могло состояться в случае неподчинения. «Немногие юноши в возрасте 16 лет подчинились бы порке, если бы они не знали, что их отказ приведет к последующему исключению»⁴⁶.

Автор «Заявления» ещё раз напоминал, что вероятные достоинства школы ни в коей мере не соизмеримы с теми преимуществами, которые

⁴⁵ Malthus T.R. Statesments respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970. P. 255

⁴⁶ Ibid. P. 257

«могут извлечь индийские территории из отличного образования, которое служащие компании получали бы в колледже»⁴⁷. Чтобы усилить свою аргументацию, Т.Р. Мальтус упоминал А. Смита, упрекавшего Ост-Индскую компанию в том, что её интересы как суверенной власти, оказывались второстепенными по сравнению с интересами объединившихся в ней торговцев. «В учреждении колледжа Ост-Индской компании чувства суверена, безусловно, преобладают. И публика должна воздать должное бескорыстным мотивам и просвещенным взглядам, обеспечившим это»⁴⁸.

Следующий раздел «Заявления относительно Колледжа Ост-Индской компании» посвящался вопросу о достоинствах и недостатках образовательного процесса в Англии и в Индии. Автор писал, что практическое решение данный вопрос нашел в решении совета директоров, согласно которому для обучения гражданских служащих был учрежден колледж в Англии, а в колледже в Калькутте главное внимание уделялось восточным языкам. Но возникшие позже сомнения, заставили совет задуматься вновь о введении системы общего образования в Калькутте.

Т.Р. Мальтус очень подробно рассматривал «бедствия и неудобства», которые явились бы результатом такого решения. Если бы подобное нововведение улучшило образование, то можно было бы не принимать во внимание издержки. Однако в Калькутте они были бы больше в 6-7 раз, чем в Англии. В Англии расходы на коллегиальное учреждение, на его здание, обслуживание и быт могли бы оставаться в умеренных границах. В Индии определенный стиль показной жизни ожидается от всех служащих компании, это значительно увеличит масштаб издержек.

В существовавшем в Хертфордшире колледже родители оплачивают не только личные расходы студентов, они также платят за обучение сотню гиней в год. Если учащиеся в 16-18 лет будут направляться для продолжения учебы в Индию, то им придется платить жалование младших писцов, которое

⁴⁷ Ibid. P. 257

⁴⁸ Malthus T.R. Statesments respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970. P.258

составляло 300 рупий в месяц или около 450 фунтов в год. Существовавшая система разделения образования между Англией и Индией обходилась компании ежегодно в 36 тысяч фунтов. Если в Индию ежегодно стали бы прибывать на 40-80 человек больше, то это существенно увеличит расходы компании.

Колледж Форт Уильям, учрежденный в Калькутте по плану маркиза Уэлсли, в первый год стоил компании 76 тысяч фунтов. В смете следующих лет значились суммы около 45 тысяч, но они были увеличены за счет включения дополнительного жалования для 80 студентов. Расходы колледжа в Англии, превышающие размер студенческой платы за обучение и без учета стоимости строений, обычно составляли сумму от 9 до 10 тысяч фунтов. Это в 6-7 раз меньше, чем расходы колледжа в Индии⁴⁹

Сравнение качества образования и состояния дисциплины в колледжах, по мнению Т.Р. Мальтуса, подтверждало преимущества английского учебного заведения. Молодые люди, прибывавшие в 16-19 лет в Индию в качестве писцов, подвергались многим соблазнам, имевшим для них, зачастую, пагубные последствия. Они имели возможность занимать в любом количестве деньги у туземцев, которые всячески потворствовали тому, чтобы их расходы превышали доходы. Заимодавцы в дальнейшем спекулировали на будущем служебном росте должников. Юные служащие компании в Индии считали себя членами некой привилегированной касты, властвующей над окружающими бесконтрольно и не обременяющей себя особыми заботами. Надо принять во внимание соблазны жаркого климата и критический возраст юношей, впервые подвергавшимся таким соблазнам. Всё это оказывается большим злом, чем обычные нарушения дисциплины в школах и университетах Англии. Даже если нарушения академической дисциплины в Индии оказались бы менее частыми, следует иметь в виду большую сложность наказания.

⁴⁹ Malthus T.R. Statements respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970. P. 260

Т.Р. Мальтус напоминал, что во всех образовательных учреждениях, даже в военных, дисциплина основывалась на системе наказаний, где высшей мерой было исключение, увольнение со службы. В английском колледже ост-индской компании юноша, обнаруживший полное отсутствие способностей, недисциплинированность, лень и по этим причинам не получивший желанного назначения в Индию, мог найти себе другие занятия. Он мог достичь профессионального мастерства как моряк, юрист, солдат или торговец.

В Индии такие случаи имели иные последствия. Здесь было только одна стезя – служба компании. Исключенные студенты, хотя и не продвигались по служебной лестнице, но могли по-прежнему получать жалование писцов. Он мог быть назначен также и на другую официальную должность. Такая практика разрушала всякие основы дисциплины и послушания в колледже.

Автор «Заявления» приводил пример. По результатам последнего экзамена в колледже Форт Уильям были исключены пять студентов. Несмотря на благоприятные условия, имевшиеся у них в Калькутте, они не приобрели необходимых навыков в двух восточных языках, не смогли сдать экзамен и получить соответствующую квалификацию. В лучшем случае, они могли быть отправлены обратно в Англию, а в худшем случае, могли быть назначены на должность в Индии. Такое назначение не только наносило ущерб службе компании и интересам её индийских владений. Оно также ниспровергало весь строй академических законов, на которых основывалась система подготовки гражданских служащих.

Те лица, которые заинтересованы в увеличении срока обучения в Индии, как правило, преследуют цель сбыть с рук своих детей как можно раньше, мало заботясь о последствиях для компании. Потому должна быть предусмотрена отправка обратно таких юношей, которые оказались неспособными получить требующуюся квалификацию.

Лорд Минто однажды уже предлагал такую меру. Но его предложение было отклонено советом владельцев. Вспоминая ту неудавшуюся попытку, Т.Р. Мальтус писал: «те, кто, прежде всего, заботится об обеспечении своих детей, не могут рассматриваться как беспристрастные судьи в подобных вопросах. Любой беспристрастный наблюдатель, заинтересованный в хорошем управлении Индией и в благоденствии компании способен понять, что подобные случаи более предпочтительны в Англии, чем в Индии»⁵⁰

Т.Р. Мальтусу казалось неоправданным стремление сократить срок обучения в Англии за счет его увеличения в Калькутте. Основы общего образования должны восприниматься юношами в наиболее благоприятных условиях. Трудно признать таковыми те обстоятельства, в которых оказывался шестнадцатилетний человек в Индии. «Внезапно получивший возможность распоряжаться деньгами, окруженный туземцами, потворствующими всем его прихотям, отвращаемый от каких-либо усилий расслабляющим воздействием климата, юноша должен обладать очень твердой волей, чтобы начать изучение истории, политической экономии, закона, чтобы продолжать свои классические штудии и совершенствовать навыки в двух или трех восточных языках в то же самое время, в которое он обязан выполнять свой официальный долг»⁵¹. Безусловно, основы общего образования должны преподаваться в Англии.

«Однако общие курсы наук, особенно необходимых для тех, кто заполняет юридический, финансовый и дипломатический департаменты в Индии или кто состоит в администрации правительства и совета, нельзя считать достаточными. Поскольку эти высокие интеллектуальные основы окажутся бесполезными без знания восточных языков. Определенное знание

⁵⁰ Malthus T.R. Statements respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970. P. 266

⁵¹ Ibid. P. 267

таких языков, поэтому, должно рассматриваться как *sine qua non* при назначении на любую официальную должность»⁵², - считал Т.Р. Мальтус

Если общие основы наук лучше изучать на Западе, а восточные языки – на Востоке, то следует сохранить систему двух колледжей. Как показал имеющийся опыт, те юноши, которые прибывали в Индию, получив некоторое представление об основах восточных языков, могли без труда в течение года подготовиться к предусмотренным экзаменам. Т.Р. Мальтусу было известно мнение некоторых писцов, уверенных в том, что даже с учреждением системы двух колледжей, они достигнут важного административного положения скорее слишком рано, чем слишком поздно. И задержка в Англии на год или на два вовсе не препятствовала их успешной карьере.

Т.Р. Мальтус стремился показать публике действительное состояние дел в колледже Ост-Индской компании в Хертфордшире и доказать хорошее качество образования, получаемого в нем учащимися. Каждый кандидат для приема в колледж должен был представить аттестацию от своего школьного наставника, а также сдать принципалу и профессорам экзамен по греческому, латинскому языкам и по арифметике. Такой предварительный экзамен предусмотрен только для отдельных лиц, представляющих самих себя и не получивших школьного образования, обычного для высших классов общества.

Лекции различных профессоров в колледже даются в такой манере, которая использует предыдущую подготовку учащегося, развивает его ум, воспитывает привычку прилежания и трудолюбия. Лекционные курсы дают важные сведения по классической литературе, восточным языкам, разным разделам математики, естественной философии, законах Англии, всеобщей истории и политической экономии.

⁵² Malthus T.R. *Statements respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus.* - N. Y.: Kelley, 1970. P.268

Иногда, как отмечал Т.Р. Мальтус, высказываются опасения, что столь большое разнообразие предметов рассеет внимание студентов и не позволит им достичь удовлетворительных результатов в каждой отдельной области знаний. Такие опасения не имеют оснований. Сложившаяся практика преподавания увеличивала знания и формировала зрелость суждений учащихся, а принятый в колледже образ жизни создавал привычку правильно распоряжаться своим временем, умение быть наедине с самим собой, развивал навыки учебы и самоконтроля.

По всем важным дисциплинам дважды в год, в конце каждого семестра существовали экзамены. Они продолжались две недели и осуществлялись по планам публичных и коллегиальных экзаменов, проводящихся в университетах, в частности, в Кембридже. Вопросы экзаменов были составлены так, чтобы можно было определить уровень знаний и навыки использования того материала, который изучался в прошедшем семестре. Студенты должны были в присутствии профессоров, не имея возможности обратиться к книгам, дать письменный ответ по каждому вопросу. Каждый профессор на досуге проверял полученные экзаменационные работы и распределял их по степени достоинства. Такая практика делала все предметы подконтрольными коллегиальному корпусу. Хотя экзамены занимали много времени и внимания, они проводились очень тщательно и совершенно беспристрастно.

Для поощрения тех студентов, чьи экзаменационные работы оказались в пятерке лучших по разным предметам, практиковалось награждение медалями, книгами, почетными знаками отличия. Такие меры оказывались очень действенными и усиливали трудолюбие и дух соревнования. Имелись свидетельства нескольких профессоров, хорошо знакомых с университетскими экзаменами. Они утверждали, что никогда не встречали более сильной заинтересованности студентов и более успешной старательности, проявлявшихся на экзаменах в Ост-Индском колледже.

Т.Р. Мальтус высказывался и о состоянии дисциплины в колледже. В обычное время весь деловой процесс происходил «...с такой степенью благопристойности, порядка и приличия, которая зачастую вызывала у посторонних лиц восхищение и могла бы совершенно удовлетворить любой компетентный суд»⁵³. Нравственность учащихся колледжа обнаруживала явные преимущества, поскольку они оказывались свободными от тех пороков, которые обычно были распространены среди юношей 16-19 лет, собранных вместе в большом коллективе.

В качестве главного довода, подтверждавшего преимущества колледжа Ост-Индской компании в Хертфордшире, Т.Р. Мальтус приводил высказывания высших должностных лиц английской администрации в Индии об уровне подготовки выпускников, прибывавших в эту страну. В 1810 г генерал-губернатор Индии лорд Минто говорил: « С особенным удовольствием я воздаю должное Хертфордширскому колледжу. Студенты, переведенные отсюда в колледж Форта Уильяма, отличаются порядочным и приличным поведением, умеренностью своих расходов и скромными размерами долгов, словом всеми теми качествами, которые обнаруживают люди благородного происхождения и хорошего воспитания. Я отмечаю это с большим удовольствием и имею серьезное намерение доказать, что тот стиль наставничества, который применяется в Хертфорде для воспитания преуспевающих поколений служащих компании, должен найти применение и в Индии, поскольку он более важен, чем определенная сноровка в одном или нескольких восточных языках»⁵⁴

Первоначальная подготовка, получаемая учащимися в колледже в Англии, благотворно влияла не только на характер и поведение прибывавших в Индию выпускников. Она позволяла сократить срок их обучения в Калькутте. Т.Р. Мальтус приводил данные, подтверждавшие это.

⁵³ Malthus T.R. Statesments respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970. P. 274-275

⁵⁴ Цит. по: Malthus T.R. Statesments respecting the East-India College // The pamphlets of Thomas Robert Malthus. - N. Y.: Kelley, 1970. P. 276-277

Например, в 1811 г., согласно документам, Калькуттский колледж закончили 20 выпускников. 12 человек из их числа получали предварительную подготовку в колледже в Англии. Продолжительность их обучения в колледже Форта Уильяма была следующей: 6 человек закончили этот колледж через 6 месяцев, 2 человека – через 8 месяцев, 1 человек – через 9 месяцев, 1 человек – через 2 года, 2 человека – через 3 года. Для 8 студентов, не прошедших обучение в колледже в Хертфордшире, сроки пребывания в Калькутском колледже были иными: 3 студента прошли курс за 2 года и 3 месяца, 1 человек – за 3 года, 1 человек – за 3 года и 3 месяца, 2 человека – за 4 года, 1 человек – за 4 года и шесть месяцев. В первом случае продолжительность обучения в среднем составляла около 10 месяцев, в другом – три года и 2 месяца⁵⁵.

Приведенные данные являлись доказательством заслуг Хертфордширского колледжа в деле подготовки квалифицированных служащих Ост-Индской компании, «способных и желающих привнести принципы британской юстиции в систему управления шестьюдесятью миллионами азиатов»⁵⁶. Они были убедительным свидетельством того, что надо сохранить существовавшую систему обучения и воспитания. Однако имелся ряд обстоятельств, которые несколько затрудняли воспитательный процесс в этом учебном заведении. Они были связаны с ограниченностью способов соблюдения должной дисциплины.

Как свидетельствуют историки, студенческие беспорядки были в те времена достаточно обычным явлением. «Повсюду полное отсутствие дисциплины и бунты. В Винчестере школяры удерживали колледж в течение двух суток и даже подняли красный флаг! В 1818 г. на подавление студенческого восстания пришлось бросить две роты солдат с примкнутыми к стволам штыками. В Регби учащиеся подожгли парты и книги, а затем скрылись на острове, который пришлось штурмовать войскам. Похожие

⁵⁵ Ibid P. 281

⁵⁶ Ibid P. 284

происшествия в Итоне./.../ Беспорядки стали одним из типичных аспектов школьной жизни того времени, которую современники воспринимали как состоящую из постоянных волнений»⁵⁷.

В колледже Ост-Индской компании средний возраст учащихся был 15-18 лет. Т.Р. Мальтус отмечал, что в этот период происходят очень быстрые перемены в течение короткого времени: мальчик превращается в мужчину. Любая система дисциплины не смогла бы уберечь юношей от крайностей и опасностей такого возраста. Среди учащихся оказывается достаточно много учеников 18 - 19 лет. Поскольку все они обучаются вместе в течение двух лет, то в колледже не возникает естественной ученической аристократии, выделившейся по возрасту, положению и заслугам. Привилегированное положение старших учеников в больших школах оказывается эффективным средством поддержания дисциплины. В колледже Ост-Индской компании это средство отсутствовало.

Ещё одна трудность была связана с системой патроната. Родители учащихся могли добиться их назначения в Индию, хотя сами юноши были не расположены к службе и вовсе не хотели отправляться к месту её прохождения. Такие студенты, как правило, не стремились воспринимать преподаваемые предметы и не желали подчиняться дисциплине колледжа. Они являлись опасным примером для остальных учеников. Руководство колледжа пыталось избавиться от этого зла, убеждая тех, кто не имеет склонности к службе, тихо уйти из учебного заведения. Но такая практика не всегда давала ожидаемый результат.

По мнению Т.Р. Мальтуса, основной недостаток колледжа состоял в том, что власти этого учебного заведения не имели полномочий исключать смутьянов. Поскольку исключение могло помешать назначению в Индию, а значит, причинить ущерб ценной собственности, постольку совет директоров компании сохранил это право за собой. В случае больших беспорядков

⁵⁷ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1999. С. 318-319

принципал и профессора колледжа должны были направлять Совету запрос о мерах наказания. Такой порядок укреплял уверенность студентов в том, что властные друзья из Индийского Дома защитят их. Например, в 1812 г. после студенческих беспорядков совет колледжа предложил исключить 5 человек, зачинщиков и наиболее активных участников смуты. Совет директоров компании принял это предложение, но все исключенные были тут же назначены на службу в Индию и направлены туда, хотя они не закончили обучение в колледже. Рассказав об этом случае, Т. Р. Мальтус поставил три восклицательных знака, подчеркнув вопиющее несоответствие подобной практики сохранению дисциплины и послушания.

За несколько лет, прошедших после тех событий, многое изменилось в уставе колледжа. В частности, как указывал Т. Р. Мальтус, принципал и профессора были облечены теми же полномочиями, которые существовали в больших школах и университетах. Они постарались усовершенствовать систему воспитания, устранить те изъяны, которые были в ней прежде. Автор «Заявления» выражал опасения, что их благие начинания могли закончиться, едва начавшись. Распространившееся в обществе недовольство и публичные нападки на колледж Ост-Индской компании создавали угрозу этому образовательному учреждению и едва возникшей возможности обеспечить гражданскую службу в Индии квалифицированными кадрами.

2.3. Два поколения британских служащих в Индии: карьеры и судьбы (рубеж XVIII-XIX вв.)

Для многих поколений британских юношей, прибывавших в Индию по делам службы, эта страна становилась не только поприщем для карьерного роста, но и судьбой. Историк Д. Ливен писал: "Отдавая справедливость британской аристократии, отметим, что немного найдется ещё стран, где социальная элита в изобилии поставляла добровольцев для ссылки длиной в полжизни. Более того, в пользу подобной службы можно отметить, что

будущие правители империи в молодые годы знакомились с колониями, прежде чем занять в Лондоне облеченные влиянием и властью посты"⁵⁸.

Отправлявшиеся в Индию "добровольцы для ссылки длиной в полжизни" происходили не только из аристократии, но и из других слоев общества. Представляется интересным выяснить, как изменялись исторические обстоятельства, влиявшие на карьеры и судьбы британских служащих, которые находились в Индии на рубеже XVIII-XIX вв. Для сравнения были выбраны два поколения. К первому поколению отнесены британцы, родившиеся 1750-е гг., когда победа в битве при Плесси утвердила британское превосходство над другими европейскими державами и позволила Английской Ост-Индской компании расширять сферу своего влияния в этой стране. Они прибывали в Индию, как правило, в 1770-е или начале 1780-х гг.

Ко второму поколению принадлежали британцы, которые появились на свет в 1780-е гг., когда были приняты законы, позволившие парламенту и кабинету министров контролировать эту торговую организацию и влиять на решения, касающиеся ее индийских территорий. Начало индийского периода их жизни пришлось на 1790-е гг. или на начало 1800-х гг.

Для поступления на гражданскую службу необходимо было подать прошение в совет директоров Ост-Индской компании, который решал вопросы назначения на должности в Индии в соответствии с правом патроната. "Лица, принятые на гражданскую службу, перед отъездом в Индию подписывали присягу, содержащую перечень обязанностей служащих, отчего их именовали присяжными служащими, а весь корпус - присяжной службой"⁵⁹.

Патронат, сохранившийся в распоряжении директоров, состоял, главным образом, в праве назначать писцов или гражданских служащих для

⁵⁸ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815-1914. – СПб.: Академический проект, 2000. С. 253.

⁵⁹ Флорин В.Н. Государственный административный аппарат независимой Индии. Очерки формирования высших управленческих кадров. – М.: Наука, 1975. С. 12.

администрации индийских территорий, управлявшихся Компанией, а также кадетов, помощников хирургов для армий компании. Между 1793 и 1812 гг. ежегодно среднее число назначаемых писцов было около 40; кадетов около 240; помощников хирургов – около 30. Директора ведали назначением капитанов судов Компании и служащих в Бомбейское морское ведомство, судебных чиновников, капелланов, а также младших клерков, состоявших в штате в Индийского дома и Лондонских складов компании. После 1806-1809 гг. имелся также патронат на зачисление в штат гражданского колледжа и военную семинарию⁶⁰.

Патронат распределялся среди директоров соответственно их старшинству. Директора, состоявшие в важном Комитете переписки, обычно распоряжались более ценными назначениями. Например, должность писца в Кантоне или в Бенгалии была предпочтительней, чем в Бомбее или в Мадрасе. Ежегодно патронат компании состоял приблизительно из 28 вакансий. Обычно директор имел в своем распоряжении 6 или 7 назначений в год. Кандидаты, как правило, происходили из семей, связанных с Индией. Они продолжали семейные традиции службы Компании и имели преимущества, поскольку располагали знакомствами и связями, как среди европейцев, так и среди индийцев.

В 1770-е гг., помимо торговли, важным направлением деятельности Ост-Индской компании в Индии стала гражданская налогово-финансовая служба. Генерал-губернатором Бенгалии в то время был У. Хейстингс, и совет директоров компании предписывал ему назначать именно европейцев на ключевые посты в административной иерархии. Однако он не спешил устранять из нее индийцев и ликвидировать туземные институты. По его мнению, "...в манерах европейцев, особенно низкого рода, есть жестокость, которая несопоставима с благородным характером бенгальцев и дает первым

⁶⁰ Philips C.H. The East-India Company. 1784-1834. – Manchester, 1940. P. 15.

преимущество, даже при скудной поддержке, даже без дополнительного веса власти"⁶¹.

Кроме того, европейцам не хватало знаний для того, чтобы осуществлять свою власть, не прибегая к услугам индийцев. Прежде всего, ощущался недостаток служащих, знавших местные языки. Генерал-губернатор У. Хейстингс, хорошо владевший персидским и бенгальским языками, а также изъяснявшийся на урду и арабском, настойчиво предлагал учредить в Оксфордском университете должность профессора персидского языка, а также обучать там тех, кто получал назначение в Индию в качестве писца. Однако этот план не поддержали "домашние" власти Ост-Индской компании в Англии. Тогда У. Хейстингс сделал лингвистическую подготовку условием служебного продвижения. Финансовая поддержка оказывалась тем служащим, кто переводил на английский язык восточные тексты, излагавшие нормы индусского или мусульманского права, а законодательные акты или инструкции компании - на местные языки.

В 1785 г. У. Хейстингс был отправлен в отставку, и генерал-губернатором Индии в 1786 г стал лорд Корнуоллис, занимавший этот пост до 1795 г. Он являлся сторонником полной европеизации гражданской службы и считал, что индийцы непригодны для этой деятельности, поскольку они слишком коррумпированы и неэффективны. Чтобы сделать такое поприще привлекательным для честолюбивых британских юношей, следовало жалование служащего привести в соответствие с той ответственностью, которую предполагала его должность. Служащий Компании не должен был совмещать работу в разных департаментах администрации. Кроме того, назначение на главные или достаточно ответственные посты могло происходить с учетом личных качеств и способностей кандидата. Совет директоров не поддержал идею об увеличении жалования, но согласился с тем, чтобы служащие, занятые в

⁶¹ Mason P. The Men Who Ruled India. – London: Cape, 1963. – V.1. P. 128.

налоговых инстанциях, участвовали в прибылях через получение комиссионных в размере 1% от собранных налогов.

Согласно принятому в 1793 г. закону, присяжная служба и должности, приносящие жалование свыше 500 ф. ст., оказывались зарезервированными за европейцами. Назначение на ту или иную должность и вознаграждение за пребывание в ней было приведено в зависимость от стажа службы в Индии. Например, место, приносящее более чем 500 ф. ст. в год, могло быть предоставлено тому кандидату, кто прослужил в этой стране не менее 3 лет. Шестилетний стаж был необходим для того, чтобы получить должность с жалованием в 1500 ф. ст. Девятилетний срок службы был условием назначения на пост, приносящий доход в 3000 ф. ст, а двенадцать лет работы позволяли занять должность с жалованием в 4000 ф. ст.⁶². Такие условия ограничивали возможности использования директорами права патроната и способствовали превращению индийской гражданской службы в корпоративную профессиональную деятельность.

Именно в этот период осуществлялся переход от расширения британских владений в Индии к регулярному управлению ими. Требовавшаяся профессионализация гражданской службы предполагала повышение уровня образования и специализированную подготовку кадров. Для этого генерал-губернатором лордом Уэлсли в 1800 г. в "Форт Уильям" в Калькутте был открыт колледж. Этому событию предшествовало официальное распоряжение от 21 декабря 1798 г., согласно которому с января 1801 г. служащий мог получить назначение на ответственную должность, требующую специальных знаний, только после того, как он сдаст экзамены по индийским языкам и законодательству. Лорд Уэлсли отмечал, что «...гражданские служащие Ост-Индской компании не должны

⁶² Auber P. An Analyses of the Constitution of the East India Company and of the laws passed by Parliament for the Government of their Affairs, at Home and abroad. – London: Kingsbury, Parbury @ Allen. 1826. P. 607

далее рассматриваться как коммерческие агенты; они, в действительности, являются служащими и представителями сильной власти»⁶³.

В то время, когда происходили эти исторические перемены в формах и смыслах деятельности Ост-Индской компании, британцы, оказавшиеся в Индии, выстраивали собственную карьеру, проживали свою единственную жизнь. Предстоит выяснить общее и особенное в карьерах и судьбах двух поколений британских служащих.

Поскольку в 70-90-е гг. XVIII в. происходило расширение владений Ост-Индской компании, сопровождавшееся многочисленными войнами, военная карьера была типичной для многих представителей поколения, появившегося на свет в 50-е гг. указанного столетия. Наиболее ярко это проявилось, например, в судьбе Дэвида Октерлони (1758-1825), поступившего в 1777 г. на службу в Бенгальскую армию Ост-Индской компании. Он был участником многих военных кампаний в разных частях Индии и в Непале, был резидентом в Дели (1803 г.), Малве (1822 г.), Раджпутане (1818 г.), получил звание генерал-майора в 1814 г., стал баронетом в 1815 г. Д. Октерлони провел в Индии более полувека и скончался внезапно от сердечного приступа 15 июля 1825 г.⁶⁴.

Помимо успехов на военном поприще, стимулом для карьерного роста представителей этого поколения оказывалась какая-либо специфическая квалификация, в частности, инженерное образование, знание топографии. Например, Колин Маккензи (1753-1821), прибыл в Индию в 1782 г. в качестве военного инженера и принимал участие в войне против Типу Султана в 1790-1792 гг., в осаде Шрирангапаттинама в 1799 г., проводил топографическую съемку в Майсоре с 1799 по 1810 гг., а в 1811-1815 гг. командовал военными инженерными частями на Яве. К 1816 г. он стал главным топографом в Индии, а в 1819 г. получил воинское звание полковника. Кроме того, К. Маккензи собирал монеты, живопись, другие

⁶³ Roberts P.E. *India under Wellesley*. – Gorakhpur: Vishwavidyalaya prakasan, 1961. P. 150.

⁶⁴ Bucland C.E. *Dictionary of Indian Biography*. – London: Sonnenschein. 1906. P. 321

древности и материалы по индийской истории. Для научных журналов он писал статьи по ориентализму. Жизнь К. Маккензи оборвалась 8 мая 1821 г. неподалеку от Калькутты⁶⁵.

Ценным ресурсом для карьерного роста оказывалось знание восточных языков. Примером может быть судьба Джонатана Скотта (1754-1829). Он поступил на военную службу Ост-Индской компании и прибыл в Индию в 1772. В 1778 г. ему присвоили воинское звание капитана. Благодаря тому, что Дж. Скотт хорошо освоил персидский язык, он стал секретарем генерал-губернатора У. Хейстингса. Этот человек был в числе основателей научного Азиатского общества Бенгалии. В 1785 г. Дж. Скотт вернулся в Англию, опубликовал свои переводы многих восточных текстов и в 1802 г. стал профессором восточных языков в Королевском военном колледже. Он преподавал также и в колледже Ост-Индской компании в Хейлибери⁶⁶.

Особенности карьеры и судьбы, отмеченные на примере поколения, родившегося в 50-е гг. XVIII в., проявлялись в жизни тех, кто появился на свет в 80-е гг. того же столетия. Военное поприще стало судьбой для Роберта Генри Сейла (1782-1845). Он родился в семье военного, поступил на службу и прибыл в Мадрас в 1798 г. Его боевое крещение состоялось в военных действиях против Майсора и при осаде Шрирангапаттинама (1798-1799 г.). В 1813 г. Р. Сейл получил воинское звание майора, в 1824-1826 гг. участвовал в англо-бирманской войне, в 1838-1842 гг. – в англо-афганской войне. В 1844 г. он был назначен на должность генерал-квартирмейстера, а в 1845 г. получил смертельное ранение в сражении при Мудхи и скончался 21 декабря того же года⁶⁷.

Необходимо отметить, что для этого поколения большие возможности открывала административная деятельность. Карьера Чарльза Меткафа может служить тому ярким примером. Чарльз Теофилус Меткаф (1785-1846)

⁶⁵ Ibid., P. 262-263

⁶⁶ Ibid., P. 379.

⁶⁷ Ibid., P. 371

родился в Калькутте в семье служащего Ост-Индской компании, получил образование в Итоне и вновь вернулся в Индию в 1800 г. на должность писца. Позже он служил секретарем в канцелярии генерал - губернатора лорда Уэлсли, был помощником резидента Гвалиора, Дели, возглавлял направленную лордом Минто дружественную миссию ко двору Раджит Сингха, служил политическим советником в армии, был резидентом Хайдарабада, Дели, Агры. В 1835 г. исполнял обязанности генерал-губернатора Индии до прибытия в 1836 г. назначенного на эту должность лорда Окленда⁶⁸.

К началу XIX в. очень отчетливо проявилось то, что служба в Индии оказывалась семейным делом. Например, принадлежавший к поколению 80-х гг. Чарльз Лашингтон (1785-1866), происходил из семейства, давно и тесно связанного с Ост-Индской компанией. Он прибыл в Калькутту в 1801 г., служил в качестве секретаря в различных департаментах, в 1823 г. стал личным секретарем генерал-губернатора Джона Адама, в 1825 г. получил должность главного секретаря правительства Индии.

Еще один представитель этого семейства, Джеймс Лоу Лашингтон (1779-1859), сделал карьеру в Индии на военном поприще. Вернувшись в Англию, он в 1827 г. стал директором Ост-Индской компании, а в 1838, 1842, 1848 гг. - председателем совета директоров. Дж. Лашингтон также являлся депутатом парламента в течение многих лет. Его брат, Стефен Рэмболд Лашингтон (1776-1868), был гражданским служащим в Мадрасском президентстве. В дальнейшем он стал личным секретарем генерала Джорджа Харриса, когда тот был главнокомандующим и исполнял обязанности губернатора Мадраса. Впоследствии С. Лашингтон женился на дочери генерала Харриса, и породнился с этим семейством⁶⁹. Такое переплетение семейно-брачных связей британских служащих в Индии было типичным для этой среды, придавая ей черты замкнутой семейно-родственной корпорации.

⁶⁸Mehra P. A Dictionary of Modern Indian History. 1707-1947 - Delhi: Oxford univ. press, 1985. P. 444-445

⁶⁹Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. – London: Sonnenschein. 1906. P. 256.

Таким образом, военная или гражданская служба в Индии отражала те исторические обстоятельства, которые задавали направления политики в этой стране и определяли человеческие карьеры и судьбы. Многочисленные поездки, жизнь в пути, были обязательным атрибутом их службы и судьбы.

2.4. Путешествие епископа Хиберы по Индии в 1824-1825 гг.

Одним из тех, кому довелось по роду своей профессиональной деятельности много странствовать по Индии, оказался епископ Калькутты Реджиналд Хибер. Он родился 21 апреля 1783 г. в семье священнослужителя, получил домашнее образование, окончил Оксфордский университет. В годы учебы будущий епископ неоднократно награждался премиями за свои стихотворные произведения. По окончании университета около двух лет Р. Хибер провел в Европе, побывав в скандинавских странах и в России. Продвигаясь с севера на юг, этот британский юноша повидал не только Петербург, Москву, но также в 1806-1807 гг. совершил путешествие по Новороссии и Крыму. За время своих странствий он написал родным множество писем, в которых рассказывал об увиденном и пережитом.

В 1807 г. Р. Хибер принял духовный сан и вскоре стал доктором богословия. В 1809 г. состоялось его бракосочетание с Амелией Шиплей. В 1823 г. он был назначен епископом Бенгалии, 16 июня 1823 г. отправился к месту службы и 11 октября того же года достиг Калькутты.

В июне 1824 г. началось путешествие епископа из Бенгалии через Дели в Бомбей. Р. Хибер посетил Бенарес, Мирзапур, Аллахабад, Канпур, Лакхнау, Алмору, Дели, Агру, Джайпур, Амбер, Бароду, Сурат и в апреле 1825 г. достиг Бомбея. В Калькутту он вернулся морским путем, побывав также на Цейлоне. Все это время путешественник вел дневник, который позже был опубликован. В следующем году, направившись в Мадрас, епископ Хибер внезапно скончался 3 апреля 1826 г. Память о нем долго сохранялась в

Индии. В кафедральном соборе святого Павла в Калькутте ему был установлен памятник⁷⁰.

Дневник, который Р. Хибер вел во время путешествия, трудно отнести к разряду личных текстов, создававшихся не для посторонних глаз и отражавших, прежде всего, внутренние переживания автора. Этот документ можно назвать путевыми заметками, в которых достаточно подробно описан внешний мир, постепенно открывавшийся путешественнику. Обозначение определенных дней, когда были зафиксированы те или иные события, впечатления, встречи, связывало воедино пространство, время и человека, воспринимавшего их.

В таком описании пути довольно редко встречались записи, имевшие приватный характер, например: «21 апреля начался 42 год моей жизни. Бог даст, мой будущий год окажется, если не счастливее, то хотя бы легче, чем тот, который прошел!»⁷¹ В целом же текст как будто изначально создавался как литературное произведение, доступное возможным читателям. В некоторых местах встречались косвенные обращения к ним, например: «28 декабря. Здесь я сел верхом на Ниджида – говорил ли я, что так зовут мою небольшую арабскую лошадь – и продолжил свое путешествие в сопровождении пяти всадников из нерегулярной кавалерии полковника Скиннера; более яркой и живописной кавалерии я не видел со времен моего путешествия по югу России»⁷².

Дневник путешествия епископа Хибера оказывается интересным источником, поскольку в нем история индивидуальной жизни отдельного человека представлена в неразрывной связи с современной ему историей Британской Индии. Все подробности, зафиксированные в тексте, становятся ценными и для воссоздания индивидуальной судьбы, и для детальной реконструкции того исторического периода.

⁷⁰ Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. – London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd. 1906. P. 197-198.

⁷¹ Bishop Heber in Northern India. Selections from Heber's Journal/ Ed. by M.A. Laird – Cambridge: Univ. press, 1971. P.67.

⁷² Ibid. P. 224.

Странствие было в центре сюжета, который связывал воедино дневниковые записи епископа Хиберы. Присутствие пути в тексте передавалось через перечисление пройденных расстояний, через сообщение сведений о географическом положении того или иного населенного пункта по отношению к уже покинутым местностям. О перемещении в пространстве косвенно напоминал тот особый интерес, который проявлял путешественник к погодным явлениям, поскольку от них зависела возможность продолжить странствия, и ими определялись непредвиденные задержки в пути.

Многие записи начинались с упоминаний о силе и направлении ветра, об осадках. Например, 17 июня 1824 г. он записал: «Нынешним утром мы около двух часов пережидали северо-западный ветер, сопровождавшийся страшной грозой с громом и молниями. Все это продолжалось около двух часов, и было весьма опасным; мы не могли не возрадоваться, что гроза не случилась прошедшей ночью, когда мы были под парусами»⁷³.

Некоторые остановки в путешествии были связаны с дополнительными дорожными хлопотами, с необходимостью переменить путевую экипировку или пополнить запасы продовольствия. Именно такие заботы занимали Р. Хиберы в Агре. Он писал: «Я посчитал, что во время моей остановки в Агре следует несколько изменить мою дорожную экипировку, поскольку мы готовились покинуть территории Компании и совершить долгое путешествие через независимые государства Раджпутаны, Мевара и т.д. Мои палатки были плохо приспособлены к холодной погоде и не могли бы обеспечить достаточную защиту, как от солнца, так и от непогод центральной Индии, поскольку они были европейской конструкции и представляли собой простой полог из тонкого брезента, лежавший поверх грубого сукна»⁷⁴.

Епископ должен был также позаботиться о продовольственном снабжении всех участников духовной миссии. В дневнике он писал об этом: «Прежде я обычно возил несколько домашних птиц на спине одного из

⁷³ Ibid. P. 70.

⁷⁴ Ibid. P. 250.

верблюдов и надеялся пополнять запасы то козленком, то овцой, которые могли случайно оказаться в какой-нибудь деревне. Но сейчас мы вступали в страны, где не найти мусульман, где было мало больших городов, а очень редкое деревенское население и само не принимает животной пищи, и не запасает ничего для странников. К тому же оно находится сейчас в состоянии абсолютного голода. Я был вынужден купить нескольких овец, которых мы возьмем с собой. Они, а также соленое мясо и вяленые языки, должны обеспечивать нас продовольствием до Гуджарата»⁷⁵.

На страницах дневника проза будничной жизни переплетена с художественным описанием тех мест, по которым проходил путь Р. Хиберы. Природа имела для него особую ценность: она была воплощением божественного состояния земного мира. В восприятии пейзажей особенно ярко проявлялась романтическая поэтика, характерная для автора. Он с восхищением отмечал необычную красоту открывавшейся ему Индии, зачастую сравнивал ее с Англией. Когда же путь проходил по бесплодной и пустынной местности, меланхолические мотивы проявлялись в его записях.

Описания природы Индии в дневнике Р. Хиберы подобны живописным зарисовкам, создающим целостный образ увиденного мира. Таким он увидел Ганг 28 июня 1824 г.: «Река величавая, и местность, расположенная вокруг, отличается такой своеобразной диковатой красотой, которую я никогда прежде не видел. Красота, определенно, присутствует, хотя нет нигде ни гор, ни водопадов или скал, которые всегда есть в наших описаниях прекрасного английского пейзажа. Медленно протекающая широкая река, с плывущими по ней маленькими живописными лодками и не менее живописными рыбаками, струится мимо полей зеленеющего риса, естественных пастбищ, где пасутся стада, мимо плантаций зреющего хлопка, сахарного тростника, через заводы, окруженные деревьями и заполненные мачтами. И при каждом повороте (хотя и не таком резком, как в притоках Хугли) возникают причудливые персиковые деревья, баньяны, бамбук, бетелевые пальмы,

⁷⁵ Ibid. P. 250.

которые дополняют совершенство картин, гораздо более своеобразных, чем что-либо виденное мною прежде, и бесконечно далеких от того, что я ожидал увидеть в Бенгалии»⁷⁶.

Природа и время соединены воедино в его восприятии Индии. Буйная растительность или потрескавшаяся земля нередко совмещались с руинами того, что когда-то было сотворено руками человека, а потом разрушено людьми, природой или временем. Это было зримым образом вечности, воплощением важных смыслов истории человечества.

Такое чувство проявилось в описании Дакки: «Дакка менее всего сохранила свое былое величие. Ее торговля уменьшилась в 16 раз по сравнению с тем, что было. Все ее великолепные строения: замок ее основателя шаха Джахангира, величественная мечеть, построенная им, дворцы древних навабов, фактории и церкви голландцев, португальцев, французов, – все превратилось в руины и просто зарастало джунглями. Мистер Мастер⁷⁷ недавно присутствовал на охоте на тигра в пределах какого-то старого дворца, и слон одного из охотников перешагивал через разрушенные стены, заросшие лианами и кустарником»⁷⁸.

В записях, относящихся к пребыванию в Дакке, неоднократно повторялся мотив исчезновения, преображаемого гармонией природы. «Этот город, окруженный руинами и джунглями, оставляет болезненное ощущение разрухи. Пока мы прогуливались, нигде не увидели никаких следов созидания. Упадок был в каком-то смысле живописным, а некоторые руины даже казались прекрасными»⁷⁹.

Восприятие природы у епископа Хибера очень зависело от собственного душевного состояния. Оно, в свою очередь, определялось романтическим мироощущением и, в значительной степени, было воспитано литературой. Книги имелись в его дорожном багаже, они сообщали

⁷⁶ Ibid. P. 74.

⁷⁷ Судья Апелляционного суда в Дакке. Сопровождал Р. Хибера в прогулках по городу и окрестностям.

⁷⁸ Ibid. P. 79.

⁷⁹ Ibid. P. 82.

необходимые сведения о стране, как, например, работа У. Гамильтона «Географическое, статистическое и историческое описание Индостана», изданная в Лондоне в 1820 г.

Чтение иногда вызывало у путешественника чувство связи разных времен. Сиюминутные моменты его походной жизни как будто встраивались в открывавшуюся панораму веков. Например, на пути к Джайпуру Р.Хибер в течение нескольких дней читал вышедшую в Лондоне в 1818 г. книгу У. Кокса о герцоге Мальборо. Тогда же он встретился с караваном британского генерала Д. Октерлони. 21 января 1825 г. в дневнике появилась запись: «Сколь невероятным могло бы показаться военным, политикам или богословам времен королевы Анны, что когда-нибудь английский генерал и английский епископ смогут обменяться рукопожатием на пустынной равнине в самом сердце Раджпутаны»⁸⁰.

Картины окружавшего мира часто вызывали воспоминания о важных для него авторах: о Вальтере Скотте, Томасе Муре, Ариосто, Джоне Милтоне. Мотивы и образы их книг нередко подсказывали стилистику описания того, что он увидел в Индии. Находясь в Джайпуре, епископ Хибер 31 января 1825 г. посетил Амбер, показавшийся ему одним из тех очарованных замков, о которых он читал у Ариосто и Вальтера Скотта. Караван-сарай недалеко от Сурата был воспринят как очень яркая картинка из какого-то восточного романа.

Индия напоминала ему Россию. Сравнения с Москвой, Петербургом, Крымом встречались в путевом дневнике не менее часто, чем европейские аналогии. Когда он впервые оказался в Калькутте, то вполне естественно сравнивал Хугли с Темзой: «Текущая в западном направлении Хугли, по крайней мере, в два раза шире, чем Темза у Большого Лондонского моста, и заполнена огромным количеством лодок и судов всех видов». Однако еще раньше он обнаружил сходство Калькутты с Петербургом: «Мы пересекли большую зеленую равнину, расположенную на левом берегу Хугли. По

⁸⁰ Ibid. P. 261.

правую руку расположен район, называемый Чаурингхи. Впереди были правительственные здания и красивые частные строения, все это так похоже на Петербург»⁸¹.

Во время своей прогулки по Дакке он вспоминал московский Кремль: «Я вчера вечером совершил прогулку на слоне по городу и одному из пригородов. Он был очень похож на Калькутту вблизи Читпура; красивые руины вперемешку с лачугами занимали до трех четвертей его площади. Замеченный мною замок, который использовался как дворец, был кирпичный и еще сохранил кое-где следы штукатурки, когда-то покрывавшей его стены. Архитектура в точности такая, как архитектура Кремля в Москве, и тот город, настоящий город, я постоянно вспоминал во время моего шествия по этому городку»⁸². Москву он вспомнил и в Джайпуре, где «фортификационные сооружения так похожи на кремлевские, что я даже мог бы вообразить, что нахожусь в Москве»⁸³.

Когда Р. Хибер осматривал развалины старого Дели, ему вспомнился Крым: «Впечатляющая картина разрушения: повсюду одни руины, ряды могил, фрагменты кирпичной кладки, каменные глыбы, гранит и мрамор, разбросанные повсюду поверх земли, каменистой, бесплодной, без каких-либо следов обработки, за исключением одного-двух маленьких пятен вблизи единственного дерева. Все это напомнило мне Кафу в Крыму, однако здесь Кафа оказывалась размером с Лондон, и ее печальные обломки были такой величины, какой не может быть в Лондоне»⁸⁴.

В долгий и трудный путь странника позвало не праздное любопытство, а служебный долг. Многие страницы дневника содержали записи о его епископском служении. В них упоминались праздничные проповеди, посещение миссионерских школ, благотворительная деятельность, беседы с местными жителями о христианском вероучении и случаи их обращения в

⁸¹ Ibid. P. 43.

⁸² Ibid. P. 82.

⁸³ Ibid. P. 263.

⁸⁴ Ibid. P. 227.

христианство. В Калькутте после рождественской службы он сделал такую запись: «В это Рождество на моей проповеди было много прихожан, около трехсот человек, как мне показалось. Сейчас в Калькутте появился обычай создавать из пожертвований фонд для поддержки бедных европейцев. Это хороший способ раздачи милостыни среди них»⁸⁵.

Некоторые записи отражали важные культовые события, касавшиеся его семьи. В день крестин своей младшей дочери он написал так: «21 апреля. В этот день я крестил мою дорогую маленькую Гарриетту. Господь, избавь и защити ее от всех земных тягот и опасностей! Мы по этому случаю устроили большой обед и вечерний прием, на котором присутствовал губернатор, леди Амхерст⁸⁶ и все близкие нам люди Калькутты. Позже я позвал некоторых богатых местных жителей, и они были очень благодарны за внимание»⁸⁷. Иногда в пути епископа Хиберы настигали болезни. Это произошло, например, в Агре. «Меня лихорадило, и в пятницу я едва был способен провести конфирмацию чуть слышимым голосом, чего не случалось у меня никогда прежде»⁸⁸.

Состояние христиан и христианства в тех местах, через которые проезжал Р. Хибер, зачастую удручало его. Находясь в Дакке, он встретил одну женщину, которая в течение семи лет своего пребывания в Раджпутане, не видела ни одного христианского священника и не имела возможности пойти в храм. Такие случаи христианского запустения были нередки. В своем дневнике епископ сделал запись, в которой с грустной иронией поведал о том, что некий весьма набожный англичанин в течение 19 лет был единственным христианином на 70 миль вокруг. До ближайшего места, где он мог приобщиться к церковным таинствам, оказывалось не менее 300 миль. Передавая абсурдность ситуации, Р. Хибер писал: «В действительности, он мог причащаться в Читтагонге, что не намного дальше, чем Йорк от Лондона.

⁸⁵ Ibid. P. 50.

⁸⁶ Леди Амхерст – супруга лорда Амхерста (1773-1857), генерал-губернатора владений Ост-Индской компании в 1823-1828 гг.

⁸⁷ Ibid. P. 67.

⁸⁸ Ibid. P. 248.

Это все грустные истории, и я надеюсь, они не будут повторяться где-то еще»⁸⁹.

Присутствие легкой иронии являлось отличительным признаком писательского стиля и мировосприятия Р. Хиберы. В своей повседневной деятельности он нередко находил повод для усмешки над своими ожиданиями или неожиданными ситуациями. Однажды к нему с визитом пришел человек, который в письме представился как недавно прибывший в Калькутту отец Якоб Миказинос, принадлежавший к доминиканскому ордену. Воображение живо нарисовало типичный образ ожидаемого доминиканца. Встретившись с ним, Р. Хибер понял, насколько его представления не совпадали с действительностью.

«Я обнаружил уроженца Тифлиса. Он провел последние годы в Риме, но плохо говорил по-итальянски, не много мог сказать по-французски, и не разговаривал на английском или хиндустани, из латыни же знал всего несколько слов. В то утро я был занят и предложил этому человеку книги, еще не упакованные с собою в путешествие, которыми он мог воспользоваться, ожидая моего возвращения. Но среди них не было итальянских, только латинские, и единственная французская книга – вполне безвредная – это были трагедии Вольтера, которую он мог бы читать.

Закончив свою службу, я вернулся и возобновил разговор. Он говорил гораздо лучше, чем мне первоначально показалось. Я задал несколько вопросов о Грузии и Армении, но услышал только перечисление разных племен, обитающих на Кавказе, узнал о своеобразии грузинского словаря и грузинского алфавита, который очень отличался, к моему удивлению, и от славянского, и от армянского. Наконец, к нашему общему удовольствию, подан был обед, и он обнаружил аппетит настоящего горца. Я имел редкую возможность наблюдать за тем, как быстро он поглощал все, что было на его тарелке. При этом гость очень ловко использовал три французских слова: “*a votre sante*”, – с которыми обращался по-свойски. Он пропускал один бокал

⁸⁹ Ibid. P. 83.

вина за другим, и время от времени смеялся раскатисто, как лев. Наконец, я почувствовал, что вскоре может последовать нечто, не вполне допустимое ни Римской церковью, ни за столом протестантского епископа»⁹⁰.

Постоянное соприкосновение разных миров зачастую становилось причиной непонимания другой культуры и требовало адекватных переводов с одного языка на другой. Для миссионерской деятельности это было особенно трудным препятствием. Такое разночтение однажды стало причиной недоразумения, зафиксированного в дневнике Р. Хибера. «Несколько дней тому назад я с моим учителем – мунши читал на хиндустани Пятикнижие, которого тот раньше не знал, и теперь был поражен его красотой и красноречием, в частности, описанием Рая, рассказом о потопе и падении человека. ”Это, должно быть, чудесное место”, – сказал он, когда прочитал об Эдеме. Мой собеседник задал мне много вопросов, и некоторые были очень интересными. Я начал уже надеяться, что моя благосклонность и красота самого Писания, постепенно даст желаемый результат, и однажды им будет признано драгоценное превосходство нашего Писания над книгами его соотечественников. Как-то он принес одну книгу и уверял меня, что она очень напоминает ему деяния Моисея. В ней я обнаружил перевод на английский язык Супта Сати, той части Маркумдейя Пураны⁹¹, где рассказывалось о некой богине, называемой Маха Майя, произведенной соединенной энергией всех божеств, включая демонов и гигантов. Это иногда напоминало мне тексты Эдды⁹², но от такого чтения не захватывало дух. Там не было никакого морального урока или какой-либо практической мудрости. Переводчиком оказался некий брахман из Мадраса»⁹³.

⁹⁰ Ibid. P. 58.

⁹¹ Маркумдейя-пурана – одна из пуран, священных текстов индуизма. Подробнее см: Томас П. Индия. Эпос, легенды, мифы /пер. с англ.Н.Г. Краснодембская. – СПб.: «Евразия». 2000. С. 112.

⁹² Эдды – средневековые исландские поэмы о богах и героях.

⁹³ Bishop Heber in Northern India. Selections from Heber's Journal/ Ed. by M.A. Laird – Cambridge: Univ. press, 1971. P. 66-67.

Местным жителям Индии трудно было понять различия между отдельными направлениями в христианстве или отделить церковные организации от других обществ, действовавших в Индии, например, от масонства. Епископ Хибер рассказывал об одном человеке, которого он называл Радакантом Дебом⁹⁴ и который довольно хорошо говорил по-английски, читал европейских историков и географов. Он был секретарем калькуттского школьного общества, материально поддерживал его, опубликовал несколько книг на бенгали и даже признавал благородство христианских моральных заповедей. Однако бенгалец сохранял убежденность, что такое учение не будет воспринято народом Индии из-за необходимости пить вино и есть мясо. Несмотря на усилия Р. Хибера объяснить ему, что никто не принуждает европейцев делать это вопреки их воле, Радакант Деб не отказался от мнения, что вкушение мяса считается религиозным долгом в христианстве. Ему трудно давалось понимание того, что масонство не является отдельной религией, что масонами могут быть и христиане, и мусульмане. Хотя он казался вполне просвещенным человеком, но не подвергал сомнению обычай сати и твердо придерживался мнения, что вдова должна последовать за умершим мужем⁹⁵.

Разница в европейском и «туземном» понимании милосердия и жестокости, силы и слабости, спасения и падения наиболее очевидно проявлялась в отношении к сати. Этот обычай слишком противоречил христианским представлениям о человечности. Пока Р. Хибер был в Бенгалии, он неоднократно писал о нем в своем дневнике, обсуждал в беседах с христианскими миссионерами и в разговорах с местными жителями.

Однажды епископ на берегу реки увидел костры, где совершилось такое сожжение. «Возвращаясь однажды в Калькутту, я встретил два

⁹⁴ Радхаканта Деб Раджа Бахадур (1784-1867) – житель Калькутты, санскритолог. Подробнее см: Русско-индийские отношения в XIX в. – М.: «Восточная литература». 1997.С.103-104.

⁹⁵ Bishop Heber in Northern India. Selections from Heber's Journal/ Ed. by M.A. Laird – Cambridge: Univ. press, 1971. P.65-66.

похоронных костра. (...) *На всем этом* было что-то, напоминавшее скомканную хлопчатую одежду, дымившуюся, местами почерневшую, издававшую отвратительный запах. Как сказали мне слуги, это было тело мужа. Женщина, они убедительно заверили, должна лежать *под этим*, и на нее поливалось масло, чтобы ускорить ее конец. Я заметил некоторые несовпадения с описанием подобной церемонии, данным миссионерами-баптистами, которые говорили, что вдова лежит рядом с мужем на платформе, ее руки обнимают мужа, а лицо повернуто к нему. Может быть, частности отличались от случая к случаю. Еще одно доказательство того, как трудно в этой стране получить точную информацию о фактах, которые только кажутся столь очевидными по своим смыслам.

Я почувствовал, как сильно сжалось сердце, и пожалел, что не оказался здесь на полчаса раньше, хотя, возможно, мои попытки вмешаться и не имели бы шанса на успех. Я мог бы, по крайней мере, попытаться спасти ее жизнь. Здесь присутствовало, может быть, двадцать или тридцать человек, которые с некоторым интересом, но определенно не с сожалением, наблюдали, как в Англии обычно зеваки наблюдают за пожаром. Я не видел слез и не слышал плача»⁹⁶.

В этой записи естественное желание попытаться спасти человека совмещалось с этнографическим интересом к отдельным деталям свершившейся процедуры, к выявлению различий в известных ему описаниях сати. На следующий день Р. Хиббер обсуждал увиденное с миссионером-баптистом доктором Маршменом. «Услышав о сати, доктор Маршмен сказал, что такие случаи участились с тех пор, как он впервые прибыл в Бенгалию. Он связывает это с усилившимся стремлением к роскоши, заметным среди высших и средних классов, и с их намерением подражать европейским обычаям, что приводит к нужде многие семьи и усиливает желание любыми способами избавиться от необходимости поддерживать своих матерей или вдов своих родственников. Другая причина,

⁹⁶ Ibid. P. 5. (Курсив автора)

по его мнению, состоит в ревности старых мужчин, женатых на юных девочках и настаивающих на своей власти над ними даже после смерти»⁹⁷.

Р. Хиберу были известны разные мнения о том, как следует относиться к такой практике. Многие считали, что «ни одна женщина не должна принуждаться к сожжению без ее собственного желания, заверенного в магистратуре, что имеются и другие, менее публичные, чем сати, способы ухода из жизни. Если мы хотим изменить индуизм, мы должны поддержать правительство в его усилиях исправить общественное мнение. Когда христианские школы станут повсеместными, сати исчезнет само собой. Но запрещать его каким-либо законодательным образом – это значит дать очевидное доказательство, что мы внедряем христианство среди них силой, и усложняем процесс на длительный период»⁹⁸.

По долгу своей службы епископ посещал учебные заведения, созданные миссионерами для просвещения местных жителей. После визита в одну из школ он сделал в дневнике следующую запись: «Успехи учениц и заметный рост числа учащихся обнадеживают. Мы очень высоко оценили заслуги миссис Уилсон. Я упомянул, что для индийских женщин до начала ее работы здесь не было никакой возможности обучаться чтению, письму и вышиванию. Все, кто больше узнает страну, уважают ее усилия. Она чувствительная, дружелюбная юная женщина, с терпеливым, хорошим характером, умеет преодолевать большинство препятствий, имеет влияние и на бедных маленьких девочек, и на их родителей; это само по себе, как и рост ее учениц, на первый взгляд кажется каким-то волшебством. Их родители не возражают против изучения катехизиса и возможности читать Библию, поскольку ничего такого им не могла бы дать низкая каста. Многие брахманы, хотя бытует мнение об их строгом соблюдении запретов, на самом деле чувствуют красоту учения, данного в Писании, и стремятся к тому, чтобы низшие слои их соотечественников, и мужчины, и женщины,

⁹⁷ Ibid. P. 56.

⁹⁸ Ibid. P.56.

приобретали что-то подобное моральному смыслу. Они с одобрением поддерживают планы миссис Уилсон и присутствуют на экзаменах ее учениц. Здесь нет никакой оппозиции нашим усилиям, предпринимаемым для просвещения индусов»⁹⁹.

Р. Хибер проявлял интерес к системе уголовных наказаний. Еще в Бенгалии епископ заметил, что «право применения смертной казни описано далеко не последовательно и применяется, по преимуществу, только за убийство. Для мелких преступлений существует система каторжных работ. Вдоль дорог или вблизи казарм можно наблюдать более или менее многочисленные группы каторжников. Каждый человек – с кандалами на ногах. Они охраняются полицейскими или сипаями. Какими бы ни были их преступления, бедные создания, вероятно, еще более ожесточаются наказанием, которое так долго удерживает их в унижительном положении на глазах у всех. Я никогда не видел лиц, выражающих такую свирепость и безразличие, какую увидел у них. Это было очень заметным контрастом по отношению к тому спокойствию и даже женственной мягкости, которые характерны для индийских лиц. Что же можно в дальнейшем ожидать от людей, которые не приобщены к христианству, живут без надежды и не имеют даже представления о каком-то другом мире, но только об этом!»¹⁰⁰

В Дакке Р. Хибер посетил один из тех сумасшедших домов, которые «правительство, руководствуясь гуманностью, создало в каждом дистрикте. Здесь под присмотром хирурга и нескольких туземных докторов все вместе содержались многочисленные заключенные, излечимые и неизлечимые, мужчины и женщины, распределенные по разным палатам. Место было просторным, хорошо приспособленным к климату, и заключенные выглядели вполне ухоженными. Правда, когда я отметил чистоту, мне сказали, что о нашем визите они были извещены заранее. Пациенты, когда их спрашивали, есть ли какие-то претензии, только утверждали, что они были несправедливо

⁹⁹ Ibid. P. 49.

¹⁰⁰ Ibid. P. 47-48.

заклочены, могут доказать, что не делали ничего плохого или что уже достаточно поправились. Только двое казались опасными и содержались в маленьких зарешеченных камерах, тогда как на других были только легкие наручники. Первый – учитель брахман – убил своего брата; второй – из приличной семьи – неоднократно покушался на жизнь своей жены и детей. Меланхолия или даже фатальность определяла общее настроение, которое преобладало здесь.

Р. Хибер интересовало также состояние сельского хозяйства. В разговорах с местными жителями путешественник часто задавал вопросы о выращиваемых культурах, о размере налогов. В Бенгалии он и его спутники¹⁰¹ проходили через небольшую деревню, заговорили с брахманом, «...юным и интеллигентным человеком, который не только очень любезно ответил на наши вопросы, но и захотел сопровождать нас. Он сказал, что деревня вместе с окрестными угодьями собирает ренту в 14 000 рупий в год и принадлежит индусской семье, имя которой я забыл, и которая сейчас находится в состоянии судебной тяжбы. Скоро появится агент, чтобы принять собранную ренту. Он заметил: "Компания получит свою долю, бедный народ все соберет, как обычно, и все пойдет, как шло и до того". Я спросил, может ли возделываться индиго? Он ответил: "Нет", - и добавил: "Индиго – прекрасное средство взять деньги в пользу бабу¹⁰², но мы – бедный народ, не хотим этого. Это поднимет цену на рис и ренту с земли". Он сказал, что рента с полей, занятых индиго, в два раза больше, чем с рисовых полей»¹⁰³

Однажды в Раджпутане путь епископа проходил через местность, которая выглядела процветающей. Это вызвало такие размышления путешественника: «Население не было многочисленным, но некоторые деревни, увиденные нами, были хорошо ухоженными и создавали

¹⁰¹ Спутниками Р. Хибера были Даниэль Корри, архидиакон Калькутты, и капеллан Мартин Стоу.

¹⁰² В данном случае – помещик.

¹⁰³ Ibid. P.72.

благоприятную картину усердного труда. Это значительно превосходило то, что я ожидал увидеть в Раджпутане, или то, что наблюдал на территориях Компании с тех пор, как покинул южные части Рохилкханда. Я вынужден предположить одно из двух: или раджа Бхаратпура являет выдающийся образец заботливого правителя, или система управления, применяемая в британских провинциях, оказывается менее благоприятной для усовершенствования и счастья страны, чем та, которая существует в некоторых индийских княжествах»¹⁰⁴.

Такое сомнение в превосходстве британского правления совмещалось у епископа Хиберы с верой в то, что его соотечественники способны остановить упадок страны. При осмотре разрушающихся памятников архитектуры он неоднократно замечал реставрационные работы, проводимые правительством. В Дели примером такого восстановления был старый акведук, отремонтированный англичанами. «Когда акведук был восстановлен и запущен при сэре Чарльзе Меткафе¹⁰⁵ в 1820 г., все население города вышло торжественно встречать этот поток, бросая цветы в воду и провозглашая все возможные благодарности британскому правительству. К сожалению, случилось так, что в уходящем году в довершение всех несчастий засухи и неурожая, которым подверглась бедная страна, Джамна изменила свое русло, и канал оказался сухим! Офицер инженерных частей, который контролировал его состояние, был в это время занят на работах против лихорадки, его сержант – тоже, и когда такое произошло, не было никого, способного пойти на холмы и восстановить водный поток. Население оказалось в бедственном положении, сады засохли»¹⁰⁶. Только в середине ноября этот канал снова был восстановлен к всеобщей радости жителей города. В приведенном примере отчетливо различимо то, что постепенно сформирует представление о «миссии белого человека»: «туземцы»

¹⁰⁴ Ibid. P. 256.

¹⁰⁵ Ч.Т. Меткаф (1785-1846) в 1820 г. был резидентом в Дели, позже назначен резидентом в Хайдарабад, в 1825 г. вновь стал резидентом в Дели. С марта 1835 по март 1836 г. исполнял обязанности генерал-губернатора владений Ост-Индской компании.

¹⁰⁶ Ibid. P. 226.

неспособны к самостоятельным действиям, англичане обязаны заботиться о них.

Р. Хибер был далек от идеализации своих соотечественников. В Индии ему встречались разные европейцы. В Серампуре он беседовал с полковником Крефтингом, комендантом крепости. Побывав в Шандернагоре (совр. Чандернагор), в то время французском владении на территории Индии, епископ познакомился с французским губернатором Пелисье. Имея возможность сравнивать, путешественник отмечал, что «...чаще всего они (французы) свободны от того исключительного и нетерпимого духа, повсюду превращающего англичан в замкнутую касту, которая и сама не любит соседей, и оказывается не любимой ими. Эта глупая, угрюмая национальная гордыня, примеры которой я вижу ежедневно, принесет нам много вреда в этой стране. Мы не повинны в несправедливости или самоуправстве, но мы исключаем местных жителей из нашего общества, и обычно в разговоре с ними у нас постоянно присутствует оскорбительный, высокомерный тон»¹⁰⁷.

Епископ понимал, какой трудной, опасной и зачастую безрадостной была военная или гражданская служба в этой стране. Непривычный климат, неизвестная страна, недружественное окружение, напряженные отношения с местными жителями, постоянные и дальние поездки, болезни, – вот далеко не полный перечень тягот индийской жизни, с которыми сталкивались британцы. Во время пребывания в Дакке смертельно заболел один из его спутников, и Р. Хибер тяжело переживал эту утрату. Его собственная жизнь прервется в странствии по Индии в апреле 1826 г.

В Раджпутане он встретился с генералом Дэвидом Октерлони¹⁰⁸, чья судьба дала ему еще один повод для грустных размышлений. «Я не жалел, что, хотя бы вот так мельком, увидел этого пожилого офицера, чья служба в Индии была такой разнообразной. Его история очень занятная. Будучи сыном одного американского джентльмена, покинувшего свою родину во время

¹⁰⁷ Ibid. P. 249.

¹⁰⁸ Д. Октерлони (1758-1825) – генерал-майор, баронет, в 1818-1822 гг. был резидентом в Раджпутане, Дели, Малве.

войны за независимость, сэр Дэвид кадетом прибыл в Индию и сам, без покровителей, сделал блистательную карьеру. (...) Сейчас ему уже более шестидесяти лет. Его донимали болезни, и многие советовали возвращаться в Англию. Но он не был там 54 года и не имел ни друзей, ни родственников. За долгие годы, прожитые в Индии, он усвоил восточные привычки и образ жизни. Можно ли удивляться, что этот человек так держится за одну единственную страну, где чувствует себя как дома?»¹⁰⁹

Взаимодействие двух миров вызывало у Р. Хиберы сложные чувства. Во время своего пребывания в Дакке он встречался с человеком по имени Шамс-уд-даула¹¹⁰, которого он уважительно называл навабом, хотя тот уже не имел реальной политической власти. Однажды епископ отметил следующее: «Нас обогнал кортеж наваба: старое ландо, запряженное четверкой лошадей; кучер и фореитор были в красных ливреях, несколько всадников – в одеяниях того же цвета, их высокие угловатые шапки подобны тем, что были у старых гренадеров. Великие люди Индии, действительно, утрачивают внешнюю эффектность, когда они воспринимают европейскую моду и приспособляются к ней. Восточный господин в своем тюрбане и цветистых одеждах стал исчезающим видом. Восточный принц верхом на коне выглядит благородно. Но восточный принц в повозке, в сопровождении людей, одетых подобно карнавальному войску, – нет ничего более жалкого и меланхолического. Это выглядит так противоестественно, когда несчастные суверены должны имитировать, в той мере, в какой смогут, образцы одежды своих завоевателей, признавая превосходство их власти и величия»¹¹¹.

После более близкого знакомства с навабом епископ изменил свое предварительное мнение. В его дневнике 6 июля 1824 г. появилась такая запись: «Наваб посетил нас этим утром в сопровождении своего старшего

¹⁰⁹ Ibid. P. 260.

¹¹⁰ Шамс-уд-даула – старший сын Джасарат Хана, наиб-назима или заместителя губернатора Дакки в те времена, когда Ост-Индская компания получила контроль над Бенгалией. Наиб-назим Дакки с 1822 по 1831 г. Подробнее см.: Bishop Heber in Northern India. Selections from Heber's Journal/ Ed. by M.A. Laird – Cambridge: Univ. press, 1971. P. 80-81.

¹¹¹ Ibid. P. 83.

сына. Он оказался приятного вида пожилым мужчиной; его прекрасное сложение проявляет благотворное влияние мусульманских завоевателей, принесших свою северную кровь. Его руки, в основном, были такими же белыми, как у европейцев»¹¹². Наваб довольно свободно говорил по-английски, был хорошо осведомлен о событиях европейской истории. Когда Р. Хибер прибыл с ответным визитом, он увидел в том зале, где проходил прием, «...несколько гравюр короля, императора Александра¹¹³, лордов Уэлсли¹¹⁴ и Хейстингса¹¹⁵ и герцога Веллингтона¹¹⁶, а также два очень хороших портрета самого наваба и его покойного брата, выполненных художником Джорджем Чиннери¹¹⁷. Ни в чем не было безвкусицы, все выглядело респектабельно и благородно»¹¹⁸.

Такое совмещение разных культур затрудняло раздачу оценок наблюдаемым явлениям. Автор дневника не стремился к однозначности суждений и умозаключений. За время своего путешествия он неоднократно убеждался в том, что в глазах местных жителей сам выглядит необычно или нелепо. Например, в Раджпутане маленькая местная девочка, впервые увидевшая его, заплакала и попросила не обижать ее. В дневнике появилась запись: «Я не мог точно сказать, каких действий она ожидала от меня, но никогда раньше ко мне не обращались как к великану-людоеду»¹¹⁹. Несколько дней спустя он вновь заметил, что стал предметом любопытства со стороны местных жителей: «Весь день толпа людей сопровождала меня до самых дверей, наблюдая каждый момент моей прогулки. Когда вечером я вышел погулять, опять оказался в центре внимания, каким был бы окружен

¹¹² Ibid. P. 83-84.

¹¹³ По-видимому, имеется в виду российский император Александр I (1777-1825).

¹¹⁴ Маркиз Ричард Колей Уэлсли (1760-1842) – генерал-губернатор владений Ост-Индской компании в 1798-1805.

¹¹⁵ Имеются в виду либо Уоррен Хейстингс (1732-1818) – генерал-губернатор владений Ост-Индской компании в 1773–1785, либо Фрэнсис Роудом лорд Хейстингс (1754-1826), занимавший тот же пост в 1813–1823 гг.

¹¹⁶ Артур Уэлсли, герцог Веллингтон (1769–1852) – британский военный и политический деятель, долгое время служивший в Индии.

¹¹⁷ Дж. Чиннери (1766-1852) – английский художник; многие его работы выполнены в Индии.

¹¹⁸ Ibid. P. 85-86.

¹¹⁹ Ibid. P. 270.

посол Персии или еще какой-то иностранец на улицах Лондона»¹²⁰. Любопытство могло стать началом узнавания другого мира и постепенно выработать привычку достойно воспринимать несовпадения культур.

В индийских странствиях Р. Хиберы любопытство чаще всего совмещалось с романтическим воодушевлением, а иногда – с разочарованием. Такие сложные чувства возникли у путешественника после состоявшейся 31 декабря 1824 г. встречи с Великим Моголом¹²¹. Более всего его восхитила архитектура дворцового комплекса. Он подробно, стараясь воспроизвести все детали, описал увиденное. На фоне великолепия и величия строений император показался не столь значительным. В том описании, которое осталось в дневнике, он как будто растворен среди пышных интерьеров: «...напротив нас был красивый открытый павильон из белого мрамора, богато украшенный, заполненный розовыми кустами и фонтанами; там также висели гобелены и ковры, украшенные сверху гирляндами. Внутри павильона были люди, и бедный старый потомок Тамерлана сидел в центре этой группы»¹²².

Р. Хибер участвовал в торжественной церемонии представления императору с положенными по регламенту низкими поклонами, совершал ритуал переодевания в праздничные одежды, слышал громкие титулы: «О, украшение мира! Прибежище народа! Король королей! Император Акбар Шах!», – но видел только «пожилого господина». Он так описал Великого Могола: «Я мог рассмотреть только руки и лицо, поскольку утро было холодным, и он был так укутан в шали, что иногда напоминал мне голову друида¹²³ на полпенни¹²⁴ Уэллса»¹²⁵.

Романтические представления о Великих Моголах, сложившиеся под влиянием прочитанных записок Ф. Бернье и других книг, разрушались в тот

¹²⁰ Ibid. P. 286.

¹²¹ Акбар Шах II находился на троне Великих Моголов в 1806-1837 гг.

¹²² Ibid. P. 230.

¹²³ Друиды – кельтские жрецы.

¹²⁴ Полпенса, мелкая монета.

¹²⁵ Ibid. P. 231.

момент. Наблюдавшийся упадок императорской власти вызывал грусть и разочарование. Горестные чувства Р. Хибер выразил такими словами: «Суета сует! – эта надпись нигде не была бы более уместной, чем на ветхих аркадах Дели!»¹²⁶. В Индии единственной силой, пытавшейся восстановить руины былого величия, оказывалось британское правительство, а не «бедный пожилой мужчина, чей образ когда-то в моем детском воображении был связан с невероятным богатством и роскошью, и который назывался Великим Моголом»¹²⁷.

Надежды на британскую власть совмещались с рациональной оценкой ее возможностей. Местные жители в разговорах с епископом иногда сравнивали англичан с прежними завоевателями. Еще в Бенгалии он услышал мнение одного из них, который, сопоставив мусульманское господство и британское правление, сказал: «Когда они (мусульмане) завоевали нас, то снесли головы нашим раджам, которых опасались. Когда англичане завоевали их, то дали им землю и пенсии!». Р. Хибер так и не понял, было это комплиментом или осуждением. Он записал следующее предположение: «Как бы то ни было, такое отношение к мусульманской власти дает основание полагать, что здесь наша нация действовала мудро так же, как и везде. Хорошо уже то, что индусы помнят: мы их не завоевали, но нашли уже завоеванными, их прежние правители были такими же чужими им по крови и религии, как и мы, но тот гнет был намного более тяжелым, чем мы могли бы себе представить»¹²⁸.

Долгое и трудное путешествие позволило Р. Хиберу увидеть Индию, встретить в пути разных людей, узнать их судьбы, сомнения, надежды. Автор дневника оказывался сопереживающим наблюдателем. Его интересовали встречавшиеся ландшафты, увлекали памятники прошлого и красота архитектурных ансамблей. Он не был равнодушным к человеческим судьбам, к душевной настроенности своих собеседников, но при описании местных

¹²⁶ Ibid. P. 235.

¹²⁷ Ibid. P. 239.

¹²⁸ Ibid. P. 63.

жителей обычно обращал внимание на черты лица, цвет кожи, пропорции фигуры «туземцев».

Дневник напоминал тот жанр художественной литературы, в котором рассказывалось о странствиях и приключениях персонажей. Вероятно, это оказывалось естественным, поскольку путешествующий герой дневника был внимательным читателем книг, имел романтическое мироощущение и талант писателя. В тексте можно выделить некоторые важные сюжетные линии, напоминавшие о вечном противоборстве природы и человеческой истории, о сочетании творения с разрушением, о разумном освоении мира, пребывающего в состоянии упадка. Так выражалось родство с существовавшей тогда поэтической традицией. Художественное творчество, краеведческое описание и биография автора совмещались в его произведении. Словесно выражая внешнюю, чужую среду, Р. Хибер как будто расширял границы своего внутреннего мира, включая в него Индию. При этом создавался литературный образ увиденной страны, запечатленной посредством английского языка, доступной для последующего освоения.

2.5. Индийские путешествия Марии Грэхем: путевая беллетристика в контексте имперского сознания.

Важную роль в формировании культуры интеллектуального восприятия мира, открывавшегося образованным британцам, играли не только путевые заметки, написанные мужчинами, но и женские тексты. Их восприятие Индии было представлено в книгах Мэри Марты Шервуд¹²⁹ (1775-1851), Флоренции Сейл¹³⁰ (1790-1853), Эмили Иден¹³¹ (1797-1869). Одним из них было описание своего пребывания в Индии, сделанное Марией

¹²⁹ Мэри Марта Шервуд была замужем за капитаном Генри Шервудом, несколько лет прожила в Индии. Написала книгу «Indian Pilgrim»

¹³⁰ Флоренция Сейл была замужем за генерал-майором Робертом Генри Сейлом, командовавшим британской армией, окруженной афганцами в 1841-1842 гг. Написала «Journal of the Disasters in Affghanistan. 1841-1842»

¹³¹ Эмили Иден – сестра лорда Окленда, генерал-губернатора Индии с марта 1836 по февраль 1842 гг. Написала книги «Portraits of the People and Princes of India», «Up to the Country»

Грэхем. Она прибыла в Бомбей в 1809 г., много путешествовала по окрестностям этого города, осматривая древние памятники и исторические места. Потом М. Грэхем побывала в Пуне, Мадрасе, Калькутте, посетила остров Цейлон. В начале 1811 г. путешественница отправилась обратно в Англию, и обогнув мыс Доброй Надежды, прибыла на родину летом того же года. Свои индийские впечатления она представила в виде писем в книге «Дневник пребывания в Индии»¹³².

В качестве побудительного мотива, способствовавшего созданию «Дневника пребывания в Индии», М. Грэхем называет желание дать популярный обзор достопримечательностей и своеобразия этой страны. В предисловии к своей книге она писала: «Хотя Индию постоянно посещает гораздо больше образованных англичан, чем любую другую страну, и она явилась предметом бесчисленных публикаций, однако следует заметить, что нет такого сочинения на нашем языке, в котором ее пейзажи и памятники, а также манеры, обычаи ее обитателей и проживающих там колонистов были бы представлены так же популярно и доступно, как это все описывается путешественниками в других странах, несравненно менее заслуживающих внимания». Причина этого в том, что большинство англичан в Индии заняты государственными делами, торговлей или военной службой, и они не пишут о том, что могло бы заинтересовать читателей или наблюдателей, настроенных на созерцание, на получение «впечатлений для глаза и ума от обзора непривычного»¹³³.

Именно обращение к предполагаемым запросам читающей публики, нуждающейся в новизне впечатлений и расширении представлений о далеком, экзотическом мире, оказалось для М. Грэхем тем ориентиром, который предопределил жанр ее произведения. «Дневник пребывания в Индии» написан в виде писем. Такой стиль путевых заметок, по-видимому, учитывал предполагавшиеся читательские навыки. Эпистолярная форма

¹³² Graham M. Journal of a Residence in India by Maria Graham. – Edinburgh: George Ramsay and Co, 1813. -215 p.

¹³³ Ibid. Preface

путевых текстов была привычной для образованных людей того времени. В ней все давалось от имени и через восприятие автора. Это предполагало субъективность впечатлений, индивидуальность суждений, а также делало естественной, простительной и понятной ту непритязательность и интимность, которая свойственна письмам.

Кроме того, эпистолярная форма давала особую гибкость и свободу тексту. Она позволяла свободно переходить от темы к теме, рассказывая о ежедневности, о чередующихся пейзажах, встречах, впечатлениях. «Если нужно было научиться рассказывать и описывать, то наиболее удобная для этого форма была найдена. Рассказчик не был стеснен ни во времени, ни в пространстве»¹³⁴. Этот процесс рассказывания был важен не только для образования, для популяризации знаний, но и для выработки определенного языка, понятного читателям, праздно интересующимся этой отдаленной страной¹³⁵. Беллетризация и популяризация Индии реализовывалась в непритязательных рассказах, которые переводили чужую экзотику в сферу обыденности, воображаемой повседневности, что добавляло новые черты британскому имперскому сознанию.

«Дневник пребывания в Индии» начинается так: «Мой дорогой друг. Я намереваюсь описать все, что вижу и прилежно передать то, что узнаю для твоего удовольствия, и уведомляю тебя, что я намерена изобразить жизнь и передать все краски природы»¹³⁶. Обращение «дорогой друг» могло относиться ко всем и становилось основой диалога с каждым читателем в отдельности.

¹³⁴ Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. – Л.: Academia, 1926. С. 44-45

¹³⁵ «"Миромоделирующая" функция жанра путешествия, таким образом, заключается в экстенсивном освоении внеположного человеку географического пространства, а общеродовой смысл жанра – в художественном изображении гармоничного существования человека в окружающей его природе, в эпическом со-бытии человека и мира» - Банах И.В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII-XIX вв.). Монография. – Гродно: ГрГУ, 2005.С. 12.

¹³⁶ Graham M. Journal of a Residence in India by Maria Graham. – Edinburgh: George Ramsay and Co, 1813.P.1

7. Ibid.P.1

8. Ibid.P.18-19

9. Ibid.P. 10-13

Как производился отбор того, что фиксировалось в тексте? Основанием такого отбора была спонтанная индивидуальная убежденность автора, что это нуждается в ее свидетельстве. Таковыми оказались, например, самые первые впечатления, полученные М. Грэхем в Бомбее, сразу по прибытии в Индию. «Бомбей 28 мая 1809. После двадцати недель пути из Англии мы прибыли сюда 26 мая в плотном тумане, который предшествует приходу дождливого сезона в этой части Индии. На новом моле мы нашли паланкины готовые перенести нас с этого берега. Эти паланкины оказались носилками, в которых можно лежать или сидеть, с окнами и скользящими дверями. Более современные были маленькими экипажами без колес, более древние представляли различные формы и состояли из лежанки или софы, поверх которой находилась арка, достаточно высокая для того, чтобы вместить сидящего. Это сооружение украшали золотые или серебряные колокольчики и бахрома, оно имело занавес, закрывавший при надобности все целиком. Носильщики паланкинов по большей части не носят никакой одежды, кроме тюрбана и куска ткани, обернутой вокруг поясницы; степень их наготы, так непривычной для европейских глаз, никого не шокирует из-за темного цвета их кожи, которая создает эффект одежды»¹³⁷.

Дистанцированность - неизбежное свойство описания другой, внешней среды. «Для путешествия в понимании европейского модерна, исходя из наличия национальных государств, основной была пространственная модель, которая определялась стратегией проведения границы, разграничения и моделирования своего в противоположность разным типам чужого пространства. В такой модели пространства чужому приписывалась особая конститутивная ценность, так как образование культурной идентичности происходило здесь через отражение и разграничение»¹³⁸.

¹³⁷ Ibid.P.1

¹³⁸ Франк С. Русские травелогисты середины 1930-х годов // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 193

Такая отстраненность сохраняется в письмах М. Грэхем. Рассказывает ли она о поездках по окрестностям Бомбея, об осмотре достопримечательностей, о приемах в доме губернатора или о визите в дом своего знакомого мусульманина, - писательница остается внешним наблюдателем, не сливающимся с этими мирами. Автор описания как будто выполняет взятую на себя миссию смотреть, фиксировать и толковать увиденное. Однако присутствие незримого собеседника, предполагаемого читателя писем, заставляет использовать художественные приемы, беллетризировать этот внешний мир. На повествование сильно повлияли известные путешественнице живописные образцы или книжные манеры рассказов об Индии. Отвлеченное знание, существовавшее до встречи с живым явлением, уточнялось, детализировалось при непосредственном контакте с ним. Не только зрение или слух, но и осязание, обоняние участвовали в таком знакомстве.

Это отразилось, например, в том, как М. Грэхем описывает свой визит на женскую половину одного мусульманского дома: «Женщины все окружили нас, чтобы рассмотреть нашу одежду и ткани, из которых она была сшита. Они удивились, что у нас так мало украшений, но мы объяснили им, что таков обычай нашей страны, и они признали, что это хорошо. Меня не смутило, что они так бесцеремонно выражали свое любопытство, ведь в таком случае и мы могли удовлетворить наш собственный интерес.(...) Нас угостили благоуханным шербетом, фруктами и сладостями. Некоторые из них были довольно приятны, но, чтобы попробовать другие, потребовалось призвать на помощь все мои хорошие манеры. Я была готова ко многому, но все же испытала удивление от той абсолютной пустоты их существования, которую обнаружила. Они бормотали свои молитвы, некоторые из них читали Коран, но ни одна из них не понимала его. Только некоторые могли читать на родном языке или писать на нем. Их единственным занятием было вышивание. Они вышивали бисером, плели из цветного бисера, спали, ссорились, делали печенье, жевали бетель, и так день за днем. Единственное,

что нарушало монотонность их жизни, были смерть, рождение или замужество. Когда мы собирались уходить, нам подарили цветы, пан и обрызгали розовой водой. Поскольку на Востоке визиты обставлены церемониями, это было сигналом для ухода»¹³⁹.

В описании путешествия естественно совмещались документальность и беллетристика. Литературные реминисценции сосуществовали с сообщаемыми точными сведениями о внешнем мире. Они помогали передать эмоционально-оценочное суждение о нем, выразить некоторые существенные моменты его восприятия и истолкования, не передаваемые другими средствами. Источниками этого оказались не только произведения английских литераторов, в частности «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна, но и сказки «Тысячи и одной ночи», «Гулистан» Саади, «Шах-наме» Фирдоуси, истории об Арджуне из Махабхараты. Документальность придают ее тексту ссылки на труды авторитетных исследователей: Анкетилля дю Перрона, аббата Рейналя, Франсуа Бернье.

Историко-мифологическое поле путешествия и записок о нем отличалось широтой и многообразием. Смещение эпох, стилей, религиозных верований, наблюдаемое М. Грэхем в Индии, требовало разъяснений. Не ограничиваясь только их перечислением, она попутно воспроизводила в письмах сложную генеалогию и иерархию богов, почитавшихся там, приводила исторические сведения о народах, оказавшихся на этой территории, об их завоевателях и правителях. Увлекательный рассказ и живописное описание совмещался в ее тексте с передачей знаний, с просветительской миссией. Кроме того, письма М. Грэхем оказывались и своеобразным путеводителем: дневные записи начинались, как правило, с описания погоды, которая могла позволить или помешать совершить

¹³⁹Graham M. Journal of a Residence in India by Maria Graham. – Edinburgh: George Ramsay and Co, 1813..P.18-19

поездку. Обязательным элементом в них были сведения о расстояниях, состоянии дороги, средствах передвижения. Такие «подорожные» данные косвенно приглашали к повторению ее пути.

Это отразилось, например, в описании прогулок по окрестностям Бомбея. «15 августа 1809. Прекрасная погода задержалась дольше, чем обычно бывает в сезон дождей, и мы совершили прогулку на Малабарский мыс на юго-западной оконечности острова, который прежде был особо почитаемым святым местом и куда некоторые паломники приходят до сих пор. Покинув наш экипаж у подножья горы, мы одолели долгий подъем по редким ступенькам. Вблизи вершины было множество маленьких храмов и несколько домов брахманов. Их обитатели обычно избегали встречаться с теми посетителями, которых приводило на вершину праздное любопытство. После того, как мы прошли около двух миль через сады и овощные поля, на склоне горы показался маленький садовый домик или бунгало. Дорога от Малабарских холмов в Форт Бомбея проходила через пляж залива Блэк-Бэй, опасный залив, образованный мысом Малабар, с одной стороны, и полуостровом Черной женщины или Коулабы, с другой. Форт Бомбея, надо сказать, большой и хорошо защищенный. Даже в случае нападения на полуостров врагов-европейцев, ни одна часть его не была бы доступна бомбардировке, кроме той, на которой находятся дома туземцев, чьи стены, очень высокие и в большинстве своем построенные из дерева, вплотную примыкают друг к другу. Единственная английская церковь имеется в Форте (...). Португальские или армянские церкви, и внутри, и вне стен, встречаются чаще. Есть также там три или четыре синагоги, мечети и многочисленные храмы. Самая большая пагода в Бомбее находится в Черном городе, около мили с четвертью от Форта. Это так называемая Момба Деви, или богиня Бомбея, которая по образу и атрибутам выглядит как Парвати, жена Шивы»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Ibid. P. 10-13

Далекая Индия уже была частью имперского пространства, и здесь М. Грэхем повсеместно оказывалась в британском обществе. Даже в пути, во время поездок в Пуну, Мадрас, Коломбо, Калькутту, встречи с соотечественниками - неперемнная часть ее путешествия. Британские резиденты, губернаторы, художник Даниэль, жены служивших в Индии офицеров, - все они спонтанно составляли для нее коммуникативную среду, которая отразилась в письмах. Спектр чувств, испытываемых к соотечественникам, был довольно широким. Почтительность, уважение, интерес совмещались с критическими высказываниями и легкой иронией.

Это в полной мере представлено в следующем описании: «Вечера в Бомбее - самые скучные и неприятные собрания, которые только можно вообразить. Сорок или пятьдесят человек собираются в семь часов и пребывают друг с другом до того момента, когда объявят обед. Затем леди в соответствии со строжайшими правилами иерархии шествуют к столу, ведомые джентльменом соответствующего ранга. За столом не может быть общей беседы. Разговор возможен в небольших кружках тех, разделенных попарно, кто в соответствии со своим рангом сидит рядом в течение длинного обеда. Можно занимать себя замечаниями об этой компании, настолько сатирическими, насколько это возможно. Но горе тому страннику, чьи уши вдруг услышат целый перечень его предполагаемых несовершенств и ошибок. Здесь каждый имеет шанс изучить свою собственную историю так, как он ее до того не знал. После обеда эти же темы, продолжающие занимать дам, дополняются обсуждением кружев, драгоценностей, интриг и последних мод. Если здесь оказывается вновь прибывшая молоденькая девица, начинается подбор возможных женихов для нее. Это и составляет занятие для дам колонии, пока не придет следующий корабль. Такая компания собирается на английские праздники в Бомбее»¹⁴¹.

Британия присутствовала на просторах Индии не только незримо - в мыслях, сравнениях, но и материально - в окружающих «белых» людях, в

¹⁴¹ Ibid.P.29

созданном ими здесь английском мире, в рутине имперской службы. Воспоминание о далекой Европе могло произвольно возникнуть при виде ландшафта, вдруг напомнившего пейзаж горной Шотландии, или в разговоре с соотечественниками. Именно так подействовало на М. Грэхем встреченное в Калькутте английское общество: «Английское общество Калькутты, оказалось очень многочисленным. Оно представило значительное разнообразие характеров и большую степень интеллектуальной утонченности, чем в любом другом президентстве. Я встретила здесь нескольких человек, как мужчин, так и женщин, чье общество напомнило мне о том, как, бывало, в Британии, чтобы отвлечься от серьезных занятий в кругу своих друзей, собирались вместе умнейшие и лучшие наши соотечественники, чья благожелательность снискала восхищение, а их таланты вызывали уважение. Среди тех немногих, кто понимает и ценит это, более всего распространено мнение, что только в Европе может расцвести разум человека, и что это невозможно в любой другой стране. Если здесь мы посмотрим вокруг себя, то увидим пассивную покорность, апатию и деградацию большинства индуистов, очень заметный фанатизм мусульман, алчность, расточительство, невежество и грубость большинства белого населения. И покажется, что они занимают место несравненно более низкое, по сравнению с большинством благородных наций Европы»¹⁴².

Так имперское сознание включало в себя помимо ностальгии, еще и критичность в отношении своих соотечественников, неременное сопоставление «своих» и «других». В британской культуре и имперском сознании Индия выполняла функцию Другого¹⁴³. Встречаясь с «чужим» миром, европейцы должны были, как бы заново, определять «свой» мир, уточнять собственную идентичность в пространстве взаимодействия этих разных культур. «Дневник пребывания в Индии» оказывался также и

¹⁴² Ibid.P.133

¹⁴³ «Ведь культура остается «живой» до тех пор, пока она испытывает желание постичь своего Другого. А что такое Другой? Другим является все краевое, случайное, безумное, сегодня еще не нужное, бессмысленное и т.п.» - Ad Marginem 93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: «Ad Marginem», 1993. С.11

документальным повествованием, осваивающим экзотику другого мира. Наибольшая интенсивность сравнения между «своим» и «чужим» ощущалась при более близком знакомстве. Интерес к другому миру и людям, населявшим его, предопределял стремление получить нужные знания от самих «туземцев».

В круг общения М. Грэхем в Индии входили не только британские служащие, но и индийцы. Она так писала об этом: «19 сентября 1809. Сегодня наше послеполуденное время мы провели очень увлекательно, беседуя с двумя хорошо информированными местными жителями. Один из них – индус, а другой – мусульманин. Они оба хорошо говорят на английском языке, и прекрасно осведомлены обо всем том, что касается законов, религии и обычаев их собственных наций»¹⁴⁴.

Знание английского языка было важным условием контакта, но в основе общения была любознательность, стремление как можно больше узнать о другом мире, его законах и обычаях. Именно это для М. Грэхем определяло выбор собеседника. Но и индийские собеседники руководствовались таким же мотивом. Любопытство и страсть к познанию другого человека и иного мира было обоюдным. Это отчетливо проявилось в том, как М. Грэхем описала своего индусского собеседника: «Пандит Бапуджи – брахман из секты Веданти. Он, как кажется, с удовольствием сообщает нам сведения о мифологии своей страны, хотя при этом и говорит, что он выше того, чтобы верить в такие народные суеверия, которые, по его мнению, являются средством удерживать в повиновении низшие классы общества, или, как он называет их, отверженные касты. Это мужчина примерно двадцати двух лет, элегантен по своему виду и манерам и обладающий довольно редкой проницательностью и быстротой восприятия. Он кажется мне наиболее подходящим для объяснения обычаев, традиций и верований его соотечественников и, напротив, я сама не всегда могу очень

¹⁴⁴ Graham M. Journal of a Residence in India by Maria Graham. – Edinburgh: George Ramsay and Co, 1813.P. 16

легко удовлетворить его любопытство относительно Англии, той страны, куда он очень хотел бы поехать, где нет притеснения низших каст, нет других привилегий или почестей, кроме тех, которые принадлежат самому человеку»¹⁴⁵.

Встречи и общение с местными европеизированными жителями позволяли М. Грэхем воспринимать многомерность иного мира. Они же усиливали осознание того, что европеизация, выражавшаяся в знании английского языка и общении с британцами, была для местных жителей внешней, поверхностной и не затрагивала глубин традиционной культуры и индивидуальной идентичности. Критический взгляд М. Грэхем и аналитическое восприятие ею своих туземных собеседников присутствует в тексте ее книги. Вот так описала она еще одного своего индийского знакомого: «Наш мусульманский друг, Кази Шахаб о-дин Махари является ревностным магометанином и потому большим фанатиком, однако иногда он пьет чай вместе с нами и не так непримирим в отношении мясной пищи, печенья и фруктов в нашем доме. Он только на два или три года старше, чем Бапуджи, и хотя я сомневаюсь, что все это хорошо воспринимается им, тем не менее, я верю в его большую ученость. Манеры этого человека учтивы и подобны тем, что приняты среди джентльменов, но не столь утонченные, как у его индусского друга. Он сопровождал нас на следующий день в некоторых мечетях, находящихся по соседству»¹⁴⁶.

Индивидуальные черты «восточного человека» живо воспринимались, когда собеседнику становилась понятной его рациональность, логика действий, личные пристрастия, представления о долге, справедливости и способность адекватно реагировать на шутку. Все это расценивалось как знаки цивилизованности «туземцев».

Таким образом, «Дневник пребывания в Индии» М. Грэхем, как и другие подобные тексты, не только знакомил предполагаемых читателей с

¹⁴⁵ Ibid.P.16

¹⁴⁶ Ibid.P.16

далекой, другой, экзотической страной и населявшими ее людьми. Тексты путешествий, в том числе и книга М. Грэхем, подробно описывая экзотику Индии и знакомя с ней читателей, снижали степень ее чужеродности, расширяли пределы имперского пространства, а также устанавливали литературные нормы публичного имперского языка.

2.6. "Живое ощущение восточного человека" или образы туземцев в книге Александра Бернса " Путешествие в Бухару".

Александр Бернс родился 16 мая 1805 г. в Шотландии. В 16 лет поступил на военную службу Ост-Индской компании и отправился в Индию. Там также служили и его братья: Джеймс, Дэвид, Чарльз. В 1823 г. он получил назначение в Сурат в качестве переводчика. Его служба проходила в основном на северо-западе Индии и, кроме прочего, предполагала исследование территории Синда и течения Инда. В 1830-31 г. А. Бернс был направлен с дружественной миссией в Лахор к Ранджиту Сингху, правителю Пенджаба. В 1832 г. по заданию правительства Британской Индии молодой шотландец совершил путешествие через Северную Индию, Афганистан, Персию в Бухару, а потом написал и опубликовал книгу об этом странствии, за что получил медаль Королевского общества. Жизнь А. Бернса закончилась трагически. В 1836-1841 гг. он выполнял политическую миссию в Кабуле, где осенью 1841 г. вместе со своим младшим братом Чарльзом Бернсом погиб в ходе дворцового переворота¹⁴⁷. Многочисленные и длительные путешествия, постоянное пребывание в "туземной" среде позволили А. Бернсу приобрести обширные познания о пройденных восточных странах и встречавшихся там народах.

Для обозначения местного населения подвластных им территорий британцы, как правило, использовали слова "native", "natives", которые на русский язык переводятся как "туземец", "туземцы". Хотя жители тех стран

¹⁴⁷ Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. – London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd. 1906. P. 62.; Mehra P. A Dictionary of Modern Indian History. 1707-1947. - Delhi: Oxford univ. press, 1985. P.119

были разными, но их главным и отличительным признаком становилось то, что они являлись неотъемлемой частью восточной природы. Связь с природой (nature - native) особенно видна в английском варианте названия, тогда как русский язык, обозначив человека как туземца, сделал акцент на почве, земле. Чтобы реконструировать "живое ощущение восточного человека", надо рассмотреть, какие образы "туземцев" присутствуют в тексте "Путешествия в Бухару".

А. Бернс, вдохновленный успехом миссии в Панджаб ко двору Ранджита Сингха в 1831 г., был готов предпринять следующее путешествие. Личные мотивы, побуждавшие его отправиться в путь, определялись желанием увидеть новые страны, посетить места завоеваний Александра Македонского, самому пройти через возможные романтические приключения, о которых он с большим интересом читал в ранней юности в книгах. "Я верил, что счастливый исход нашего путешествия создаст более благоприятное впечатление об азиатском характере и многих воодушевит желанием посмотреть и посетить эти страны"¹⁴⁸.

Однако были и прагматические основания такого мероприятия. Знание общего состояния тех стран, через которые предстояло проехать, могло быть полезным британскому правительству. Исследователи британской колониальной политики на Востоке отмечали следующую особенность: "Проводя дипломатическую политику на Востоке, английские колонизаторы всегда старались использовать в своих целях борьбу за престол, столь обычную в феодальных государствах Азии"¹⁴⁹. Путешествия А. Бернса имели четкие и определенные цели: ближе познакомиться с восточными правителями и оценить их возможности в британской дипломатической игре.

¹⁴⁸ Burnes A. Travels into Bokhara being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia. – London: John Murray, 1834. P. XIV.

¹⁴⁹ Шостакович С.В. Английская дипломатия и борьба вокруг престола в Иране в первой половине XIX в. // Вопросы истории международных отношений и колониальной политики. Иркутск: ИГУ. 1974. С. 46.

Исход экспедиции во многом зависел от той "легенды", которая определяла бы ее внешний вид и смысл. А. Бернс прекрасно сознавал сложности и опасности такого путешествия. У него был соблазн переменить образ европейца, переодеться и попытаться стать "туземцем": "Из долгого взаимодействия с азиатами, я получил некоторое проникновение в их характер, и обладал в то же время хорошими знаниями разговорного персидского языка, этого лингва франка того населения, которое я должен был встретить"¹⁵⁰. Однако он посчитал подобную «адаптацию» в высшей мере безнадежным делом, отклонив идею о таком перевоплощении.

Наиболее приемлемой ему казалась версия, согласно которой он представлялся капитаном британской армии, возвращавшимся в Европу через Персию, Францию. Обоснованность сомнений в целесообразности "переодевания" подтвердилась позже. В разговоре с правителем Кабула Дост-Мухаммедом возник вопрос о том, почему А.Бернс путешествовал в азиатском костюме. "Я сообщил ему, что очень хотел бы увидеть другие страны и сейчас направляюсь в Европу через Бухару, свой костюм же изменил для того, чтобы не слишком выделяться в этой стране. Я не имел намерения скрывать от него и правителей других стран, через которые проезжал, что я англичанин. Восточный костюм способствовал восприятию обычаев здешних народов и создавал удобство. Правитель несколькими фразами одобрил мое желание изменить костюм"¹⁵¹.

А.Бернс скрупулезно перечислял разноименные народы, проживавшие в тех местах, через которые проходил маршрут. Их наименования, как и облик, были непривычными, причудливыми. Чаще всего он опознавал в них индусов, мусульман, сикхов, то есть классифицировал по очевидным

¹⁵⁰ Burnes A. Travels into Bokhara being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia. – London: John Murray, 1834. P. XIV.

¹⁵¹ Ibid., P.138 - 139

конфессиональным признакам. Более обобщенные названия отражали хозяйственные занятия¹⁵².

Какими бы разнообразными ни были встречавшиеся народы, они воспринимались путешественником как неотъемлемая часть ландшафта, Растворенные в природе и нерасторжимо слившиеся с пейзажем туземцы имели те же черты, которые имела незнакомая местность: они другие, неизведанные, многочисленные и чаще всего представлялись безликой массой, лишенной индивидуальности. Преобладавшие в тексте обобщенные характеристики народов усиливали это ощущение: "Народ сикхов – наиболее терпимый в своей религии"¹⁵³, "Афганцы – трезвый, простой уравновешенный народ"¹⁵⁴, "Армяне... беззлобный, не воинственный народ, но любят деньги"¹⁵⁵, "Недалеко от Бала Гиссара, в отдельной части города, проживают персы или кызылбаши (Kuzzilbashes) как их называют ...При правителях Кабула они состояли телохранителями и были прочной опорой власти. Они еще сохранили свой язык и являются верными нынешнему правителю"¹⁵⁶.

Выделяя обобщенные типичные черты того или иного народа, А.Бернс также указывал и особые свойства. Отстраненный взгляд наблюдателя фиксировал странности поведения или характера, необычность высказываний или действий. Например, сикхи так запомнились ему: "Любой сикх будет говорить вам, что табак является одним из основных возбуждающих средств. Еще основатель их секты, Гуру Говинд Сингх, доказывал это, демонстрируя загрязненность внутренности табачной трубки,

¹⁵² Находясь в Панджабе, А. Бернс сделал, например, такую запись: " Деревня на Сатледже. На берегу реки мы встречали многочисленные деревни, дома в которых располагались террасами и сделаны были из высушенной на солнце глины. В них проживали джаты: индусы, мусульмане и немногочисленные сикхи. Все мусульмане были обращенными индусами; интересно то, что мусульманство преобладает на южном берегу. В верховьях Сатледжа, вблизи Лодианы, население исключительно земледельческое; но после того, как река сливается с Беасом или Гифасисом (Beas or Hiphasis), обычаи населения меняются. Проживающие здесь народы известны под различными именами: догры, джулмейры (Julmairee), салееры (Salairee) Их общее название райаты (Raati), и живут они в постоянной вражде друг с другом". Ibid., P.4

¹⁵³ Ibid., P. 11

¹⁵⁴ Ibid., P. 143

¹⁵⁵ Ibid., P. 150

¹⁵⁶ Ibid., P. 157

чтобы показать проникновение табака в человеческое тело! Один сикх однажды рассказывал мне, что табак и курение – величайшие болезни нашего вырождающегося времени"¹⁵⁷ .

Путешественнику было свойственно умение подметить курьезное, оценить достоинства открывавшегося мира других людей. Это отразилось, например, в таких высказываниях: "Афганцы – нация детей, в своих ссорах они вспыльчивы и становятся друзьями без особых церемоний. Они не могут скрывать своих чувств, и любой человек с может всегда проникнуть в их замыслы. (...) Я в особенности подчеркнул бы их праздность. Они кажутся сидящими весь день без дела, красуясь друг перед другом. Как они живут при этом, трудно понять. И при том, они одеты хорошо, и здоровы, и счастливы. У меня осталось очень хорошее впечатление об их национальном характере"¹⁵⁸. Через несколько лет он сам станет жертвой "их национального характера" или своих неверных оценок этой "нации детей".

Индивидуализация "туземцев" происходила тогда, когда встречалось что-то незаурядное, когда из безликой массы выделялся отдельный человек, обладавший какими-то исключительными качествами, будь то фанатизм или жестокость, образованность или талант, обладание властью или богатством. Когда путники находились на территории Панджаба, их постоянно сопровождали известия о действиях сикхских фанатиков, которые не персонифицировались и оставались безликой опасностью, растворенной в окружающем пейзаже. Однако однажды такая угроза приобрела имя и облик реального человека: "13 января мы получили сообщение об одном акали, который за несколько дней до того, поджог деревню. (...)Этот человек, объявленный вне закона, по имени Нена Сингх (Nehna Sing), желал посетить нас"¹⁵⁹.

Не только чувство опасности способствовало появлению "живого ощущения восточного человека", с которым предстояла встреча лицом к

¹⁵⁷ Ibid., P. 13.

¹⁵⁸ Ibid., P. 144.

¹⁵⁹ Ibid., P. 12.

лицу. Гостеприимство, добросердечное отношение также оказывались причиной выделения конкретного человека из разноликой народной массы. В Кабуле А. Бернс и его спутники стали гостями небольшой армянской общины, проживавшей в городе. Он писал об этом: "Армяне пригласили нас посетить их колонию. Мы завтракали с Симоном Магардычем и его семьей, где также встретили и других членов общины. Маленькие дети выбежали, чтобы встретить нас, целовали наши руки. Они очень красивый народ. Мы видели их церковь: маленькое строение, которое не могло бы вместить сотню человек. Наш хозяин Симон организовал для нас очень теплую встречу. При этом он был в одежде, на которой были вытканы изречения из Корана. "Это афганская одежда, – сказал он, - и христиане не могут игнорировать эти изречения".(...)Армяне приспособили все свои обычаи и манеры к магометанским и снимают свою обувь и тюрбаны, когда входят в свою церковь"¹⁶⁰.

"Живое ощущение восточного человека" наблюдалось также в отношении своих туземных спутников. Они заслужили доверие своей верной службой, английским образованием и другими полезными навыками. А.Бернс назвал их имена и охарактеризовал каждого¹⁶¹.

Однако в этих случаях "восточные люди" оказывались своеобразным отражением собственного "Я" путешественника, по отношению к которому были верными и преданными, полезными и усердными, добросердечными и гостеприимными или же опасными и нежелательными, фанатичными и

¹⁶⁰ Ibid., P. 150

¹⁶¹ "Меня также сопровождал Магоммед Али (Mahommed Ali), гражданский служащий, получивший образование в Инженерном институте в Бомбее под руководством инженера капитана Г. Джервиса (G. Jervis); он заслужил мое величайшее доверие честной и преданной службой во многих случавшихся okazиях в течение предшествовавшей поездки в Лахор. Я также взял с собой индусского юношу из кашмирской семьи по имени Мохан Лал (Mohun Lal), который получил образование в Английском институте в Дели. Он должен был помочь мне в моей персидской переписке, каноны которой приняты на Востоке. Его юность и его вероучение могут, я верил, освободить меня от всех опасностей его вовлечения в интриги с мусульманским населением. Они оба - и он, и топограф - показали себя усердными, заслуживающими доверия людьми, преданными нашим интересам. (...) Мы рассчитали всех наших индийских слуг, кроме одного только человека, Гулама Хусна (Ghoolam Hoosn), который заслужил мою давнюю благодарность за трудные испытания, которые он претерпевал, сопровождая меня, он и сейчас является моим верным слугой". - Ibid., P. XII, XIII

злыми. Они представлены так поверхностно, что нет никаких упоминаний об их индивидуальном опыте, личностных особенностях, своеобразии их существования вне контакта с автором описания. "Маленький человек" в его восточном или западном варианте не осознавался индивидуальностью. Таковой могла быть "выдающаяся личность". Именно в изображении правителей наиболее полно представлено А. Бернсом "живое ощущение восточного человека".

В Панджабе путешественник встретился с правителем этих территорий Ранджитом Сингхом. А. Бернс был знаком и с ним, и с принятым на Востоке церемониалом, предваряющим такие встречи. "До того, как пересечь границы Индии, нам необходимо было получить разрешение Ранджита Сингха, правителя Панджаба. Мне казалось, что частное обращение будет во всех отношениях предпочтительнее, чем официальное письмо от правительства. Я незамедлительно адресовался к его превосходительству и испросил разрешение на вступление в его территории. Я дал ему письменное разъяснение о целях моего пути и выразил надежду на получение позволения пересечь границы дружественного союзника. Выдержав точный стиль восточной гиперболы, я сообщил его превосходительству, что "если я снова получу удовольствие видеть его, это сделает меня еще более счастливым, потому что это будет означать благосклонность ко мне и возможность снова выразить мои свидетельства дружественности к принцу, чью исключительную храбрость я отмечаю наряду с его вечной мудростью"¹⁶².

Состоявшаяся встреча в полной мере представила как блеск, могущество правителя, так и его щедрость, гостеприимство. Именно в такой ситуации наиболее близко соприкасались разные миры, и могло возникнуть "живое ощущение восточного человека". А. Бернс очень подробно описал полученные подарки, церемонии восточной вежливости, салют и парад войск

¹⁶² Ibid., P. 2

правителя, живописное великолепие ставки махараджи, пышную процессию на слонах и устроенную в честь прибывших гостей охоту на тигра.

"Интенсивность противопоставления и контраста между "собой" и "другим", "своим" и "чужим" зависит от степени близости мира "другого" к собственному миру"¹⁶³. В момент встречи достигалась такая степень близости, и в разговоре встретившихся людей проявлялась интенсивность взаимного восприятия.

Именно в беседах проявлялись личностные черты Ранджита Сингха, раскрывалось своеобразие его индивидуальности, на что чутко и метко реагировал А. Бернс. "Ранджит был очень разговорчив на марше и занимал нас беседой в течение примерно часа. (...) Ранджит говорил, что войско не станет выполнять приказы восточных принцев, если они не будут регулярно платить, и, следовательно, выполнять свои обязанности. Он желал узнать, могут ли наши войска шумно требовать оплаты, и выразил удивление, услышав, что такое поведение будет рассматриваться как мятежное. Беседа не могла, разумеется, закончиться без вина его любимых сортов, и как только он первым присел, тут же заметил, что размер его палатки был вполне подходящим для беседы с вином, тем более, что отсюда открывался прекрасный вид на окружающую страну. Он допытывался у докторов, когда лучше пить вино: до или после еды, и рассмеялся, услышав от меня в ответ, что я рекомендую оба случая. В течение этой беседы, один крестьянин вторгся в нашу группу, взывая громко к справедливости: он был остановлен стражей и изгнан, но Ранджит крикнул строгим голосом: "Не трогайте его!" Один служащий высокого ранга был послан, чтобы выслушать его просьбу; но если верно распространенное мнение, я опасаясь, что справедливость

¹⁶³ Яриц Г. Конструирование "себя" и "другого". Позднесредневековые визуальные образы и создание идентичностей // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: Кн 1. – М.: Наука, 2003. С. 552

здесь является довольно редким явлением, как и в других азиатских странах"¹⁶⁴.

Индивидуальные черты "восточного человека" живо воспринимались, когда собеседнику становилась понятной его рациональность, логика действий, личные пристрастия, представления о долге, справедливости и способность адекватно реагировать на шутку. В этом ощущалась наибольшая интенсивность сравнения между "своим" и "чужим".

Однажды, уже в Кабуле, А. Бернс отчетливо увидел разницу между западной и восточной традицией рассказывать анекдоты: "Различие между восточными манерами и западными ни в чем не проявляется более заметно, чем в рассказывании забавных историй. Европейец любит анекдоты, но он будет очень удивлен, если его позовут в компанию именно для того, чтобы рассказывать их для развлечения гостей. На Востоке есть профессиональные рассказчики анекдотов, а на Западе мы включаем острое словцо в сам ход разговора. И восточные и западные анекдоты могут касаться правительства. Но на Востоке это будет немного фамильярно, и в том совсем мало социального смысла. А в Европе хорошие анекдоты учат нас рассматривать каждого как бы на весах равенства"¹⁶⁵.

Любознательность, тяга к знаниям, образованность также становились поводом для индивидуализации "восточного человека". При дворе Ранджита Сингха путешественник особо выделил врача и секретаря правителя, Азизодина (Uzeezodeen), "...который, по восточным представлениям, был очень ученый человек., особенно осведомленный в теологии, метафизике и физике, воспринятых от греческих авторов"¹⁶⁶. Из долгих разговоров с ним

¹⁶⁴ Burnes A. Travels into Bokhara being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia. – London: John Murray, 1834. P.21-22

¹⁶⁵ Ibid., P 158- 159

¹⁶⁶ А.Бернс так изложил философские представления своего восточного собеседника: "Мир состоит из трех различных атомов, все вместе и каждый из которых присутствуют в "благородном создании Бога" - в человеке. (...) В человеке, единственном, мы имеем всякую исключительность: он владеет красотой и блеском драгоценного камня, понимает и наблюдает обитателей соседних царств и, кроме инстинкта животного, он обладает разумом и предвидением будущности. Как говорил ученый муж, " человек выбирает свою жену деликатно,

А. Бернс получил представление о том, что на Востоке считается мудростью, однако ему она показалась курьезной и схоластической. Потаенная усмешка содержалась в его описании тех ученых знаний.

Различия в научных представлениях неоднократно становились поводом для недоразумений, но они только усиливали "живое ощущение восточного человека". В Кабуле, например, А. Бернс так описал свои беседы об алхимии с навабом Джаббар-ханом (Jubbar Khan): "Я имел удовольствие провести несколько вечеров в общении с нашим хозяином навабом, который, подобно многим его соотечественникам, пребывал в поисках философского камня. Такой благоприятный случай, как наше прибытие, казалось, обещало ему богатый урожай. Я же вывел его из заблуждения и посмеялся над тиглями и рецептами, которые он производит. Я объяснил ему, что химия пришла на смену алхимии, как астрономия сменила астрологию, но поскольку я не мог детально представить точную природу этих наук, мои не-алхимические объяснения бытия, имели малый эффект"¹⁶⁷.

Однако А. Бернс не был праздным любознательным путешественником. Встречи с правителями восточных государств имели стратегические основания. Для осуществления своей политики в этом регионе британцы должны были обладать точными и адекватными сведениями о династических претензиях и потенциальных конфликтах, о межплеменном соперничестве и настроениях властителей. Полнота информации о стране, способность понять характер того или иного правителя и найти способы влиять на него, - все это было залогом успешных политических действий. Вот почему "живое ощущение восточного человека", чутье и пристальное внимание были необходимым профессиональным навыком политического агента.

А. Бернс очень подробно описал свою встречу с правителем Кабула Дост-Мухаммедом (Dost Mahommed Khan). Он особенно отметил "знание,

не топясь в стаде, подобно другим животным созданиям". Но мы прибыли на охоту, а не для того, чтобы философствовать..." - Ibid., P 23

¹⁶⁷ Ibid., P. 160.

ум и вежливость, которую обнаруживал правитель"¹⁶⁸. В разговоре Дост-Мухаммед расспрашивал своего гостя о государствах Европы и их властителях, о налогообложении в Англии и плодородии ее почвы, о существовавшей в России воинской повинности и ее целесообразности, об успехах китайских мануфактур и английских машин, о диковинном звере носороге и кабульской музыке.

Собеседники обсуждали индийские дела. А. Бернс так описал этот момент разговора: "Ваше богатство – затем добавил он [Дост-Мухаммед], - происходит из Индии". Я заверил, что налоги этой страны остаются в ней (...)Никогда прежде я не встречал никого из азиатов (an Asiatic), кто признавал бы этот факт, но Дост-Мухаммед Хан заметил, что "там достаточные средства для подчинения Индии. Вы дали много богатства туземным правителям и можете не опасаться их недовольства, и еще вы справедливы в своих судах". Он также интересовался состоянием магометанской веры в Индии и тем, насколько сильна власть Раджита Сингха: от претензий на его страну он не собирался отказываться"¹⁶⁹. Гости покинули дом правителя за полночь и были вполне очарованы приемом, обращением и манерами Дост-Мухаммеда.

Очаровательный прием происходил на фоне династического соперничества, в котором тогда наступила небольшая мирная пауза. "Между тем старая вражда попель-зеев и барек-зеев нисколько не улеглась, а напротив разгоралась"¹⁷⁰. К этой племенной вражде присоединялось соперничество России и Англии за влияние в Афганистане. Беседа А. Бернса и Дост-Мухаммеда происходила в эпицентре этой скрытой борьбы.

¹⁶⁸ 2525. Ibid., P. 137

26. Ibid., P.137

27. Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны СПб, 1885// История Афганистана. Документальное исследование. Авторы-составители С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – М.: Крафт-Традиция-Евролинц, 2002. С.79

28. Указ. соч. С.79

¹⁶⁹ Ibid., P.137

¹⁷⁰ Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны СПб, 1885// История Афганистана. Документальное исследование. Авторы-составители С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – М.: Крафт-Традиция-Евролинц, 2002. С.79

Дост-Мухаммед был ключевой фигурой в тех событиях. "В 1826 году он окончательно утвердил свою власть в Кабулистане и сделался самым могущественным и самым даровитым владетелем всего Афганистана. (...) Однако в то время он был только одним из сердарей и владел лишь Кабулистаном. В Кандахаре властвовал воинственный Кокендиль, а в Пешаваре сердарем был другой его брат Султан Мохаммед. Младшие братья были сердарями в Джелалабаде, Келати-Гильзай и пр. Несомненно однако, что с утверждением в Кабулистане Дост-Магомет занял первенствующее положение между сердарями Афганистана; его мягкое и справедливое управление подчиненными ему и добытыми им с таким вероломством и жестокостью областями снискало ему большую популярность, доставило опору, которою в такой мере никто из сердарей не обладал"¹⁷¹

А. Бернс прекрасно осознавал все тонкости афганской политики. По прибытии в Кабул он остановился в доме Джаббар Хана¹⁷². Он так писал о характере Джаббар-хана: "В течение моего пребывания в Кабуле я уверился, что у наваба не лживый характер, что он выражает себя так, как чувствует, с искренностью. Никогда не было человека более скромного и более любимого, (...) Политики нападают на него дома, чтобы втянуть в интриги, и все равно он обладает уважением целого сообщества и имеет на сегодняшний момент наибольшее моральное влияние, чем любой другой представитель семейства Баракзаев в Афганистане. Его манеры замечательно мягки и приятны, и по его манерам никто не подумает, что он может быть влиятельным членом воинственного семейства. Приятно находиться в его обществе, наблюдать его дела и слышать его беседу. Он очень неравнодушен

¹⁷¹ Указ. соч. С.79

¹⁷² А.Бернс так охарактеризовал этого человека: "Мы прежде слышали о дружелюбном характере нашего хозяина, наваба Джаббар Хана (Nawab Jubbar Khan)и даже нашли в нем при личном знакомстве сходство с патриархом. Он сглаживал любые разногласия среди своих многочисленных и кипучих братьев. Будучи старшим в семье, он не имел амбициозных намерений, хотя однажды был правителем в Кашмире и других провинциях державы Дуррани. Его брат, нынешний правитель Кабула, забрал у него многие должности вместе и конфисковал имущество. Но он не говорил о неблагодарности брата. Он напоминал, что Бог дает изобилие по своим желаниям и награждает тех, кто служит ему". - Burnes A. Travels into Bokhara being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia. – London: John Murray, 1834. P. 134

к европейцам и любого их них делает своим гостем, как только тот вступает в Кабул. Все французские офицеры в Пенджабе жили у него и имели дружеское расположение. Таков патриарх Кабула; ему сейчас около 50 лет, и таков хозяин того дома, в котором мы были счастливы остановиться"¹⁷³.

Внимательно присматриваясь к представителям правившего семейства, А. Бернс должен был адекватно оценить их искренность или лицемерие, надежность или коварство. От точности такого "живого ощущения восточного человека" зависел результат британских политических игр и его собственная жизнь. Здесь не было места романтическим иллюзиям о благородстве "туземцев", не могло быть и стремления демонизировать их. Философско-литературный вымысел и идеологические установки могли обернуться человеческими жертвами и большими дипломатическими неудачами.

Однако успех миссии и судьба путешественника не всегда зависели от "восточной" стороны. Британская политика в Индии и сопредельных странах определялась даже не в Калькутте, а в Лондоне. А.Бернс считал целесообразным поддерживать Дост-Мухаммеда, поскольку именно он мог противостоять сепаратистским настроениям враждующих местных правителей, объединить и укрепить страну. Однако восстановление сильной державы в Афганистане не соответствовало планам британского правительства. "Британские политики упорно добивались, чтобы во главе государства, очередного объекта английской агрессии, всегда находился их ставленник, сторонник ориентации на Великобританию, чтобы в нужный момент в целях соответствующего воздействия на восточное правительство в их руках имелся "законный" претендент на престол, послушное орудие их дипломатии. Помогая подобному конкуренту прийти к власти, они твердо

¹⁷³ Ibid., P.135

помнили о плате за услуги и не забывали новоиспеченного монарха поставить в зависимость от себя"¹⁷⁴.

К 1838 г. таким "законным" претендентом оказался бывший шах Шуджа, проживавший в Индии в качестве пенсионера британских властей. В октябре 1838 г. началась англо-афганская война. "В специальном манифесте Англия объявила, что ее цель состоит лишь в оказании помощи отстраненному от власти шаху Шудже. Оправдывая тем самым свои действия, Лондон взвалил вину за сложившееся в стране положение на эмира, его братьев и Россию"¹⁷⁵

А.Бернс, как знаток афганской политики, снова оказался в Кабуле. "Седьмого августа 1839 г. шах Шуджа-аль-мульк триумфально вступил в Кабул. Его окружали британские офицеры Кин, Макнайтен, Бернс. Реакция афганцев была безразличной или даже они казались довольными сменой правительства. Дост-Мухаммед бежал на север"¹⁷⁶ Уильям Макнайтен стал официальным британским посланником при новом правителе, а Александр Бернс был возведен в рыцарское достоинство, повышен в воинском звании и назначен советником посланника.

"Живое ощущение восточного человека", воспитанное в долгих и опасных путешествиях не позволяло А. Бернсу разделять иллюзию безопасности, бытовавшую тогда среди британцев, находившихся в Кабуле. Он чувствовал опасность, и именно потому написал завещание, отослал свои бумаги брату Джеймсу в Бомбей, хотя внешне сохранял видимость беззаботности. "Веселые пирушки в его личной резиденции, находившейся

¹⁷⁴ Шостакович С.В. Английская дипломатия и борьба вокруг престола в Иране в первой половине XIX в. // Вопросы истории международных отношений и колониальной политики. Иркутск: ИГУ. 1974. С. 46.

¹⁷⁵ История Востока. Т.4. Восток в новое время (конец XVIII - начало XX. Книга 1. – М.: Вост. лит., 2004. С. 166.

¹⁷⁶ Klimburg M. Preface // Burnes A. Cabool, being a personal narrative of journey to, and residence in that city in the years 1836,1837,1838. – Graz-Austria: Akademie Druck und Verlagsanstalt, 1973. P. XVI.

среди Шор Базара (Shor Bazar) в старом городе, и его любовные похождения с афганскими женщинами становились широко известными"¹⁷⁷.

В 1841 г. победившее на выборах в Британии правительство консерваторов решило вывести британский контингент из Кабула. В самом городе назревало возмущение. " 20 октября Посланник предписал сэру Александру Бернсу проверить информацию, полученную от капитана Тревора, который указывал на рост недовольства среди населения Кабула. Но сэр Александр, возглавлявший разведывательный департамент, ответил, что Тревор, должно быть, ошибся; ему самому ничего не известно о росте недовольства народа. Не согласившись с этим утверждением Тревор сообщал Посланнику о том, что многие вожди гильзаев покинули Кабул для враждебных действий против него"¹⁷⁸.

Второго ноября в Кабуле афганцы напали на резиденцию "Сикандера Бернса", как его называли афганцы. Все находившиеся там британцы были растерзаны нападавшими. Это оказалось началом еще более масштабной трагедии гибели британской армии генерала Элфинстона, отступавшей из Афганистана.

"Живое ощущение восточного человека", которое сложилось у А.Бернса за многие годы пребывания в туземной среде, не предотвратило гибельный исход. Но решающую роль в этом сыграла "западная сторона". К 60-м гг. XIX в. выяснилось, что некоторые донесения, направлявшиеся Александром Бернсом в Англию, были изменены так, чтобы они подтверждали нужное правительству мнение¹⁷⁹. Вскрывшиеся факты фальсификации документов стали поводом для парламентского расследования, но поскольку срок давности позволял приостановить процесс, правительство лорда Пальмерстона так и поступило.

¹⁷⁷ Ibid., P. XIX

¹⁷⁸ Sale F. A Journal of the disasters in Affghanistan. 1841-842. – London: Murray, 1843. P. 439

¹⁷⁹ Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. – London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd. 1906. P. 62.

2.7. Британская политика в индийских княжествах: версия Дж.

Малколма.

Карьера Джона Малколма. Одним из тех, кто осуществлял большую политику в Индии, был Джон Малколм. Он родился 2 мая 1769 г. и был одним из семнадцати детей небогатого шотландского фермера из Иксдейла¹⁸⁰. В 1781 г. двенадцатилетний подросток поступил на военную службу Ост-Индской компании. Согласно легенде, один из экзаменовавших его директоров компании игриво спросил: «Мой мальчик, что ты будешь делать, если встретишь Хайдара Али¹⁸¹, султана Майсура?». Дж. Малколм отвечал без промедления: «Что делать? Сэр, я выхвачу мою шпагу и отрублю ему голову». После такого ответа он так же незамедлительно был принят на младшую офицерскую должность в армию Компании и прибыл в Мадрас в 1782 г.¹⁸².

Оказавшись в Индии, Дж. Малколм легко и естественно воспринял тот стиль поведения, который бытовал в кавалерийской среде: он стал ловким наездником, залез в долги, как и многие другие юноши. Его воспринимали как «широколицего английского мальчишку Малколма», и это мальчишество надолго сохранится в нем¹⁸³. Десять лет спустя Дж. Малколм участвовал в осаде Серингапатама (Шрирангапаттинама – столицы Майсура). Благодаря хорошему знанию персидского языка, он состоял переводчиком в ставке *низам* Хайдарабада, в 1795-1797 гг. в Мадрасе занимал должность секретаря главнокомандующего А. Кларка. В 1798 г. началась его политическая карьера. Он стал помощником резидента в Хайдарабаде.

Многие эпизоды индийской службы Дж. Малколма связаны со знанием персидского языка. В 1799 г. он в качестве переводчика присутствовал при капитуляции Серингапатама, а потом получил должность секретаря

¹⁸⁰ Mason F. The Men Who Ruled India. London: Cape, 1963 P. 205

¹⁸¹ Хайдар Али – правитель южноиндийского государства Майсур (1762 – 82), оказал активное сопротивление британским колонизаторам.

¹⁸² Edwards M. Glorious Sahibs. The Romantic as Empire–Builder. L.: Eyre & Spottiswoode. 1968, P. 43

¹⁸³ Mason F. The Men Who Ruled India. London: Cape. 1963. P. 205

комиссии по землеустройству в Майсуре. Активное использование его переводческих способностей объяснялось нехваткой тех, кто знал восточные языки.

Знание персидского языка и доверие генерал-губернатора Уэлсли, занимавшего эту должность с 1798 по 1805 гг., открывало для Дж. Малколма широкие возможности. Ему часто случалось выполнять дипломатические поручения, которые наряду с лингвистической подготовкой требовали умения ориентироваться в политической ситуации. В 1799-1801 гг. капитан Дж. Малколм находился в Тегеране в качестве посланника генерал-губернатора. Ситуация в Персии тогда осложнялась не только соперничеством претендентов на трон, но и тем, что там уже находился британский посланник Мехди Али Хан, давно состоявший на службе Компании. Однако генерал-губернатор Уэлсли сомневался в нем, поэтому направил своего представителя, Дж. Малколма, с дорогими подарками, в сопровождении свиты, состоявшей из пятисот человек.

Миссия отправилась из Бомбея 29 декабря 1799 г., и 16 ноября 1800 г. была принята при дворе шаха¹⁸⁴. Она оказалась успешной. Дж. Малколм заключил торговый и политический договоры. Историк Ф. Мейсон писал: «Успехи миссии были значительными и выражались в договоре о дружбе с имамом Омана, тогда считавшимся главой государства в Персидском заливе, и в договоренности об утверждении английского резидента в Маскате. В Персии Малколм тоже произвел благоприятное впечатление. Он обладал импозантной внешностью, был превосходным наездником, всегда готовым посмеяться, и обладал таким чувством юмора, шутливо льстящего, который при персидском дворе казался модной игрой, а вдобавок ко всему у него были подарки. Он сумел заручиться дружественным расположением, формальный же договор, быть может, и не был столь ценным»¹⁸⁵. Деньги тоже сыграли свою роль в удачном исходе. Объем финансовых затрат

¹⁸⁴ Roberts P. India under Wellesley. Gorakhpur: Vishwavidyalaya Prakasan. 1961. P. 145

¹⁸⁵ Mason F. The Men Who Ruled India. London: Cape. 1963. P. 207

позволяет представить одно свидетельство, относящееся к 1828 г.: «Посланник Макдональд признавался Грибоедову, показывая ему секретную роспись расходов, что со времени посольства Малколма они потратили в Иране три миллиона фунтов стерлингов, в среднем не менее полутора миллионов золотых рублей в год»¹⁸⁶.

По возвращении в Индию Дж. Малколм в 1801-1803 гг. был личным секретарем генерал-губернатора Уэлсли и неоднократно выполнял его особые поручения. В феврале 1803 г. в его карьере началась череда назначений в разные княжества в качестве резидента. В том же году он стал политическим советником Артура Уэлсли, будущего герцога Уэллингтона, принимал участие в англо-маратхской войне, и в последовавших за ней переговорах. В декабре 1803 г. Дж. Малколм присутствовал при подписании договора, определявшего отношения между Компанией и Даулат Рао Шинде.

Присущее ему чувство юмора проявлялось в разных ситуациях. Как сообщают биографы, при подписании этого договора произошел такой случай: «Шинде представлял один маратхский брахман, известный как Вател Пант. Малколм однажды заметил, что он никогда не видел человека, лицо которого так напоминало бы карточного Джокера. С тех пор Вател Пант обозначался как Старый Джокер. Много лет спустя, в Париже, уже после Ватерлоо, Малколм спросил великого герцога Уэллингтона, что за человек Талейран. Задумавшись на мгновение, герцог ответил: "Очень похож на нашего Старого Джокера, но не столь хитрый". Вот с таким человеком Малколм и вел переговоры»¹⁸⁷.

Отношения с индийскими княжествами, сложившиеся во времена генерал-губернаторства лорда Уэлсли, неоднократно становились предметом размышлений тех должностных лиц, которые вершили индийскую политику. Многие из них понимали, насколько сложно создать оптимальное сочетание

¹⁸⁶ Шостакович С.В. Английская дипломатия и борьба вокруг престола в Иране в первой половине XIX в. // Вопросы истории международных отношений и колониальной политики. Иркутск: ИГУ. 1974.С. 56

¹⁸⁷ Mason F. The Men Who Ruled India. London: Cape. 1963. P. 208

британского вмешательства с полномочиями «туземной» власти. Сохранились документы, в которых представлено мнение Артура Уэлсли об этом. Он считал, что в индийских государствах «основанием и инструментом всякой власти является оружие, и когда эти договоры заключались, оружие или, иными словами, армия Ост-Индской компании, становилась единственной опорой и единственным эффективным средством власти в поддерживаемых туземных княжествах. Они должны быть самостоятельными во всех своих действиях, относящихся к внутреннему управлению, однако британские власти требуют, чтобы сфера внутренней политики поддерживаемого государства строилась на принципах справедливости, правосудия, чтобы в важных случаях сохранялась возможность вмешаться. Подобное вмешательство усиливает слабость туземного государства, поскольку оно нарушает те пределы, которые предусмотрены договором»¹⁸⁸. Исполняя обязанности резидента в разных княжествах Дж. Малколм неоднократно встречался с такой коллизией.

В те времена действия наполеоновской Франции, позиция России в международных делах, находили отражение и на Востоке. «Компания нервно посматривала на Персию и другие пограничные страны. Малколм дважды направлялся в Персию»¹⁸⁹. По поручению генерал-губернатора Минто, занимавшего должность с 1807 по 1813 гг., он в 1807 г. возглавлял миссию, призванную нейтрализовать там французское влияние. Однако власти в Лондоне не поддержали эти действия. Былое доверительное отношение к Дж. Малколму со стороны лорда Уэлсли стало причиной подозрительности со стороны совета директоров Компании и министерства. Он отождествлялся со своим прославленным покровителем и с его великими идеями империи, не одобряемыми директорами.

Помимо Дж. Малколма, в Персию тогда направилась правительственная миссия, возглавляемая Харфордом Джонсом, который так

¹⁸⁸ Indian Constitutional Documents. Calcutta: Mukherjee. 1948. P. 326

¹⁸⁹ Sanderlal P. *British Rule in India*. Bombay: Popular Prakashan. 1972. P 243

определял ее цели: «На меня было возложено точно удостовериться, каково было мнение двора и вообще персов относительно намерений, с которыми генерал Малькольм возвратился в Индию; и я установил его. Полагали, что он уехал из Бушира с намерением убедить генерал-губернатора назначить под его командованием большие силы, с которыми он мог бы возвратиться и посредством которых мог бы принудить шаха отречься от связи, которую, как говорили, он установил с французами. В дополнение к этому я установил, что вообще персы полагали, что один из несчастных принцев Зендской фамилии, в то время проживающий в Бомбее, должен был сопровождать эти, вооруженные силы и, если необходимо, должен был быть использован для объединения сторонников его семьи в южных частях империи»¹⁹⁰. Через три года, в 1810 г., Дж. Малколм снова оказался в той стране, уже в составе миссии Харфорда Джонса.

Послужной список Дж. Малколма отражал его разнообразную деятельность, как в военной, так и в политической сфере. Он приобрел большой дипломатический и административный опыт, составил представление о текущей индийской политике, об особенностях быта, нравов, социальной иерархии разных народов, населявших Индию. Стремясь передать накопленные знания, Дж. Малколм написал «Политическую историю Индии», публикация которой состоялась в 1811 г., и «Историю Персии», появившуюся через четыре года.

Пять лет, с 1812 по 1817 гг., Дж. Малколм провел в Англии. В это время, в 1815 г., он стал рыцарем ордена Бани, а в 1816 г. получил степень доктора гражданского права в Оксфордском университете. В свете он слыл знатоком Востока. Сохранился рассказ литератора Джеймса Смита о его беседе с Дж. Байроном: «Как-то за обедом у мистера Меррея пишущий эти строки встретился с поэтом в обществе сэра Джона Малколма. Лорд Байрон заговорил о своем намерении совершить путешествие в Персию. “Что мне

¹⁹⁰ Цит. по: Шостакович С.В. Английская дипломатия и борьба вокруг престола в Иране в первой половине XIX в. // Вопросы истории международных отношений и колониальной политики. Иркутск: ИГУ. 1974. С. 67

следует сделать, прежде чем отправляться туда?» – обратился он к сэру Джону. “Срежьте пуговицы!” – “Пуговицы – что, вот эти самые, металлические?” – “Именно! В целом персы - люди честнейшие, но с такими украшениями вас неминуемо прикончат!”»¹⁹¹

В течение следующего пятилетия, с 1817 по 1822 гг., Дж. Малколм находился в Индии, где ему довелось исполнять обязанности политического агента генерал-губернатора Хейстингса, а также участвовать в следующей войне с маратхами в качестве бригадного генерала. «В те времена еще было возможно удачно совмещать две разные службы: быть дипломатом в мирное время и воином во время войны, получая вознаграждение и за то, и за другое»¹⁹².

В 1822 г. Дж. Малколм вновь отправился в Англию. В январе 1825 г. в совете директоров Ост-Индской компании рассматривался вопрос о назначении ему пенсии. В принятой резолюции было сказано следующее: «Принимая во внимание выдающуюся доблесть и заслуги генерал-майора сэра Джона Малколма, рыцаря Большого Креста Ордена Бани, проявленные в течение очень продолжительного периода времени на высоких военных и гражданских постах, на которых он показал большой воинский талант и храбрость, а также обнаружил не меньший талант в трудных и дальних дипломатических миссиях, в которых он умел отстаивать интересы Ост-Индской компании и поддержать репутацию службы на благо Компании, он будет пожалован пенсией в 1000 фунтов в год»¹⁹³.

Проведя в Англии около пяти лет, Дж. Малколм вновь получил назначение в Индию. В ноябре 1827 г. он прибыл в Бомбей, вступил в должность губернатора и исполнял эти обязанности до декабря 1830 г. Вернувшись в Англию, он в 1831-1832 гг. был депутатом парламента, успел

¹⁹¹ Смит Дж., Смит Г. Отвергнутые послания. С-Пб.: Наука. 1995. С. 138

¹⁹² Mason Fh. The Men Who Ruled India. London: Cape. 1963. P. 210

¹⁹³ Auber P. An Analysis of the Constitution of the East-India Company. L.: Kingsbury, Parbury, Allen. 1826. P. 779

написать книгу «Управление Индией», работал над жизнеописанием лорда Клайва. Скончался Дж. Малколм 30 июля 1833 г.¹⁹⁴

«Заметки» Джона Малколма. Прослужив в Индии почти сорок лет, Дж. Малколм оказался свидетелем и активным участником эпохальных событий, происходивших в этой стране. Его карьера началась, когда генерал-губернатором был Уоррен Хейстингс, и он навсегда покинул Индию, когда этот пост занимал Уильям Бентинк. За годы жизни на Востоке он накопил огромный опыт участия в военных кампаниях, общался с людьми, принадлежавшими к разным мирам. Его знания могли пригодиться следующим поколениям британских служащих, не столь искушенных в индийских делах. Когда в 1821 г. Дж. Малколм покидал Индию, он составил документ, называвшийся «Заметки к инструкциям для помощников и служащих, действующих под руководством генерал-майора сэра Джона Малколма, рыцаря Большого Креста Ордена Бани». Эти «Заметки» были включены в качестве приложения в книгу «Воспоминание о Центральной Индии», изданную в Лондоне в 1832 г. Обобщив свой жизненный и служебный опыт, автор намеревался сделать его доступным для тех, кому позже предстояло действовать в этой стране. Он так писал о мотивах, побудивших его взяться за перо: «... я чувствовал, что это мой долг, перед ними, перед самим собой и перед общественной службой, дать наиболее полное объяснение моим представлениям относительно субъекта нашего общего и местного управления»¹⁹⁵.

Эти «Заметки» выполнены в манере наставлений, но не директив. В них автор как будто старался высказать то, что не было и не могло быть представлено в служебных распоряжениях или приказах. Стилистика инструкций исключала многословные рассуждения, противоречивые чувства

¹⁹⁴ Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. L.: Swan Sonnenschein. 1906. P. 271

¹⁹⁵ Malcolm J. A Notes of Instructions to Assistants and Officers acting under the Orders of Major-General Sir John Malkolm.G.C.B.// Malcolm J. A Memoir of Central India Including Malwa. L.: Parbury Allen. 1832. P. 433

или сомнения. В «Заметках к инструкциям» это было уместно. В таком историческом источнике зафиксированы важные нюансы субъективных представлений об особенностях британской власти в Индии. Сам автор выбрал то, что считал необходимым передать другим. Такая субъективность тем более ценна, поскольку она выразила житейскую мудрость, приобретенную автором в течение тридцати пяти лет жизни на Востоке, но не вошедшую в инструкции. «Заметки» могут раскрыть некоторые частные представления и мнения относительно природы британской власти в Индии. Чаще всего эти мнения утрачивались, уходя из жизни вместе с человеком.

В центре внимания Дж. Малколма был вопрос о том, что является основой господства британцев в восточной стране. Имевший опыт участия во многих военных компаниях автор видел опору британского владычества не только в силе оружия, но и в хитросплетениях дипломатии, в идеологическом оформлении этой власти. В качестве наиболее важной опоры он указывал на, казалось бы, эфемерное основание: «Наша власть в Индии сохраняется на общем признании туземцев нашего сравнительного превосходства в вере, мудрости и силе по сравнению с их правителями. Это важное впечатление должно подкрепляться уважением, которое мы оказываем их обычаям, институтам и религии, должно выражаться через умеренность, мягкость, любезность нашего обращения с ними»¹⁹⁶

Британцам следовало превосходить туземных правителей в вере, мудрости и силе, если они хотели сохранить свою власть. Очередность перечисления, где сила упоминается после веры и мудрости, могла бы показаться риторическим приемом. Однако Дж. Малколм не был публичным политиком или проповедником, в чьих речах естественны и уместны демагогические уловки. Его «Заметки» имели частный характер и были опубликованы через десять лет после их написания. Обозначенный

¹⁹⁶ Malcolm J. A Notes of Instructions to Assistants and Officers acting under the Orders of Major-General Sir John Malkolm.G.C.B.// Malcolm J. A Memoir of Central India Including Malwa. L.: Parbury Allen. 1832. P. 433

приоритет веры и мудрости мог выражать убеждения, важность которых выделил сам автор.

В то время и другие политики считали необходимым учитывать впечатление, которое производили британские действия в княжествах. В Индии с октября 1813 по январь 1823 гг. генерал-губернатором был Фрэнсис Рэвдон, граф Мойра, маркиз Хейстингс. Как сообщают биографы, он намеревался обеспечить британцам действительное превосходство, однако не был сторонником политики необоснованной военной экспансии и откровенного вмешательства в дела княжеств¹⁹⁷. В его дневнике сохранилась запись, датированная 1 февраля 1814 г. и касавшаяся отношений с индийскими княжествами: «В наших взаимодействиях с ними мы признаем их независимыми суверенами. Потом мы направляем резидента к их двору. Вместо того, чтобы действовать как посланник, он присваивает функции диктатора, вмешивается во все частные случаи, настраивает многих против нас, и делает слишком заметной такую свою деятельность. Чтобы сохранить поддержку правительства, он использует некоторые методы, которые бросают на нас тень»¹⁹⁸. Генерал-губернатор обозначил различные уровни взаимоотношений внутри сложной системы властной иерархии, напомнил о необходимости учитывать внешний эффект, производимый британской политикой. Так обнаруживалось совпадение мнений двух современников.

По мнению Дж. Малколма, британское господство должно казаться продолжением того естественного порядка, который был привычным для местного населения. Не разрушая иерархию и воздерживаясь от притеснений, британцы тем самым доказывали свое превосходство и убеждали, что они могут защитить от пороков существовавшего общественного устройства. Некая мимикрия власти требовалась для того, чтобы вписаться в чужой мир и господствовать в нем.

¹⁹⁷ Mehra P. A Dictionary of Modern Indian History. Delhi: Oxford University Press. 1985. P. 297-299

¹⁹⁸ Indian Constitutional Documents. Calcutta: Mukherjee. 1948. P. 328

Дж. Малколм так писал об этом: «Мы призваны сохранять среди низших и высших классов мнение, что для них наше правление является избавлением. Но при этом следует постоянно поддерживать твердое убеждение, что наша система управления является одним из вариантов того постоянного порядка, власти и разграничений, которые существуют среди туземного населения Индии. Эта вера должна быть общей для всех классов, без каких либо исключений»¹⁹⁹.

По мнению Дж. Малколма, британцы всегда могли использовать реальный или мнимый деспотизм местной власти, чтобы противопоставить ему свою политику. Однако такие действия требовали большой осторожности и чувства меры. Они ни в коем случае не должны были обидеть местное население, оскорбить его веру или даже суеверие. «Пренебрежение или неуважение к отдельному лицу или каким-то сообществам явно демонстрирует, что мы забываем о важнейших принципах, на которых эта империя создавалась и сохранялась»²⁰⁰.

Осуществление такой политики затруднялось важным психологическим обстоятельством. Представления о превосходстве, силе или слабости, бытующие у местного населения, могли заметно отличаться от европейского понимания. Российский историк К.А. Фурсов писал: «Британцы гордились своей сдержанностью в этом отношении, противопоставляя ее захватническому духу местных политий... Как пишет Дж. Малколм, князья принимали умеренность ОИК за страх и слабость, чем нередко, действительно провоцировали ее на нанесение превентивных ударов»²⁰¹. Приведенное мнение Дж. Малколма относилось к 1818-1822 гг.,

¹⁹⁹ Malcolm J. A Notes of Instructions to Assistants and Officers acting under the Orders of Major-General Sir John Malkolm.G.C.B.// Malcolm J. A Memoir of Central India Including Malwa. L.: Parbury Allen. 1832. P. 434

²⁰⁰ Ibid. P. 433

²⁰¹ Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2006. С. 229

когда автор высказывания был агентом генерал-губернатора Хейстингса в Центральной Индии.

В существовавших условиях особенно важными становились идеологические моменты. Предстояло внедрить в «туземное» сознание свое видение силы и слабости, свое понимание превосходства. В «Заметках» Дж. Малколм называл это приоритетной задачей, которую должны решать британцы. Для ее осуществления следовало воздействовать на чувства, использовать естественное человеческое стремление подражать тому, что кажется привлекательным. Он писал: «Все люди, принадлежащие и к низшим, и к высшим общественным слоям, включая детей, быстро обучаются манерам других, и, прежде всего тех, кто их превосходит. Когда это регулируется головой, а не сердцем, когда это обеспечивается разумом, а не чувствами – это не должно приветствоваться. Люди могут бояться, но никогда не будут любить или уважать тех, кто постоянно демонстрирует им свое превосходство»²⁰².

Превосходство не должно быть высокомерием. Обращаясь к своему юношескому опыту восприятия Индии и индийцев, Дж. Малколм писал: «Я могу вспомнить – но делаю это с чувством стыда - тот период, когда я думал, что превосхожу тех, с кем сводил меня мой долг. Однако по мере того, как я узнавал их и себя, дистанция между нами постепенно исчезала. Я много слышал о наших хвалёных преимуществах над ними, но не могу поверить, что сравнение различных обществ Европы и Индии может быть достаточным основанием для столь высокомерного взгляда. Я не могу согласиться с бытующим мнением, признающим туземцев этой страны неспособными к лучшей жизни и даже ограниченными в интеллекте и богатстве мысли»²⁰³. В «Заметках» автор отмечал, что высокомерие, соединяясь с незнанием, развивало в европейских служащих самодостаточность, гордыню, и не

²⁰² Malcolm J. A Notes of Instructions to Assistants and Officers acting under the Orders of Major-General Sir John Malkolm.G.C.B.// Malcolm J. A Memoir of Central India Including Malwa. L.: Parbury Allen. 1832. P. 438

²⁰³ Ibid. P. 438

позволяло им глубже проникнуть в «туземный» мир. «Когда гражданские или военные служащие овладеют языками и познакомятся с обычаями туземцев Индии, они смогут с большей искренностью относиться к ним»²⁰⁴

Знание оказывалось своеобразным идеологическим оружием британцев. Оно позволяло понять устройство того мира, в котором предстояло властвовать. Дж. Малколм отмечал, что между индийцами и их европейскими господами как будто существовала некая завеса, которая не позволяла последним узнать и понять мир первых. «Отчетов, в которых сообщается о касте, обычаях и религии, составлено так много, что они заслоняют преимущества непосредственного общения, способного открыть многое из того, что иначе постичь невозможно. Посредством частных контактов можно приобрести знание, которое облегчит исполнение служебного долга и даст понимание обычаев и чувств различных классов туземцев, всего того, что помогает их господам эффективно действовать»²⁰⁵

Однако важно осознавать, что не только европейцы способны изучать «туземцев». Находясь в Индии, британский служащий сам являлся объектом пристального внимания со стороны местных жителей. Его возможное решение усвоить индийский образ жизни могло быть воспринято как признание преимуществ этого строя жизни. Тем самым подвергалась сомнению фундаментальная идея о британском превосходстве. Дж. Малколм так писал об этом: «Европейский служащий, намеревающийся воспринять туземные обычаи и порядки, может доставить удовольствие немногим индивидуальностям, кому это польстит. Он может извлечь пользу из своего восприятия обычаев страны. Но, прежде всего, он должен удостовериться, что это получит высокую оценку как европейского, так и туземного сообщества, окружающего его»²⁰⁶

Дж. Малколм считал возможным использовать нормы традиционного общества, если они обеспечивают порядок и не угрожают английскому

²⁰⁴ Ibid. P. 440

²⁰⁵ Ibid. P. 442

²⁰⁶ Ibid. P. 442

господству. «Восхищаясь эффективностью таких правил, которые препятствуют распространению в широких слоях населения обычных пороков воровства, пьянства, насилия, и которые поддерживают семейную добродетель и родство, мы все же не можем одобрить многие суеверия, сопровождающие их»²⁰⁷

Некоторые традиции казались британцам варварскими. Обычай *сати* или практика убийства новорожденных девочек оскорбляли европейское чувство человеколюбия. Хорошо представляя возможности, которые были у британского политического чиновника, автор «Заметок» писал: «Вы не можете предотвратить каждый случай жертвоприношения, это не в ваших силах; всякая неудавшаяся попытка может создать плохое впечатление и прекратить следующие попытки. Поощрять тех, кто намерен отказаться от таких действий, и наказывать тех, кто совершает или подстрекает к совершению их, – вот наилучшее лекарство, которое может быть использовано в этом случае»²⁰⁸

Традиционные структуры общества давали каждому человеку определенный общественный статус и, жестко закрепляя его, были способны «удерживать в неподвижности то устройство общества, которое изначально они должны были поддерживать». Автор «Заметок» не упустил случая разделить «устройство общества» и «тираническое правление», предшествовавшее появлению британской власти. Сохраняя первое, европейцы должны стать олицетворением «хорошего правления». Дж. Малколм писал: «Многие моральные дефекты туземцев Индии происходят от того плохого правления и гнета, от которого они сейчас в значительной степени избавлены. Я не припомню какого-нибудь другого народа, оказавшегося в подобных обстоятельствах и, несмотря на долгий период смуты, тиранического правления, сумевшего сохранить так много доблести и так много хороших качеств, как жители этой страны»²⁰⁹

²⁰⁷ Ibid. P. 440

²⁰⁸ Ibid. P. 460-461

²⁰⁹ Ibid. P. 440

Ограничивая «туземных» правителей, британцы должны были использовать различия между ними и собой. Им следовало всеми способами утверждать преимущество европейцев, чтобы «каждое впечатление нашего превосходства» укрепляло фундамент британской власти. Такая убежденность в английском превосходстве заставила бы «туземцев» осознать себя «как деградирующую и слабеющую расу»²¹⁰. В этом случае население Индии легче поверило бы, что именно европейцы способны обеспечить стране прогресс и усовершенствование.

В многословных рассуждениях автора «Заметок», в частых повторах и возвращениях к уже сказанному можно обнаружить важные черты той идеологии, которая могла способствовать укреплению британской власти в Индии вообще и в княжествах, в частности. Идеи английского превосходства, идеи «слабеющей расы» помогали оформить колониальный патернализм.

Дж. Малколм был сторонником сохранения двойной административной системы, при которой, кроме Британской Индии, сохранялись и княжества. Он считал, что она сможет придать устойчивость британской власти в этой стране. Княжества были бы своеобразным амортизатором, призванным отвлекать на себя и сглаживать возможную агрессию или возмущение. Они могли представлять отдушину для тех, кто окажется недовольным английскими порядками в Британской Индии. В отношении княжеств следовало проводить дифференцированную политику: слабых можно включать в Британскую Индию, сильным навязывать подходящую форму зависимости.

«Туземные» князья, находясь в постоянном контакте с британцами, неизбежно начали бы усваивать их образ жизни и утрачивать «почву, которая их роднила с тем миром, к которому они принадлежали». Такой момент следовало использовать для внедрения важных идей. Дж. Малколм писал: «Если люди заняты в какой-то сфере управления этой великой страны, тогда

²¹⁰ Ibid. P. 441

их поведение должно утверждать высокие принципы доблести и правосудия, которыми они руководствуются»²¹¹. В высказывании встречаются слова, которые кажутся неожиданными в речи воина или политического чиновника. Проникать в «туземное» сознание и изменять его, воздействовать на чувства и получать желанный отклик, претворять в жизнь высокие принципы – это оказывается важным для утверждения британской власти.

К тому моменту, когда создавались «Заметки», деятельность британцев все более приобретала политический характер, поскольку они представляли утверждающуюся власть. По мнению Дж. Малколма, очень важно было обеспечить для местного населения полный и легкий доступ к начальствующим европейцам. «Я уверен, что последние события полностью изменили наше положение в Индии, что обязанности каждого служащего в политическом департаменте в гораздо большей степени, чем прежде, оказались связанными с осуществлением власти»²¹²

Доступность европейских агентов была способна ослабить власть «туземных» правителей. Благодаря этому британцы, не переходя к прямому правлению, становились высшей инстанцией для местного населения. Дж. Малколм писал: «Население Индии не может поверить, что будучи способными учредить наше прямое правление, мы будем долго воздерживаться от него. Созданное нами впечатление неизбежно ослабит тех князей, вождей и министров, кому наша власть предназначена быть поддержкой. Они не будут восприниматься как источник власти. Мы можем только оттенять их неэффективность»²¹³. В таком случае подданные князя стали бы сверять слова своих правителей с мнением европейских господ и постепенно склоняться к признанию британского превосходства над местной системой власти.

²¹¹ Ibid. P. 441

²¹² Ibid. P. 445

²¹³ Malcolm J. A Notes of Instructions to Assistants and Officers acting under the Orders of Major-General Sir John Malkolm.G.C.B.// Malcolm J. A Memoir of Central India Including Malwa. L.: Parbury Allen. 1832. P. 446

Публичность, «паблисити», также являлась, по мнению Дж. Малколма, неременной частью английской политики в княжествах. «Счастливой привилегией власти, так устроенной, как устроено английское управление в Индии, является публичность; она позволяет власти черпать силы из тех основ, на которых та покоится. Нет и не должно быть секретов в наших повседневных действиях. В таком случае каждый агент будет стремиться честно исполнять свой долг, и публичное осуществление власти, сократит возможность исказить его действия или намерения... Он должен избегать, насколько это возможно, частных контактов с теми, кто добивается его расположения, поскольку они могут превратить его расположенность в инструмент влияния на него»²¹⁴.

Кроме общих наставлений, в «Заметках» содержались и конкретные рекомендации, как должны действовать британские политические агенты в том или другом случае. Например, политический агент должен собирать поступающую к нему по службе информацию о природе страны, об ее ресурсах, о ее вероятных врагах. Кроме того, он обязан предоставлять военному агенту необходимые сведения о воинском контингенте, его численности и экипировке. В тот момент в Центральной Индии первой обязанностью британских агентов было предотвратить необходимость применения силы²¹⁵

Обладать силой и властью, но избегать случаев ее прямого применения – этот важный наказ неоднократно звучал в «Заметках» и был одним из лейтмотивов текста. Дж. Малколм настойчиво объяснял тем, кому предстояло служить в Индии после него: «Вы призваны выполнить нелегкую задачу: обладать властью, но редко ее использовать; быть свидетелем злоупотреблений, которые, как вам кажется, могли бы исправить; видеть ошибки или преступления, вызванные суеверным предубеждением, а также страдания, причиняемые плохим правлением, и терпеть, оставляя ваши

²¹⁴ Ibid. P. 447-448

²¹⁵ Ibid. P. 471

оскорбленные чувства далеко за пределами ограниченной сферы ваших служебных обязанностей. Вы способны воздействовать только путем целенаправленных перемен и нововведений, которые могут принести местную пользу, тихо, но определенно направляя общее усовершенствование. Ничто не может лучше укрепить ваше положение, кроме постоянных усилий пополнить ваши знания, кроме привычки вашего ума внимательно изучать характер нашей власти в Индии, понимая, что она утверждает империю»²¹⁶

Таким образом, в рассмотренных «Заметках к инструкциям помощникам и служащим», составленных Дж. Малколмом в 1821 г., представлены некоторые идеи, которые казались важными автору и которые должны были, по его мнению, определять практическую политику, осуществлявшуюся британцами в индийских княжествах. Прежде всего, следовало представлять политическое верховенство как превосходство хорошего британского управления над плохим «туземным». Европейская власть должна утвердить себя как законную основу порядка, мира и хорошего управления в противовес местной власти, олицетворяющей смуты, потрясения, тиранию. В тексте «Заметок» наиболее часто встречались слова «впечатление», «производить впечатление», «внушать». По-видимому, автор считал идеологические действия необходимым элементом британской политики в княжествах. Для утверждения превосходства британцев «туземное» сознание являлось не менее важным полем деятельности, чем поля сражений.

«Заметки» Дж. Малколма также обозначили важную сторону административных интуиций автора. Он начинал свою политическую карьеру в те времена, когда деятельность лорда Уэлсли обеспечивала не только расширение империи, но и определенную автономность британских служб в Индии. Доверие генерал-губернатора, личные качества самого Дж. Малколма позволили ему соучаствовать в индийской политике, сохраняя

²¹⁶ Ibid. P. 474-475

некоторую меру самостоятельности. Однако уже к 20-м гг. XIX в. в «Заметках» обнаруживалось осознание противоречия между административно-политической деятельностью, которая была привычна автору, с одной стороны, и внедрявшимися формами контроля, с другой стороны.

«Заметки к инструкциям помощникам и служащим» и обстоятельства служебной карьеры Дж. Малколма можно признать свидетельством тех перемен, которые происходили в организации управления Индией в первой трети XIX в. В то время осуществлялась рационализация управления как Британской Индией, так и княжествами. Британцы внедрялись в административное устройство последних, и возникала бюрократическая организация, требовавшая детализированного знания особенностей управляемого общества, а также навыков исполнения установленных процедур. В этих условиях административный опыт и знание реальной ситуации в княжествах приобретали особую ценность. Дж. Малколм представил их в своих «Заметках».

2.8. Возвращение домой: путешествие Сары Лашингтон из Индии в Европу в 1827-1828 гг.

Опыт возвращения из Индии в Европу воплотился в «Описании путешествия из Калькутты в Европу через Египет в 1827-1828 гг.», созданном Сарой Лашингтон и опубликованном в Лондоне в 1829 г.²¹⁷

Сара Лашингтон была женой Чарльза Лашингтона (1785-1866), сына Стефена Лашингтона, баронета. Издавна связанное с английской Ост-Индской компанией семейство Лашингтонов проявило себя в разных сферах: в совете директоров, в парламенте, в индийской гражданской и военной

²¹⁷ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. -280 p.

службе. Чарльз Лашингтон в качестве гражданского служащего провел в Индии более четверти века, с 1801 по 1827 гг. Первой ступенькой в его карьере была полученная в 1804 г должность помощника в канцелярии генерал-губернатора лорда Уэлсли²¹⁸. В 1809 г. молодого человека назначили заместителем секретаря в тайном и политическом департаменте. В 1823 г. он стал личным секретарем генерал-губернатора Джона Адама²¹⁹, а в 1825 г. получил должность главного секретаря правительства Индии. В 1826 г. Ч. Лашингтон исполнял обязанности суперинтенданта Ботанического сада, был членом разных комитетов правительства в Калькутте²²⁰.

Один из его современников, епископ Калькутты Реджиналд Хибер (1783-1826), в своем путевом дневнике оставил о нем такой отзыв: "Мистер Лашингтон был вынужден покинуть меня и вернуться в Лакхнау. Мы расстались, высказав взаимную надежду, что, может быть, когда-нибудь еще встретимся. Но в Индии много обстоятельств, препятствующих исполнению таких надежд! Если его не подведет здоровье, он может - я надеюсь и верю - быть полезным для этой страны человеком, поскольку обладает памятью, ответственностью, здравым смыслом, высокими религиозными и моральными принципами. В нем есть еще то, что я не часто встречал среди служащих – сильное желание просветить умы и улучшить состояние обитателей этой страны"²²¹

Пока Чарльз Лашингтон служил в Индии, там же находилась и его жена Сара Лашингтон. В 1827 г. он вышел в отставку, и осенью того же года супруги отправились в Англию. Вместе с ними возвращался в Европу Маунтстюарт Элфинстон²²², которого сменил на посту губернатора Бомбея

²¹⁸ Ричард Уэлсли, граф Морнингтон, маркиз Уэлсли (1760-1842) – генерал-губернатор Индии с мая 1798 по июль 1805

²¹⁹ Джон Адам (1779-1825) – исполнял обязанности генерал-губернатора с января по август 1823 г.

²²⁰ Backland C.E. Dictionary of Indian Biography. – L.: Swan Sonnenschein, 1906. P.256

²²¹ Bishop Heber in Northern India. Selections from Heber's Journal. - Cambridge: Univ.press. 1971. P.254

²²² Маунтстюарт Элфинстон (1778-1859) – губернатор Бомбея в 1819-1827 гг.

Джон Малколм²²³. Возвращавшиеся домой путешественники заодно совершили поездку по Египту и Италии. Описание этого путешествия было представлено Сарой Лашингтон.

О личности самой путешественницы можно составить суждение только по тому, что она сказала о себе в написанном тексте. Вспоминая годы, проведенные в Индии, С. Лашингтон так охарактеризовала свое состояние: “По причине ли заранее существовавшего предубеждения, из-за последовавшей вскоре болезни, вследствие ли разрушительного воздействия ужасного климата или из-за отсутствия друзей, - затрудняюсь сказать почему, но я не смогла полюбить Индию и оценить те изменения, которые, вопреки сложностям, в ней уже произошли. Вернуться в Англию – мое сердце постоянно стремилось к этому. Но поскольку обстоятельства вынуждали меня оставаться в Бенгалии, я училась смирению, подобно страдальцам из Дантовского Ада”²²⁴

Надежда вернуться в Англию поддерживала С. Лашингтон и позволяла пережить тяготы бенгальского климата. Когда же подошел срок долгожданного возвращения на родину, ее охватило смятение чувств. Она не была готова к немедленному отъезду. Предстоящий разрыв сложившихся в Индии связей, расставание с миром, где прошла счастливая молодость, тревожное ожидание неизвестного будущего, разлука с многочисленными друзьями, - все это оказалось трудным, болезненным делом. Такие сомнения могли поколебать решимость уехать, и ей даже хотелось что-то предпринять, чтобы "остаться еще на один год”²²⁵

Прощание с Индией сопровождалось некоторыми психологически тяжелыми процедурами. Из всех вещей, которые окружали ее в индийской жизни, предстояло выбрать наиболее важные, наиболее памятные. “Многим

²²³ Джон Малколм (1769 -1833) –губернатор Бомбея в 1827-1830 гг.

²²⁴ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P.2

²²⁵ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P.3

приходится жертвовать. Связки писем откладываются для будущего прочтения, снова рассматриваются и вновь откладываются в сторону, до тех пор, пока их участь будет окончательно решена. Они расстраивают чувства; кажется, что содержащиеся в них заверения в уважении, трогательность могут утешить в будущей жизни"²²⁶

Наиболее болезненным событием оказывалась распродажа собственного имущества, которое отъезжающие не брали с собой в Англию. С. Лашингтон вспоминала, какими печальными казались ей прежде аукционы, устраивавшиеся после кончины британских служащих. "В Индии вдова через несколько недель, если не через несколько дней после фатального события, должна взойти на борт судна, независимо от того, где останется ее муж, и должна будет говорить детям, что их отец погребен в отдаленной стране, и что его могила недоступна"²²⁷. Аукцион ее вещей проводился не в таких трагических обстоятельствах, но тоже оказался очень тяжелым испытанием.

Собиравшаяся в дорогу женщина признавалась, что долгие годы намерение вернуться в Англию через Красное море и Египет волновало ее воображение. О заманчивом маршруте С. Лашингтон узнала от своего соотечественника, который был редактором одной из калькуттских газет и который прежде уже совершил такое путешествие. На выбор маршрута предстоящего возвращения домой повлияло желание избежать дорожной скуки долгого плавания, а также стремление увидеть древности Египта и античные памятники Италии. В книге она написала: "Я постоянно задумывалась о восхитительной идее вернуться из Азии в Европу, повидав по пути Пустыню"²²⁸, рассмотрев величественные монументы Египта, посетив любимые места Сицилии и Италии, вместо того, чтобы провести на судне долгие пять месяцев однообразного пути вокруг мыса Доброй Надежды, в окружении незнакомых или даже знакомых пассажиров, с чувством

²²⁶ Ibid., p. 4

²²⁷ Ibid., p. 4

²²⁸ Имеется в виду Аравийская пустыня в Египте

раздражения, вызванным капризами и весельем многочисленных детей"²²⁹
Остававшиеся в Индии друзья пытались отговорить ее от опрометчивого решения. "Они говорили о неудобствах и опасностях штормов Красного моря, об ужасах Пустыни, о непредсказуемости турецкого правительства. Но трудности не пугали меня, я воодушевлялась собственным азартом и смелостью. Еще одним доводом для предпринимаемой поездки было то, что прежде ни одна женщина нашего круга в Индии не совершала такого путешествия. Я решила присоединиться к группе пассажиров, ожидавших нас в Бомбее, и любое затруднение стало казаться легко преодолимым"²³⁰.
Остававшимся в Индии знакомым, С. Лашингтон пообещала описать свое путешествие. Ее книга могла стать своеобразным путеводителем, в котором приводились сведения о дороге, о посещении городов, об увиденных памятниках истории.

Предпринимая задуманное путешествие, супруги Лашингтон должны были выбрать сезон, благоприятный для плавания по Красному морю. В книге так сказано об этом: "Чтобы покинуть Бомбей в начале декабря, в наиболее приемлемое для плавания по Красному морю время, следует отправиться из Бенгалии до того, как начнется северо-западный муссон. В таком случае удача будет сопутствовать плаванию. Поэтому мы были очень счастливы, получив места на одном из паровых судов Компании, прибывавшем в Бомбей к тому сроку, который соответствовал нашей цели"²³¹.

26 сентября 1827 г. путешественники поднялись на борт парохода "Ганга", который был предназначен как для военного использования, так и для курьерской службы. На судне было 10 пушек, оно приводилось в движение двумя машинами, по 40 лошадиных сил каждая. С. Лашингтон отметила следующее: "Я с удивлением обнаружила гораздо меньше

²²⁹ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P. 1-2

²³⁰ Ibid., p. 7

²³¹ Ibid., p.6

пассажиров на пароходе, чем мы могли бы найти в такой сезон на парусном судне"²³². Она сдержанно сказала о некоторых неудобствах пребывания на "Ганге", например, о постоянной вибрации и шуме, создаваемом машинами. Встречный ветер приносил прохладу, которая смешивалась с дымом, периодически застилавшим палубу.

Ее описание отчасти перекликалось с тем, которое в 1841 г. составил А.Д. Салтыков, имея в виду переход по Красному морю в Индию: "Ветер усиливается, дует с Индийского океана и приносит некоторую прохладу, зато все эти дни жар стоял до удушья, особенно в соединении с чадом, который доносил до нас противный ветер. Дамы падали в обморок одна за другой, несмотря на то, что это были англичанки и, следовательно, женщины выносливые. Жаль было смотреть на этих свеженьких, молоденьких девушек, бледневших со дня на день, увядая под атмосферой тропического зноя и угольного угара"²³³. С. Лашингтон кратко, бегло сообщила о тяготах пути, не упоминая о самочувствии и состоянии своего здоровья.

Из Калькутты путешественники должны были прибыть в порт Галле²³⁴ на Цейлоне. На "Ганге" был запас угля для 15 дней пути. Однако через 10 дней выяснилось, что уголь был плохого качества, его запасы подошли к концу раньше намеченного срока. В связи с этим 7 октября 1827 г. машины были остановлены, и судно под парусами направилось в ближайший порт Тринкомали²³⁵, сохраняя остатки топлива для входа в бухту. О непредвиденной остановке С. Лашингтон написала так: "Здесь нет ничего замечательного, за исключением размеров самого порта и вида с Форта Остенбург. Но они уже так хорошо были описаны, что не буду говорить о них.(...)Прибытие нашего парохода не вызвало особого интереса среди туземцев, только несколько лодочников, выйдя из состояния обычной апатии, устремились к судну. Вечером 10 октября, когда был один из

²³² Ibid., p.8

²³³ Салтыков А.Д. Письма об Индии. – М.:Наука.1985. С.16

²³⁴ Галле – порт на юге о. Цейлон (о. Шри Ланка)

²³⁵ Тринкомали – порт на восточном побережье о. Цейлон

наиболее красивых закатов, которые я когда-либо видела, мы покинули Тринкомали"²³⁶.

13 октября 1827 г. супруги Лашингтон прибыли в порт Галле. Еще в море они почувствовали пряные запахи, доносившиеся с побережья. "С моря городок казался не таким значительным, как Тринкомали, но более приятным. Гарнизон и жители собрались на берегу, чтобы посмотреть на наше прибытие, и представляли очень живую картину, тогда как в Тринкомали местность казалась безлюдной и унылой"²³⁷. С. Лашингтон с любопытством наблюдала этот новый мир, сравнивала его с Индией: "Несмотря на то, что я долго пробыла в Индии, меня поразила красота здешнего пейзажа, хотя и восточного, но очень отличавшегося от пейзажей Индостана"²³⁸. Здесь она увидела знаменитое хлебное дерево и старательно описала его.

Не только природа привлекала ее внимание. В небольшой этнографической зарисовке путешественница представила одежду, прическу местных жителей. Кое-что показалось ей удивительным: "У богатых туземцев вместо зонтика были огромные опахала, сделанные из листа веерной пальмы и призванные защищать их от солнца. Они производили забавное впечатление"²³⁹. Иногда писательница давала пояснения тому, что могло встретить непонимание у читателей: "Дождь помешал нашей прогулке вечером; помеха, понятная только в тропическом климате, где невыносимая жара мешает осмотру достопримечательностей в течение дня"²⁴⁰. За время остановки в этом порту супруги побывали в школе, открытой их соотечественницей миссис Гибсон. В ней местные мальчики получали коммерческие знания, а девочки обучались вышиванию и домоводству.

²³⁶ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P. 10

²³⁷ Ibid., p.11

²³⁸ Ibid., p.11

²³⁹ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P. 12

²⁴⁰ Ibid., p.13

Из порта Галле пароход "Ганга" направился к мысу Коморин. Путешественники любовались живописными видами гор, называемых Гхатами. Они без остановок миновали Кочин, Телличерри, Мангалор, и, наконец, прибыли в Бомбей. Сара Лашингтон так описала прибытие парохода в порт: "21 октября ближе к закату, когда наступал один из наиболее восхитительных вечеров тропической осени, мы вошли в гавань после 23 дней благоприятного плавания, счастливо избежав плохой погоды и каких-то других неудобств. Все население, европейцы и туземцы, было в движении. Берег представлял действительно живую картину: редкая природная красота гавани, приятное спокойствие погоды, различные суда, тысячи туземцев, кружащихся на берегу. Море было заполнено лодками, в некоторых из них находились европейские офицеры в алых мундирах, в других сидели парсы в своей обычной одежде, в остальных - индусы, конканцы, малабарцы. Это придавало неопишумую живость и прелесть наблюдаемой картине"²⁴¹. Губернатор Бомбея Маунстюарт Элфинстон встретил чету Лашингтон и пригласил остановиться в его резиденции в Парелле²⁴².

Поскольку Бомбей уже был известен по описаниям многих авторов, путешественница решила ограничиться беглым перечислением увиденных достопримечательностей и запомнившихся впечатлений. Супруги посетили городок и форт Бассейн. "Это удивительное место: кто бы мог подумать, что целый город стал безлюдным из-за чумы и ныне заселен одними обезьянами. Казалось, проклятие пало на него. Кроме единственного сипая здесь обитает необычная храмовая кобра (*Cobra di Capella*), которая, как говорят, часто появляется в центре старого индусского храма. Стены форта целы, здешние монастыри и часовни в отличном состоянии; они могли бы составить

²⁴¹ Ibid., p.16-17

²⁴² А.Д. Салтыков писал: «Губернатор Бомбея живет в великолепном дворце, выстроенном посреди роскошного сада и называемом «Парелл». - Салтыков А.Д. Письма об Индии. – М.:Наука.1985. С. 17

прекрасное и постоянное жилище для населения, обитающего по соседству в жалких хижинах"²⁴³.

Во время одной из прогулок по окрестностям Бомбея Сара Лашингтон наблюдала странную картину: "Рыба, уже пойманная, разбросана слоем, достигающим лодыжку, по всему берегу, где она остается сохнуть. Можно легко представить, что производит в таком климате эта разлагающаяся масса. Мы чувствовали ужасный запах, и я вынуждена была, покинув палубу, спуститься вниз. Это старая привилегия, по которой народ рыбой удобряет почву; она сохранилась со времен получения острова от Португалии"²⁴⁴.

15 ноября 1827 г. состоялся торжественный ужин по случаю отъезда М. Элфинстона. Дж. Малколм, следующий губернатор Бомбея, выразил своему предшественнику благодарность и искреннее уважение. Европейцы и туземное общество города преподнесли подарки. Сара Лашингтон так написала об этом: "Кроме столового серебра, картины и статуи, которые вручили европейские жители, был подарок от туземных жителей президентства, и этот дар более всего соответствовал чувствам мистера Элфинстона. Все религиозные общины по подписке собрали 1 лакх²⁴⁵ серебра, или 10 000 фунтов, чтобы выписать из Англии одного или двух профессоров для туземного колледжа, который предложили назвать его именем. Как они сказали, чтобы дети их детей сохранили память о том, кто был для них другом и отцом"²⁴⁶.

Торжественные проводы М. Элфинстона продолжались и в порту. Участница этой процессии свидетельствовала: "Глубоким и всеобщим было сожаление, вызванное его отъездом; многие люди следовали за ним до самой лодки, и когда он покинул берег, по всему пирсу зажглась иллюминация, осветившая надпись: "Прощайте". Это было последним выразительным

²⁴³ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P.18-19

²⁴⁴ Ibid., p. 19

²⁴⁵ Лакх – 100 000

²⁴⁶ Ibid., p.22

доказательством благодарности и уважения"²⁴⁷. Дальнейший путь супруги Лашингтон совершали вместе с ним на небольшом судне "Палинурус".

Погода и направление ветров были благоприятными. Путешественники вошли в Красное море и 1 декабря прибыли в Мокку²⁴⁸. "В Мокке к нам присоединился еще один пассажир, лейтенант Макмагон. Его сопровождал старый китаец, прибавивший новый язык к тем многочисленным жаргонам, которые уже имелись на борту и которые состояли из итальянского, португальского, хиндустани, арабского, персидского, китайского и абиссинского. Можно было вообразить великое столпотворение, когда эти люди заговаривали и пытались понять друг друга при всем разнообразии своих родных диалектов. Однако, это затруднение приходилось терпеть, поскольку для предпринимаемой поездки трудно в Индии найти слуг, достаточно квалифицированных, особенно в качестве переводчиков"²⁴⁹.

Морская часть их путешествия закончилась на африканском побережье, в Косейре²⁵⁰. Там супруги для себя и двух своих слуг взяли 22 верблюда и трех ослов. Караван совершил переход через Аравийскую пустыню. "Чтобы пересекать пустыню с комфортом, желательно иметь следующие вещи. У каждой семьи должно быть две палатки, (...) маленькая палатка для слуг; (...) обеденная палатка для всей компании. В дорожный сундук следует положить хлопковый канат, около дюйма толщиной; веревку; несколько иголок для шитья парусины, обычный плотницкий инструмент; восковые свечи; масло (оно станет доступным снова только в Кене²⁵¹); простые фонари, защищающие от света зонтики, зеленые покрывала, защитные очки с двойной сеткой коричневого или серого цвета вместо стекол. Для каждой персоны нужна портативная полевая кровать (лучше те, которые на латунных треногах), шерстяные одеяла и байковые занавесы,

²⁴⁷ Ibid., p, 22

²⁴⁸ Мокка – порт на юге Аравийского полуострова.

²⁴⁹ Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P. 37-38.

²⁵⁰ Косейр – порт Эль-Косейр на побережье Красного моря.

²⁵¹ Кена – населенный пункт на берегу Нила в Египте

чтобы окружали голову, поскольку в пустыне большое неудобство доставляет пронизывающий ветер по ночам. Путешествие по пустыне почти не отличается от того, что в Индии обычно обозначается как "быть на марше", поэтому и рекомендации, касающиеся экипировки лагеря и провианта, тоже могут совпадать. Однако верблюды здесь способны нести больший груз, чем такие же в Индии"²⁵².

Из Косейра до Луксора караван продвигался 5 дней: с 28 декабря 1827 по 3 января 1828 г. Выйдя к Нилу, путешественники 5 января начали спускаться вниз по реке, и прибыли в Каир 1 февраля 1828 г. Потом их путь прошел через Александрию, Мальту и Сицилию. 9 мая 1828 г. они оказались в Риме, откуда направились на север Италии: во Флоренцию, Пизу, Геную, Турин, Милан. Перебравшись в Швейцарию, супруги посетили Женеву, Лозанну, были проездом в Бадене. В Париж путники прибыли 19 августа. С тех пор, как они покинули Калькутту, прошло почти 11 месяцев. Наконец, 6 сентября 1828 г. Чарльз и Сара Лашингтон оказались в Дувре, откуда переправились в Англию. Так закончилось их возвращение из Калькутты домой.

Заключение.

Ориентализм как стиль мышления, по словам Э. Саида, основанный на «базовом различии Востока и Запада», выразился в произведениях европейской художественной литературы, в развитии науки о Востоке. Он также оказал воздействие на идеологию и политику. В книге Э. Саида, по преимуществу, рассматривались западные концепции арабского исламского мира. Опыт описания Индии в британских травелогах не только

²⁵² Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. P. 278

подтверждает, но и оспаривает ориенталистские гипотезы этого мыслителя. Такие тексты дают гораздо более широкую картину узнавания британцами восточной страны.

В первой трети XIX в. в европейской культуре происходили важные перемены, выразившиеся в переходе от классицизма к сентиментализму и романтизму. В то же самое время переосмысливалась ценность человеческой личности. «Восторг высокого одического стиля сменился восторженной умиленностью, на место грандиозного явилось трогательное. Не парение мыслей, а тихое размышление, мечтание. Но также требовалось и занимательное, забавное»²⁵³. Все это можно было найти в путешествии. Оно было своеобразным бегством от обыденности, давало путнику ощущение индивидуальной свободы, отчужденности от своего мира и мимолетного приобщения к чужому и неожиданному. Интерес к чужим краям, описание других миров позволяло любознательным европейцам по-иному взглянуть на самих себя.

К этому времени литература путешествий уходила от просветительского описания неизвестных земель, от энциклопедической передачи знаний о них. В центре повествования оказывался не внешний объективный мир, а авторское субъективное восприятие. Чувства путешественника, его рассуждения по поводу увиденного, все еще оставаясь в периферийной зоне изображения, приобретали такую же значимость и ценность, как и сведения об изображаемых пейзажах или народах, проживавших в открывавшихся ландшафтах.

В британских травелогах первой трети XIX в. через описание Индии в полной мере проявлялась личность автора, его индивидуальность. Исследователи такой литературы отмечали эту черту: «Для модернистского европейского понимания путешествия (...) была существенна определенная концепция индивидуума и вместе с тем такие связанные с ним ценности, как

²⁵³ Робели Т. Литература «путешествий» // Русская проза. – Л.: Academia, 1926. – С. 51

формирование личности, свобода, рефлексивная креативность, познание мира и создание своего благодаря отражению в чужом, культурная самоинтеграция индивидуального Я посредством образовательного путешествия в европейское пространство культуры и памяти»²⁵⁴.

В рамках так называемого «нового историзма», который изучает историю «...не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу»²⁵⁵, травелоги позволяют точнее представить процесс понимания и признания культурной ценности Другого. Если авторы путевых текстов были гражданскими лицами, и завоевание новых территорий не являлось их прямой служебной обязанностью, то в этой литературе трудно найти ориенталистскую идеологию, содержащую в себе желание доминировать в этом чужом мире или стремление переделать его по своим замыслам.

«Травелоги конструировали свой основной предмет - чужое – как объект удивления или восхищения (не важно, было ли это связано с эстетическим восторгом или же с культурной девальвацией в форме ориентализации); военные походы, напротив, всегда служили его уничтожению»²⁵⁶. В текстах Джона Малколма, военного человека и дипломата, наряду с признанием культурной ценности Другого, неизбежно проявлялись и идеологические установки, направленные на эффективное управление этим чужим миром. Ориентализм в этом случае из литературно-художественного явления переходил в сферу идейно-политических формулировок.

²⁵⁴ Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.186

²⁵⁵ Эткнд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М.: Новое литературное обозрение. 2001. С.416.

²⁵⁶ Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.192-193

Таким образом, британские тревелогии первой трети XIX в. позволяют представить европейский культурный контекст, в котором происходило развитие представлений о Востоке. В то время ориентализм в значительной мере оказывался литературным явлением. Совмещая документальность с художественным повествованием, писавшие об Индии британцы делали эту страну своеобразным лирическим героем, литературным персонажем своей путевой прозы. В этом случае восточный мир оказывался равноправным с другим лирическим героем – самим автором. Культурная дистанция между ними находилась в горизонтальной плоскости, не превращаясь еще во властную вертикаль идеологического или политического доминирования британского мира в индийском пространстве. Ориентализм как идеология господства Запада над Востоком, формировался тогда, по преимуществу, политиками, военными, дипломатами и был представлен в других текстах.

Методические указания и задания для самостоятельной работы.

Спецкурс «Ориентализм: идеология и политика» и спецсеминар «Образ Востока в культуре Запада» позволяют применить знания, умения и навыки, полученные студентами на протяжении всех лет обучения на историческом факультете. Они не дублируют культурологические или политико-исторические курсы, но позволяют изучать живые проявления человеческой духовности, представленные в художественных формах в сфере взаимодействия культур Востока и Запада. В них эту дихотомию возможно рассмотреть через конкретный фактический материал, представляющий

литературу, мифологию, искусство разных эпох. Главной задачей учебной деятельности должно стать внимательное обращение к некоторым наиболее ярким и важным проявлениям взаимовлияния культур Востока и Запада. Задания, предлагаемые для самостоятельной работы, позволяют развивать навыки поиска информации, анализа источников и литературы. Этим достигается не только более глубокое знание конкретного вопроса, но и приобщение к атмосфере научного поиска, что служит развитию привычки и навыков аналитического и художественного мышления.

Тема 1. Восток в записках европейских путешественников XVII-XIX вв.

Для изучения этой темы необходимо познакомиться с книгами, написанными европейцами, побывавшими в странах Востока и оставивших свои путевые заметки. При знакомстве с текстами следует выяснить биографические обстоятельства, которые привели писателя на Восток, а также те цели, которые преследовал автор публикации. Объединяемые одним жанром, записки путешественников могут очень отличаться по уровню достоверности, наблюдательности автора, по характеру изображаемого материала.

В текстах достаточно отчетливо проявляются человеческие свойства автора, его пристрастия, предрассудки, возможности понимать и принимать другой мир и людей этого другого мира. Поскольку среди авторов много европейских литераторов, при работе с их записками необходимо принимать во внимание их профессиональные качества. Зачастую они склонны превращать наблюдаемую жизнь в беллетристику, придавать ей придуманные смыслы, расцвечивать её яркими красками, создавать увлекательные сюжеты, чтобы привлечь внимание возможного читателя.

Дневники или записки, сделанные во время путешествий европейскими учеными-востоковедами или паломниками, могут отличаться от текстов

литераторов. При работе с такого рода источниками необходимо обращать внимание на указанное своеобразие.

1.1. Путешествие на Восток Ж. де Нерваля.

В Египте. Каирские улицы. Каирские женщины. Коптские свадьбы. Французы в Каире. Невольницы. Частная жизнь во время хамсина. Тайны гарема. Пирамиды. Плавание по Нилу. В Палестине и Ливане. Друзы и марониты. Охота. Посещение французского пансиона. В Турции. Балык-базар. Султан. Греческая деревня. Театральные представления и празднества. Дервиши. Байрам.

1.2. Путешествие на Восток Г. Флобера.

В Египте. Александрия. Каир. Пирамиды. Плавание вверх по Нилу. Коптский монастырь. Фивы. В Палестине. Святые места. В Сирии. Долина Бекаа. Баальбек. Триполи. Бейрут. В Константинополе. Сераль. Святая София. Путешествие в Карфаген в 1858 г.

1.3. Путешествие на Восток Т. Готье.

В Алжире. В Константинополе. Дарданеллы. Золотой Рог. Ночь Рамадана. Кофейни. Лавки. Базары. "Вертящиеся" и "воюющие" дервиши. Кладбище в Скутари. Султан в мечети. Турецкие бани. Святая София. Байрам. Сераль. Босфор.

Тема 2. Восточные мотивы и образы в европейской художественной литературе и изобразительном искусстве .

Источники, используемые при работе над этой темой, будут представлены произведениями европейской поэзии и прозы, а также изобразительного искусства. Работа с такого рода источниками предполагает обращение к историко-культурному контексту, к эстетическим свойствам того времени, в котором возникло то или иное произведение. Здесь потребуется также умение выделять заимствованные восточные образы, присутствующие в западных текстах, понять их новые смыслы и значения, которые они приобретают в европейской литературе.

Восточные образы, сюжеты, персонажи, привносимые в европейскую поэзию и прозу, открывали новые возможности для воображения, позволяли развивать композицию, стилистику и поэтику. Кроме того, в европейской литературе эпохи Просвещения был распространен жанр псевдо - восточных повествований, в которых под восточной экзотикой изображалась западная жизнь. Примером такого произведения являются "Персидские письма" Ш. Монтескье. При работе с этими текстами следует выделять аллюзии и скрытые смыслы, присутствующие за "восточной оболочкой".

2.1. Восточные мотивы и образы в европейской поэзии.

Французская поэзия: В. Гюго "Прощание аравитянки", "Дервиш". Т. Готье "Китайское", "Жалоба мавра". Ш. Бодлер "Малабарянке". Ф. Жамм "Синдбад-мореход". Г. Аполлинер "Исфагань".

Английская поэзия: Дж. Г. Байрон "Валтасару", "Поражение Сеннахериба". П.Б. Шелли "Индийская мелодия", "Подражание арабскому". С.Т. Кольридж "Кубла Хан или видение во сне". Дж. Р. Киплинг "Ганга Дин", "Баллада о Востоке и Западе". Г.К. Честертон "Лепанто".

Немецкая поэзия: И.В. Гёте "Западно-восточный диван", "Бог и баядера", "Пария". Р.М. Рильке "Призвание Магомета", "Будда". Ф. Рюккерт "Джелалэддин Руми. Персидская легенда", "Магия – Майя".

Поэзия США: Э. По "Израфил". Р.У. Эмерсон "Брама". Р. Фрост "Гонец с дурными вестями", "Импортер"

2.2. Восточные темы и стили во французской литературе эпохи Просвещения.

Д. Дидро "Нескромные сокровища".

Ш. Монтескье "Персидские письма".

Тема 3. Европейец на Востоке.

В этой теме предстоит рассмотреть житейские обстоятельства, приводившие европейцев на Восток, и жизненный опыт, приобретенный ими там. Стремление побывать в восточных странах, а может быть, и остаться там возникало или под влиянием моды, или как попытка убежать от финансовых неурядиц, или как намерение развеяться, избавиться от душевного недуга. Кроме этого, следует рассматривать и такие случаи, когда какая-то восточная страна оказывалась местом службы или местом рождения европейца.

3.1. Индия Р. Киплинга.

Тема может быть раскрыта на материалах романа "Ким" или сборников рассказов "Простые рассказы с гор", "Черным по белому", "Труды дня", "Жизнь даёт фору".

3.2. Бирманские впечатления Дж. Оруэлла.

Дж.Оруэлл некоторое время служил в колониальной полиции в Бирме. Бирманские впечатления нашли отражение в его романе "Бирманские будни" (1934 г.), в рассказе "Как я стрелял в слона".

Тема 4. Западный ориентализм: наука и идеология.

Разграничение Востока и Запада было условным, но важным для европейского сознания. Противопоставляя себя Востоку, европейцы осознавали себя. Эти идеологические моменты присутствовали в европейской культуре и оказывались подоплекой не только художественного творчества, научного поиска, но и реальной политики.

4.1. "Миссия белого человека": имперская идеология и гуманитарная практика.

Р. Киплинг "Бремя белых", "Саперы", "Брод через Кабул", "Холерный лагерь (Пехота в Индии)", "Пыль".

Тема 5. Взаимодействие культур Востока и Запада.

Культурное взаимодействие порождало новые явления в философии, литературе, искусстве. Сопоставление культур Востока и Запада позволяет увидеть общечеловеческие ценности взаимодействующих миров.

Тема 6. Россия и Восток.

Вопрос о месте России в противопоставлении Востока и Запада всегда занимал русские умы. Некоторые видели миссию России в том, чтобы примирить, соединить Восток и Запад. Из таких идейных исканий возникали как художественные произведения, так и идеологические концепции.

Российское евразийство.

Африканские путешествия Н.С. Гумилева.

Путешествие по Индии и Цейлону А. Д. Салтыкова.

Япония Вс. Овчинникова.

"Японские обыкновения" А.Н. Мещерякова.

Китайская цивилизация в произведениях В.В. Малявина

Тематика докладов

Путешествие на Восток Ж. де Нерваля

Путешествие на Восток Т. Готье

Путешествие на Восток Г. Флобера

Путешествие по Средней Азии А. Вамбери.

Восток в произведениях французских писателей эпохи Просвещения.

"Персидские письма" Ш. Монтескье как историко-культурное явление.

Восточные мотивы и образы в европейской поэзии и прозе XIX-XX вв.

Восток в европейском изобразительном искусстве.

Индия Р. Киплинга

Бирманские впечатления Дж. Оруэлла

Миссия белого человека: имперская идеология и гуманитарная практика.

Становление и развитие европейского востоковедения.

"Ориентализм" Э. Саида.

Африканские путешествия Н.С. Гумилева.

Путешествие по Индии и Цейлону А. Д. Салтыкова.
Япония Вс. Овчинникова.
"Японские обыкновения" А.Н. Мещерякова.
Китайская цивилизация в произведениях В.В. Малявина.
Российское евразийство.

Список рекомендуемой литературы

Тема «Ориентализм»

- Гобсон Дж. Империализм – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. -288 с.
- Взаимодействие культур Востока и Запада. Сборник статей. Выпуск 2. - М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1991. – 166 с.
- Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск 3. - М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.1985. – 291 с.
- Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск 4. - М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.1989 – 300 с.
- Петров А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но малоизвестном. - М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН.,1995. – 127 с.
- Петров А.М. Запад-Восток. Из истории идей и вещей. Очерки – М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН.1996. – 223 с.
- Русские военные востоковеды. До 1917 г. Биобиблиографический словарь./ Автор составитель М.К. Басханов. – М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН. 2005. – 294 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока, - СПб.: «Русский миръ» 2006.- 637 с.
- Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. - Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 960 с.

Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 336 с.

Тема «Травелоги: литература путешествий»

Ad Marginem 93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: «Ad Marginem», 1993.

Банах И.В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII-XIX вв.). Монография. – Гродно: ГрГУ, 2005.

Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. -397 с.

Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. – Л.: Academia , 1926. С. 44-45

Сандомирская И. Блокада в слове: Очерки критической теории и биополитики языка. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 432 с.

Франк С. Русские травелоги середины 1930-х годов // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.180-211

Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М.: Новое литературное обозрение. 2001.

Тема «Индия в британских травелогах первой трети XIX в.»

Auber P. An Analysis of the Constitution of the East-India Company. L.: Kingsbury, Parbury, Allen. 1826

Banerjee A.Ch. The Constitutional History of India. Delhi: Macmillan. 1977

Bishop Heber in Northern India. Selections from Heber's Journal/ Ed. by M.A. Laird – Cambridge: Univ. press, 1971.

Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. – London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd. 1906.

Burnes A. Travels into Bokhara being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia. – London: John Murray, 1834.

Edwards M. Glorious Sahibs. The Romantic as Empire–Builder. L.: Eyre & Spottiswoode. 1968

Graham M. Journal of a Residence in India by Maria Graham. – Edinburgh: George Ramsay and Co, 1813. -215 p.

Indian Constitutional Documents. Calcutta: Mukherjee. 1948

Lushington S. Narrative of a Journey from Calcutta to Europe by way of Egypt in the years 1827 and 1828. - L.: Murray, 1829. -280 p

Mason Fh. The Men Who Ruled India. London: Cape. 1963

Mehra P. A Dictionary of Modern Indian History. 1707-1947. - Delhi: Oxford univ. press, 1985.

Notes of Instructions to Assistants and Officers acting under the Orders of Major-General Sir John Malcolm.G.C.B.// Malcolm J. A Memoir of Central India Including Malwa. L.: Parbury Allen. 1832

Roberts P. India under Wellesley. Gorakhpur: Vishwavidyalaya Prakasan. 1961

Sanderlal P. British Rule in India. Bombay: Popular Prakashan. 1972

Statements Respecting the East India College // Malthus T.R. The Pamphlets of Thomas Robert Malthus. New York: Kelley. 1970

Thompson E, Garratt G.T. Rise and Fulfilment of British Rule in India. New York: AMS Press. 1971

Паниккар К.М. Очерк истории Индии. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1961

Фурсов К.А. Держава-купец: отношения Английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2006

Шостакович С.В. Английская дипломатия и борьба вокруг престола в Иране в первой половине XIX в. // Вопросы истории международных отношений и колониальной политики. Иркутск: ИГУ. 1974

Тема «Путешествия по Востоку»

Барадин Б. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника. 1906-1907. – Улан-Удэ, 2002.

Бернье Ф. Письма к господину де Мервейлю из Индии. // Книга путешествий / Сост. В.В. Малявин – М.: Наталис, 2000. С.156-204.

Бугенвиль Л.А. Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. – М.: Гос. изд-во географической литературы. 1961. – 357 с.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. – 319 с.

Головнин В.М. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. // Книга путешествий / Сост. В.В. Малявин. – М.: Наталис, 2000. С 226-371.

Готье Т. Путешествие на Восток. – М.: Изд-во им. Сабашниковых. – 2000. – 341 с.

Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо.- М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН. 1996. – 272 с.

Добель П.В. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге. – М.: Восточный Дом. 2002. – 272 с.

Дюма А., Доза А. Путешествие в Египет. - М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1988. – 287 с.

Кириллина С.А. «Очарованные странники»: Османская империя в русских паломнических описаниях XVI-XVIII столетий.// Восток-Запад. Историко-литературный альманах. 2005-2006. – М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН. 2006. С.171-187

Книга Марко Поло. - М.: Гос. изд-во географической литературы, 1955. – 375 с.

Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. – М.: Наталис, 2003. – 556 с.

Миклухо-Маклай. На берегу Маклая. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1961. – 331 с.

Мэрфи Д. Девственная земля. - М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.1982 – 200 с.

Нерваль Ж. Путешествие на Восток. – М.: Главн. ред. вост. литер. изд-ва «Наука», 1986. – 445 с.

Флобер Г. Путешествие на Восток. Путевые заметки. – М.: изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. -480 с.

Фальк-Рённе А. Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи – М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы.1985. – 191 с.

Хождение купца Федора Котова в Персию. – М.: изд-во восточной литературы, 1958. – 111с.